

Владимир Балашов

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Министерство культуры Республики Хакасия
Дом литераторов Хакасии

Владимир Балашов

БЕЗБИЛЕТНИК

Фантастическая повесть

Абакан
Хакасское книжное издательство
2012

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус) 6–445
Б 20

Книга издана при финансовой поддержке
Правительства Республики Хакасия

Иллюстрации художника Татьяны Худяковой

Макет обложки художника Веры Петуховой

Балашов В. Б.

Б 20 **Безбилетник.** Фантастическая повесть. На русском языке. — Абакан: Хакаское книжное издательство, 2012. — 168 с.

ISBN 978-5-7091-0583-6

Первыми произведениями члена Союза писателей России Владимира Балашова были фантастические рассказы, а первым литературным наставником — живший тогда в Абакане и ныне широко известный фантаст Александр Бушков. Руководитель же семинара прозы в Литературном институте имени А. М. Горького Владимир Амлинский сей «легкомысленный» жанр не жаловал, поэтому несколько книг, выпущенных автором после окончания в 1992 году Литинститута, не были фантастикой в полном смысле этого слова. И вот перед тобой, уважаемый читатель, полноценное произведение данного жанра. В нем есть и детективная интрига, и непростые людские судьбы, и космические полеты. В нем присутствует литературный русский язык, незаурядный талант автора и, конечно же, остро необходимая для фантастического произведения сверхидея. А вот чего точно нет в повести, так это вторичности сюжета и скучного повествования.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус) 6–445

© Балашов В. Б., 2012
© Худякова Т., иллюстрации, 2012
© Петухова В., обложка, 2012
© Дом литераторов Хакасии, 2012
© ГБУ РХ «Хакаское книжное издательство», 2012

ISBN 978-5-7091-0583-6

Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю.

Августин Блаженный

НЕБОЛЬШОЕ ПОЯСНИТЕЛЬНОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Двадцать лет тому назад в шутку, как мне тогда казалось, я дал себе обещание написать об этом случае фантастическую повесть или даже роман. Почему фантастическую? Во-первых, слишком многое так и осталось тогда необъяснимым, во-вторых, принадлежность к Корпусу Мониторов обязывала, да и до сих пор обязывает меня свято хранить служебные тайны. Жанр фантастики, к счастью, позволяет достаточно вольно обращаться с фактами, и авторские домыслы ничем не ограничены — кроме, пожалуй, писательской фантазии.

Большинство читателей знают, что Корпус Мониторов, являющийся особым подразделением Комитета по безопасности Земли, призван расследовать дела исключительно сложные, и лишь очень немногие посвящены, что в том числе и сверхъестественные. Уточню: отнюдь не мистические, а, скорее, не поддающиеся в данный момент времени какому-либо научному объяснению. Большинство из таких засекреченных расследований, получив огласку, просто-напросто вызвали бы ужас и панику среди людей с неподготовленной психикой. К счастью, по прошествии времени почти всем им находилось вполне материальное объяснение. Однако данный случай так и остался редким исключением...

Теперь коротко о себе. Три года назад я, старший монитор Вадим Быков, был переведен по возрасту на административную работу, и у меня наконец-то появилось свободное личное время. Видимо, привычка к постоянным умственным нагрузкам и толкнула меня на литературную стезю. К этому времени секретность положенного в основу романа расследования уже не явля-

лась непреодолимой помехой, так как прошли установленные двадцать лет, в течение которых не было выявлено как последствий проникновения, так и новых проникновений из чужого времени. Тем не менее необъяснимость фактов — а за двадцать лет так ничего и не прояснилось — вынуждает меня писать не документальную повесть, а именно фантастическую. По этой причине хочу предупредить читателей, что даже в тех эпизодах, в которых я придерживаюсь действительных фактов, излагаю всего лишь собственную версию случившегося. Избранный жанр фантастики не только позволяет, но даже обязывает автора к этому...

*Забросит нас в чужое время,
Где одиночество как бремя,
И от тоски погонит страх
Искать любовь в других мирах.*

*Где, как пылинки во Вселенной,
Как споры краткой жизни тленной,
Меж звезд блуждать обречены,
Всегда земные видя сны...*

*И не найдя иной Отчизны,
Вернемся мы на склоне жизни
На обветшавших кораблях...
Земля простит — и примет прах.*

*Вадим Быков, старший монитор
Корпуса Мониторов.
Планета Земля, 2115 год.*

ГЛАВА 1. КОВБОЙ

Любое путешествие во время отпуска — это как новая жизнь. По крайней мере, по количеству впечатлений! С другой стороны, если у тебя всё хорошо в реальной жизни, то оно вроде бы и ни к чему. Зачем тебе все эти утомительные перелёты и переезды, казённые гостиницы с прислужгой, думающей только о том, как побольше выманить денег? А ещё непривычная пища, от которой ты мучаешься, привыкая, первую половину путешествия и страдаешь от переедания в конце. В общем, сплошные стрессы, конфликты и неудобства! К тому же вскоре ты понимаешь, что половина из написанного в рекламном проспекте далеко не соответствует истине, а является обычной приманкой для простаков. Где-то через месяц ты с облегчением и тихой радостью возвращаешься домой с твёрдой мыслью, что твоя повседневная жизнь не так уж и плоха...

А ещё через неделю-две начинаешь с восторгом рассказывать своим знакомым о замечательно проведённом отпуске, об экзотике путешествия и невероятной природе планеты, о которой большинство из них знать ничего не знали и впервые слышат именно от тебя. Ты увлечённо описываешь, как замечательно провел время, заглушая таким образом мысль о бездарно потраченных накоплениях — и уже сам почти веришь собственным рассказам. И зарождаешь в сердцах этих знакомых тягу к подобному времяпровождению.

Так существует и множится год от года племя космических туристов...

* * *

Незнакомец был одет в основательно потертую кожаную куртку устаревшего, мягко говоря, покроя. Грубоватое, обвет-

ренное лицо, голубые, глубоко посаженные глаза и, главное, низко надвинутая шляпа с загнутыми вверх полями делали его похожим на ковбоя из ретро-вестерна, недавно транслировавшегося по стереовидению. Однако внимание Хенкина мужчина привлек не одеждой, для его возраста достаточно легкомысленной, а тем, что внимательно кого-то высматривал среди проходящих мимо пассажиров. Два раза «ковбой» устремлялся было к выбранным объектам, но в последний момент его что-то останавливало — и он отступал назад к массивной колонне, на которой было укреплено информационное табло.

Взгляды их случайно встретились, и Хенкин невольно улыбнулся столь удачному сравнению незнакомца с ковбоем. Простодушное лицо мужчины осветилось ответной улыбкой, и он приблизился.

— Простите, сэр, Вы летите на Эшер?

Классический английский выговор и хриловатый, словно высушенный жарким ветром прерий, голос только дополнили нарисованный образ — и Хенкин опять не смог сдержать довольную улыбку.

— Да, на Эшер, как и все эти любители космической экзотики, — он кивнул в сторону проходивших мимо пассажиров.

— Дело в том... — «ковбой» замялся. — Просто на Эшере работает мой брат Ричард Свифт.

— О-о-о, Вы случайно не потомок знаменитого писателя Джонатана Свифта? — заинтересованно спросил Хенкин, гордившийся своими познаниями в старинной классической литературе.

— Нет... Я не знаю такого... — «ковбой» сбился и тут же заговорил торопливо, видимо, опасаясь, что Хенкин уйдет, недослушав. — Не согласитесь ли Вы, сэр, передать брату письмо? Он обязательно будет среди встречающих, и Вы его непременно узнаете, потому что мы с ним похожи, как говорят моряки, словно две капли морской воды...

— Хорошо, Ваша просьба меня нисколько не затруднит, — неожиданно для себя сразу согласился Хенкин. — Но что мне делать с письмом, если Ваш брат все-таки не встретит космолет?

— О, даже не сомневайтесь — он непременно там будет!

Хенкин, которому крайне польстило обращение «сэр», положил конверт в портфель из кожи тэсской ящерицы, помахал рукой «ковбою» — и среди последней группы нарочито неторопливых, преисполненных своей значимости туристов прошел через турникет. А дальше, вслед за длинноногой и миловидной служащей космопорта, — к поджидавшему макробусу.

Погрузившись в уютную невесомость пневмокресла, он попытался ощутить себя столь же беспечным туристом-снобом, как и все окружающие. С удовлетворением отметил, что пока это получалось. Ещё бы: ему давно не доводилось проводить время вот так, праздно — не утруждая себя решением какой-нибудь производственной проблемы или анализом уже принятого решения...

Вынырнув через шлюзовой переход из-под шатрового свода космовокзала — прямо под слепящее, даже через поляризующий полупрозрачный пластик, солнце, — макробус набрал скорость и бесшумно заскользил над красноватыми плитами бетонного поля. Пассажиры с любопытством взирали то на серую, с непроницаемо плотными тенями поверхность Луны, то на голубой глобус Земли на беспросветно-черном небосклоне, то на возвышающийся над другими космолет новой пассажирской серии «Геркулес».

«Словно колосс над пигмеями», — отметил про себя Хенкин, разглядывая космолет.

Действительно, по сравнению с изящными серийными челноками и даже с массивными «грузовиками», размеры «Геркулеса» были просто потрясающими. Но главным достоинством новых космолетов было то, что они могли стартовать не только с Луны или с околопланетных орбит, но и непосредственно с поверхности любой планеты, включая Землю. Это, без всякого преувеличения, было последним словом космической техники уходящего двадцать первого века, и это была весомая заявка на лидерство фирмы «Крузкосмос».

Хенкину приятно было сознавать, что и этот новый космолет, и вся последующая серия принадлежат компании, одним из боссов которой является он. Причем не рядовым, а весьма значимым и перспективным руководителем...

Тем не менее бодрое настроение, которое он старательно в себе «подогревал», начало улетучиваться. Цепляясь за тающее душевное равновесие, Хенкин попытался думать о чем-нибудь отвлеченном и приятном — ибо знал наверняка, что где-то там, пока еще в подсознании, стремительно набирает силу ужас перед предстоящим перелетом. Как последнее, часто помогавшее в таких случаях средство, он попытался переключить мысли на семью, на свое детство.

Вспомнился вдруг эпизод из далекого-далекого прошлого. Он, совсем еще маленький мальчик, говорит матери:

— Я никогда-никогда не улечу с Земли, потому что больше всего на свете я люблю наш дом и тебя.

А мать гладит его по голове сладко пахнущей вареньем рукой и успокаивает:

— Тебе и не нужно будет никуда улетать. Твой отец достаточно богат, чтобы обеспечить нам приличную жизнь на Земле...

Мать говорила это с уверенностью — и он верил ей, как привык верить каждому ее слову...

Но прошло два десятка лет, и ему пришлось-таки улетать с Земли, причем довольно надолго. Улетать вопреки собственному желанию, но для того, чтобы обеспечить эту самую приличную жизнь себе, матери и своей будущей семье. Но зато уж обеспечить раз — и навсегда! И никому из коллег даже в голову не пришло, что сегодня он совершает самый настоящий и, хорошо бы, самый последний в жизни подвиг! Ибо для подверженного клаустрофобии человека две недели одиночного заточения в крохотной каюте космолета равнозначны заключению в тюремной камере-одиночке.

От неотвратимости происходящего и от полной безысходности впору было завывать, но он понимал, что надо держаться, пусть даже из последних сил! Еще в ранней юности он определил свое жизненное кредо: «На голове удачи произрастает один единственный вихор, и если сумел ухватиться — ни за что не выпустай, ибо второго случая может не представиться». А он, похоже, этот руль судьбы ухватил-таки, причем довольно крепко!..

Эластичный гофр шлюз-перехода, опущенного с космолета, мягко прильнул к тамбуру макробуса, послышалось негромкое

шипение выравниваемого давления — и створки дверей медленно разошлись в стороны.

Эскалатор плавно и бесшумно поднял пассажиров на нижнюю палубу, а оттуда расторопные стюардессы развели всех по каютам.

В одноместной каюте высшего разряда — видимо, менее комфортную по запросу руководства фирмы диспетчер просто побоялся предоставить — на видном месте лежало меню. Чтобы чем-то занять время, Хенкин полистал его и заказал коктейль с самым прохладным названием — «Леденящий душу». Однако, несмотря на многообещающее название, коктейль не только не охлаждал, но, наоборот, горячил содержащейся в нем изрядной дозой спиртного. Чего уж тогда следовало ожидать от таких, как «Поцелуй туземки» или «Солнечный протуберанец»?..

К его претензиям принеся поднос с бокалом стюардесса отнеслась абсолютно спокойно, если не сказать равнодушно:

— Я не занимаюсь названиями напитков, я их просто разношу! А претензии можете предъявить руководству компании.

Несмотря на такой не слишком доброжелательный ответ, Хенкин с удовольствием окинул взглядом симпатичную стюардессу — миниатюрную, стройную брюнетку, — ибо ему нравились женщины именно такого типа.

Что и говорить, до сих пор он вел аскетичный образ жизни и отказывал себе во многом, в том числе и в женщинах. Всю свою энергию, все свободное время он посвящал сначала учебе, потом работе и карьере. Бесцветная и полноватая дочь босса не в счет — она тоже для карьеры... Поэтому, наверное, она так мало его возбуждает?.. Все развлечения, которые услужливо предлагала периодически распялявшаяся фантазия, он планировал на потом! А ведь потом — это так неопределенно...

Но теперь карьера, можно сказать, сделана — и скоро он начнет совсем иную, новую жизнь! Должно быть, чертовски здорово время от времени ударяться в загулы и удовлетворять свои тайные страсти?! Но оргии — это даже не страсти, а так — мелкие страстишки! Самое большое и самое тайное его желание — это повелевать людьми, множеством людей! Столько лет он тщательно скрывал от всех эту рвущуюся изнутри страсть,

успокаивая себя тем, что еще не пришло его время! Ощущение власти над массами — самое возбуждающее ощущение, оно слаще и желанней денег, славы, женщин! Особенно, если его так долго ждешь!..

Но теперь-то осталось совсем чуть-чуть!

Вкрадчивый женский голос с интонацией, словно бы намекающей на предстоящий интим, предложил занять спальные места. Хотя это всего лишь означало, что скоро старт, а горизонтальное положение уменьшит неприятные ощущения от кратковременной перегрузки.

«Однако какой же это идиот отвечает за рекламу в нашей фирме? — с нарастающим раздражением думал Хенкин, выливая противный коктейль в раковину умывальника. — Как только стану первым заместителем босса, сразу же подберу другого специалиста! Этот пиарщик — обыкновенный бездарь, причем высокооплачиваемый бездарь! Стоит ли рассчитывать на то, что даже очертя голову ринувшиеся в авантюру туристы не отличат жалкого подobia от истинного сервиса?.. Во всем, даже в названиях коктейлей должны присутствовать аристократические солидность и изящество, иначе никогда не приобретешь состоятельных, понимающих толк в дорогостоящем сервисе клиентов. За свои деньги они должны ощущать себя избранными!..»

— Ничего, — пригрозил Хенкин неизвестно кому, — когда стану генеральным, в корне поменяю все старые порядки!

Но даже от такого обещания настроение не улучшилось, раздражение не улеглось — и он с тоской вспомнил, что всего каких-то полчаса тому назад жизнь представлялась ему практически в розовых тонах. А сейчас он явственно ощущал, как настроение из легкого панического уже перерастает в гнетущее.

«Хотя, если не заикливаться на мелочах, неуклонно близится мой триумф, мой звездный час, — уговаривал себя Хенкин. — Писатели иногда сравнивают течение времени со спокойной или бурной рекой. Так вот: в мощно несущей его к карьере реке за весь последний год не отразилось не только темных туч, но даже сколь-нибудь значительного облачка...»

Во-первых, он стал, пока еще неофициально, но фактически правой рукой генерального директора компании. В связи с этим сумма на его банковском счете значительно раньше предполагаемого срока перевалила заветную цифру. Во-вторых, он без пяти минут зять директора — и при этом, кажется, не приобрел серьезных врагов. Коллеги по-прежнему величают его не иначе, как «своим парнем», а влюбленная по уши невеста — «милым Питером». У престарелого «папаши Джо» в последнее время часто стало пошаливать сердце, и дальнейший путь Хенкина ясен, как, например, маршрут этого «Геркулеса»...

Так что остается лишь одно реальное препятствие, которое он должен преодолеть, — вынести эту командировку и предоставить Совету директоров толковый отчет. А уж он-то знает, каким должен быть бизнес-план! У него есть собственные идеи и толковые предложения. Чем, кстати, не могут похвастать большинство из руководителей фирмы!..

Да, их космолеты стартуют с планет и способны безопасно доставлять туристов куда угодно, но изнеженные земляне везде хотят иметь комфорт, лишь на немного уступающий домашнему. То есть подавай им охотничьи базы «под старину» — но непременно с джакузи и шикарными барами; подавай им охотничьи микробусы на воздушной подушке — но в которых они чувствуют себя и в безопасности, и одновременно «лицом к лицу» с добычей. Маневренные, но довольно шумные глаеры уже не в моде... Значит, придется всерьез заниматься комфортом и прокладывать вокруг баз сеть приличных дорог! Раз клиенты желают, мы сможем предоставить им экзотику, которая щекочет нервы — и при этом нисколько не утомляет физически.

Он, Хенкин, сделает для них этот захудалый Эшер именно такой планетой!..

* * *

В космопорту Эшера Хенкина персонально никто не встречал, ибо, по его замыслу, это была как бы инспекционная поездка. Он резонно рассчитывал, что проверяющий инкогнито всегда имеет определенную фору.

Когда эскалатор доставил пассажиров из посадочно-разгрузочного терминала в центральный зал, Хенкин, оглядев немногочисленных встречающих, с некоторой досадой отметил, что среди них нет никого, хотя бы отдаленно напоминающего нужного ему человека. Мужественное и вместе с тем простоватое лицо «ковбоя» невозможно было бы не отличить даже от сотни других.

Думая о лежащем в портфеле письме, он направился к выходу на стоянку транспорта — и тут увидел прямо перед собой улыбающегося «ковбоя». Сходство было просто потрясающим: не только лицо, фигура — но даже клоунская куртка и дурацкая шляпа на голове. Вместе с тем Хенкин мог поклясться, что еще несколько мгновений тому назад этого человека в зале не было.

Кое-как справившись с шоком, он достал конверт и буквально выдавил из себя осмысленную фразу:

— Это Вам... От брата.

Лицо «брата ковбоя» снова озарилось улыбкой, обнажившей белые крупные зубы, и он произнес тем же хрипловатым голосом:

— Очень благодарен Вам, сэр, только не стоит так удивляться. Я все объясню. Мне и там, на Луне, показалось, что Вам можно довериться, сэр...

— Хенкин, Питер Хенкин...

— Если не возражаете, я вас провожу, сэр Питер? Похоже, придется ждать маршрутный рейс, — двойник кивнул в сторону мигом опустевшей от разнообразного служебного транспорта и такси стоянки перед космопортом.

— Да, да, пожалуйста, — согласился заинтригованный таким началом разговора Хенкин.

— Дело в том, что у меня никогда не было брата... — начал свой рассказ двойник и испытующе посмотрел на собеседника.

Хенкин промолчал, пытаясь осмыслить абсурдность такого заявления.

— Но мне было нужно, чтобы здесь, на Эшере, Вы вспомнили меня как можно детальней, — продолжил двойник. — Дело в том, что это получается не каждый раз... А в конверте ничего нет — можете убедиться!

— Извините, но я так ничего и не понял, — прервал его окончательно сбитый с толку Хенкин. — Если можно, то изъяснитесь как-то логичней и последовательней!

Он, несмотря на сильнейшее умственное напряжение, действительно пока ничего не понимал, хотя начало рассказа этого то ли чудака, то ли сумасшедшего было заведомо интригующим.

— Вы мне, наверное, не поверите, да я и сам понятия не имею, как это получается, — столь же бессвязно и торопливо продолжал двойник, — однако путь, на который вы затратили более недели, я преодолел за считанные мгновенья...

С одной стороны, Хенкин сразу осознал абсурдность только что сказанного, а с другой... Слова подтверждались полнейшим сходством и тем, что «ковбой» сразу узнал его... Получалось, что его нелогичное появление на Эшере достаточно логично подтверждало только что сказанное?

Или же он, Хенкин, по пути на Эшер элементарно сошел с ума — и сейчас у него просто галлюцинации?!

— Я уже не первый раз путешествую подобным образом, — продолжал двойник уже спокойнее, видимо, справившись с волнением. — Главное, что не нужно тратиться на билет, который мне все равно не по карману.

— А почему именно на Эшер? — спросил Хенкин первое пришедшее в голову, ибо осознал, что, вопреки всему, начинает верить «ковбою».

— У меня на Земле никого нет... — «ковбой» замялся, и Хенкину показалось, что тот колеблется. — А здесь можно немного заработать...

— Ну, насчет заработать... — Хенкин усмехнулся. — Наверное, это не самое перспективное место?

— Пожалуй... Но чтобы устроиться на любой колонизированной планете, у меня нет ни направления с Земли, ни необходимых рекомендаций. Люди вроде бы нужны везде — но кому захочется иметь из-за меня неприятности с чиновниками?

— А почему именно Эшер? — повторил свой вопрос Хенкин.

— На Эшере, насколько я знаю, работают частные фирмы... Может, что и выгорит? В крайнем случае, переберусь подобным же образом на другую планету...

— А Вы не пытались продемонстрировать свои способности «яйцеголовым», именующим себя учеными? Могли бы неплохо зарабо...

Хенкин осекся и чуть не прикусил себе язык, ибо неожиданное озарение, словно вспышка молнии, мгновенно осветило иным светом все сказанное и даже недоговоренное Свифтом.

— Роль подопытного кролика не для меня, — сказал тот твердо.

Хенкин какое-то время шагал молча, но мозг его работал лихорадочно и, как всегда, с высочайшим напряжением. Через пару минут он уже вполне ясно представлял, что ему делать дальше.

— Вы мне нравитесь, мистер Свифт, — произнес он дружелюбно. — Простите, но Вы так полностью и не представились!

— Сэмюэль Свифт, моряк. Можно просто Сэм.

— Вы мне чертовски понравились, Сэм! — повторил Хенкин и дружески хлопнул Свифта по плечу. — И я как раз тот человек, который Вам нужен. Завтра утром приходите в местное отделение компании «Круизкосмос» и только скажите, что вас пригласил сам Питер Хенкин — больше ничего не нужно будет говорить. Я думаю, что смогу предложить вам нужную работу.

— Благодарю Вас, сэр Питер!

— Не стоит благодарностей. Я же сказал, что Вы, Сэм, мне понравились! Кстати, Вы часто рассказываете посторонним эту свою фантастическую историю?

— Нет. Просто, когда вас увидел, почему-то сразу подумал: «Сэм, этому человеку можно довериться — у него честная улыбка своего парня». Вообще-то, раньше я пытался рассказать это нескольким людям — но почти все подумали, что у меня здесь не совсем в порядке... — он покрутил пальцем возле своего виска.

— Нет, нет, я Вам верю, Сэм! А как происходит телепортация — без неприятных ощущений?

— Что происходит?.. — не понял вопрос Свифт.

— Ну, мгновенные перемещения с планеты на планету. Случаются при этом какие-то неудобства?

— Это как сказать. На одной планете я очутился вместе с кактусом, растущим в бочке. Огромная такая колючка из холла... Администрация госпиталя, должно быть, до сих пор гадают, куда он исчез?.. — Сэм заразительно рассмеялся.

— А что с тем кактусом произошло потом? — заинтересовался Хенкин.

— Потом?.. Вышел из-за местных деревьев-шаров здоровенный такой хвостатый зверь с острым костяным рогом на носу — и съел несчастную колючку под самый корень. Растение, должно быть, пришлось ему по вкусу, потому что на меня гигант даже не обратил внимания.

— Все это очень интересно, и завтра мы непременно продолжим разговор... Кстати, у Вас есть какие-нибудь документы, чтобы устроиться в гостиницу?

— До завтра я где-нибудь пристроюсь... — ответил Сэм не очень уверенно.

— Понятно... Придется взять опекунство над Вами прямо сейчас!

В единственный на планете населенный пункт под названием Космос-сити, в котором и находился офис отделения фирмы, они прилетели на рейсовом аэре. Обстоятельства вынуждали Хенкина открыться, поэтому, войдя в приемную, он сразу же представился секретарше:

— Я — заместитель генерального директора Питер Хенкин. Это ваш новый сотрудник Сэмюэль Свифт, и он прилетел со мной с Земли.

Уладив все формальности и лично устроив Сэма в гостиницу, Хенкин в своем номере зашифровал сообщение и запечатал его в специальный конверт для секретной почты. Вскрыть такой конверт можно было в определенной, известной только специалисту фирмы газовой среде — иначе письмо мгновенно превращалось в кучку пепла.

Вызвав курьера, он приказал срочно доставить конверт на «Геркулес», который отправлялся в обратный рейс на Луну уже через несколько часов.

Отправленная шифровка была следующего содержания: «Бобу Митчеллу. Срочно и сугубо конфиденциально. Соблюдая максимальную секретность, соберите все возможные данные о Сэмюэле Свифте, моряке. Фотография прилагается на копии гостиничного бланка. Документы у него отсутствуют — вероятно, находится в розыске. Вылетайте на Эшер ближайшим рейсом, есть работа. Питер Хенкин».

В штате фирмы Митчелл числился главным специалистом Отдела безопасности. Только несколько человек из руководства фирмы знали о его не афишируемой специализации: фирма иногда пользовалась его услугами в организации «несчастных случаев».

* * *

Очередной космолет на Эшер прибывал с Луны только через три недели. До прибытия Митчелла «ковбоя» нельзя было упускать из виду, поэтому во все поездки по планете Хенкин брал его с собой в качестве сопровождающего — то есть как бы нештатного телохранителя. Вскоре он даже привязался к малоразговорчивому и очень покладистому Сэму. Но вместе с тем однажды мелькнувшая в его мозгу мысль засела там окончательно: «Сэма, по всей видимости, придется ликвидировать».

Хенкин даже прикинул, что в случае крайней необходимости «несчастный случай» смог бы устроить и сам, причем без какого-либо личного риска. «Если возникнет необходимость ликвидировать, — уже не раз говорил он себе, с каким-то восторженным содроганием повторяя по слогам магическое слово «ли-кви-ди-ро-вать», — я это сделаю, черт возьми!»

Да, Сэм представлял собой реальную угрозу не просто его будущему благополучию, но богатству и положению в обществе его детей, внуков, правнуков — всей будущей династии Хенкиных. Совсем не случайно неуклюжее титулование «сэр», то и дело срывавшееся с языка Сэма, растекалось по сердцу Хенкина сладким елеем, ведь не только деньги, но и титул, герб, знатность — все эти атрибуты избранности давно не давали ему спокойно спать по ночам.

С юности он завидовал некоторым сверстникам — прыщавым потомкам дворянских родов, не приложившим со своей стороны даже малейшего усилия, а лишь волею судьбы получивших особое, данное одной лишь родословной право свысока смотреть на окружающих. Даже нищие, сидя на своем генеалогическом древе, они возвышались над многими богатыми, но «безродными». Со школы он ненавидел их, потому что сам не имел даже определенной национальности. Его генеалогия прослеживалась всего до четвертого колена, так что прародителями являлись мелкий служащий неопределенной национальности Александр Хенкин и секретарь-машинистка той же фирмы, немка Кэтрин Хольман. Из всех известных предков только отец смог достигнуть сколько-нибудь высокого положения: он вошел в состав Совета директоров фирмы «Крузикосмос». Однако на это у Джона Хенкина ушло чересчур много сил и здоровья, что в конце концов и привело к преждевременной кончине. В наследство сыну он оставил солидный пакет акций фирмы и дурную наследственность в виде такого редкого психического заболевания, как клаустрофобия.

«Ну, да ничего, — рассуждал Хенкин-младший, — карьера отца стала трамплином, а остального я добьюсь сам! В конце концов, титул и герб можно просто купить за хорошие деньги — так теперь поступают многие состоятельные люди. Можно купить даже родословную, ибо настоящая, как пресловутая ложка дёгтя, способна вечно портить его будущее! Не такой уж это и обман: если разобраться, в корнях каждого землянина за тысячелетия появлялась хотя бы капля аристократической крови, просто не всем удалось официально это зарегистрировать...»

Невероятная способность Свифта перемещаться через умопомрачительные расстояния космоса пугала и в то же время неудержимо влекла Хенкина. Одно дело — угроза существованию фирмы, но, с другой стороны, может быть, и он, Хенкин, способен пересекать галактику из конца в конец за считанные мгновения? И никакой клаустрофобии...

Никогда, никому и ни за что на свете он не признается, что двухнедельное заключение в металлическом саркофаге космо-

лета отняло у него, должно быть, несколько месяцев или даже лет жизни. Возможно, он и не в полной мере подвержен этой болезни, но одиночество в любом тесном замкнутом пространстве, будь то кабина лифта или салон автомобиля, даже элементарная ванная комната, подавляет его, выжимает, словно лимон.

Даже по этой причине постоянное присутствие рядом Сэма было не просто желательным, но и необходимым...

Во время ревизии склада Хенкин насчитал большое количество обслуживающих роботов: дворников, грузчиков, монтажников. Всё это было старье и хлам, только занимающий место и дожидаящийся отправки в плавильную печь. Большинство из них были даже не самообучающимися, а программировались на небольшое, ограниченное количество операций. От нечего делать Хенкин стал обучать Сэма обращению с ними. Что-что, а это он знал хорошо, ибо свою работу в фирме начинал именно программистом. Кроме вновь вспыхнувшей тяги к «железякам», у него был и другой интерес — можно было беседовать со Свифтом в спокойной и непринужденной рабочей обстановке.

Хенкин давно убедился, что хорошего слушателя доводится встречать так же редко, как и истинно талантливого человека. Все хотят говорить и слушают только себя, вовсе не обращая внимания на высказывания собеседника. А если, в соответствии с занимаемым служебным положением, приходится выслушивать мнения и приказы других, то делается это с крайней неохотой.

В отличие от других, простодушный и, как ему представлялось, наивный Сэм буквально внимал всему, о чем заводил разговор Хенкин. И, казалось, на глазах «умнел». Мозг Свифта словно просыпался от какой-то длительной спячки...

Однако, несмотря на внешнюю простоватость Сэма, Хенкину так и не удалось вызвать его на откровенный разговор. Как говорится, на разговор по душам. Едва вопросы начинали касаться его прошлого, Свифт замыкался, начинал отвечать уклончиво, а то и просто отмалчивался. И чтобы окончательно не отпугнуть собеседника, Хенкин тут же менял тему беседы. Он рассчитывал, что с появлением Митчелла можно будет форсировать «дознание», не боясь внезапного исчезновения Свифта.

Перед сном, лежа в постели, Хенкин анализировал каждую фразу, каждое слово «ковбоя» — и продумывал все, даже самые невероятные, версии. Исходя из каждой, он достраивал цепочку возможных событий. Зачастую решал предлагаемые самому себе задачи до глубокой ночи — и все для того, чтобы отогнать еженощные, слишком близко подбирающие признаки выжидающей подходящего момента клаустрофобии.

Если постоянно думать об одном и том же, то привыкаешь к круговороту привычных мыслей — и они переходят словно бы на некий внешний ярус сознания, не мешая работать физически или вести напряженную беседу, или даже писать технический отчет. Напряженная работа мозга происходит где-то в подсознании: там пощелкивает неутомимый счетчик сбора информации, в накопителе случайные слова складываются в конкретные значения, невероятные предположения перерастают в допущения, а сомнительные гипотезы превращаются в аксиомы. И однажды, как озарение, как голос невидимого оракула, прозвучит в мозгу удивительная по простоте мысль, диктующая великое открытие.

Именно такую мысль в конце концов озвучил напряженно работавший много дней мозг Хенкина: «Да, Сэм может в любой момент выйти из-под контроля, он даже может на время исчезнуть и затеряться — но ликвидировать его нельзя ни в коем случае. Пусть его невероятная способность угрожает благополучию фирмы, но случайная встреча Хенкина с Сэмом — это самая большая удача. Она сулит всё, что только можно пожелать! Или ничего, кроме разочарования...»

Бессонными вечерами он нанизывал все новые мысли на стержень сформировавшейся идеи: «Сэм утверждает, что посредник на другой планете должен вспомнить его как можно детальней... Но за то время, пока Хенкин оказался на Эшере, «ковбой» мог как-то измениться внешне и даже переместиться куда-нибудь, куда ему заблагорассудится... Посредник же может «перенести» его лишь таким, каким видел. Есть здесь противоречие или нет?..

Хорошо еще, что я телепортировал его без колонны и информационного табло, как это получилось с кактусом! Рухнул бы при этом свод терминала или нет?.. Хотя про колонну

в тот момент в космопорту Эшера я даже и не вспомнил! Если он перемещается в пространстве, то должен ли был пробить собой крышу здания?.. Ну, допустим, что он в это время находился на улице — но уж кактус-то непременно должен был расплющиться о потолок холла. Значит, происходит не прямой перенос, а что-то другое...

Что же получается: представь я одновременно с Сэмом весь космопорт — и он оказался бы здесь, на Эшере? Хотя значительно проще представить один лишь «Геркулес»... Раз — и он вместе с пассажирами на Эшере! Кто-то из представителей фирмы представил его на Пандоре — и космолет уже там! Получается мгновенный перенос в любую точку галактики, причем за соответствующую плату. Никаких накладных расходов! Бешеная прибыль — и практически никаких затрат!..»

«Но ведь скорость не может быть безграничной, — убеждал себя Хенкин-скептик, — это вроде бы доказано, проверено и перепроверено научно? Сэм признался, что не знает, как это у него получается. Действительно, ведь у него нет приборов, чтобы находить разветвления каналов нуль-переходов?.. Это значит, что он должен перемещаться по кратчайшему пути — то есть по прямой.

Но если при преодолении порога скорости света с атомов срывается оболочка, то невозможно даже представить, как потом из всей этой мешанины материализуется живой и невредимый Сэм. Значит, здесь что-то другое?.. Или само время в момент, когда происходит перемещение, течет для Сэма с другой скоростью? Вернее, уже не течет, а мчится...

А кстати, почему у всего потока времени должна быть постоянная, неизменная в течение миллионов лет и на всем пространстве галактики скорость? Есть же, наверное, струи и побыстрее, и помедленнее?.. Кто ее измерял, если и сравнивать-то не с чем?.. Даже для ограниченной группы людей скорость течения времени — это нечто усредненное: один успевает сделать много — и быстро сгорает, другой за тот же промежуток делает значительно меньше — зато живет долго. Получается, что в жизни все как-то компенсируется, если, конечно, отпущено всем по одинаковой порции?..

С другой стороны, стандартные реакции мозга и тела, приобретенные за тысячелетия человечеством, и то у разных людей разные. Но их можно сравнивать, они видны, как говорится, невооруженным глазом и укладываются в наше восприятие и в наши понятия. А вот время и скорость его течения никак не укладываются в общепринятые стандарты — они как бы выпадают из рамок нашего осознания и нашего восприятия!..

Нет, это я повернул куда-то не туда! Надо вернуться к исходной мысли...»

Когда мысли путались или просто терялись, Хенкин закрывал глаза и начинал разматывать их в обратном порядке — чтобы вернуться к исходной.

«..Сэм попал на Эшер таким, каким я его увидел за несколько дней до этого в космопорту Луны. То есть на Эшер он попал из прошлого. Необъяснимый парадокс и, пожалуй, полный тупик для понимания! Но повторил ли он в точности мой путь, пересев как бы с простого экспресса на суперскоростной, или это была иная траектория? Раз неограниченная скорость невозможна, то, может быть, он перемещается вовсе не в пространстве, а только во времени?..

Стоп, в этом, кажется, что-то есть! Может ли время мгновенно сжаться? Вряд ли... А допустим, что я двигаюсь по дуге, а он — по хорде. Выигрыш налицо... Действительно, в нашем мире все циклично: движение планет, даже наша спиралевидная галактика, орбиты, времена года, круговорот воды и... моды.

Ну, насчет моды — это глупость! Нужно вернуться назад.

Оптимальная форма цикличности — это окружность. Если время движется в пределах окружности, то расстояние от центра до любой внешней точки окружности есть величина постоянная...

В этом тоже что-то есть! Правда, окружность двумерна. А что такое трехмерная окружность? Это уже цилиндрической формы спираль. И тогда перескочить с витка на виток в определенный момент — это, как говорится, раз плюнуть!

Ай да Питер, ай да молодец — кажется, ты на верном пути!

А что может из себя представлять хотя бы четырехмерная спираль — даже представить трудно...

Эврика! Если лет через тридцать меня вспомнят таким вот молодым и полным сил — я, что же, начну полноценную жизнь сначала? Так это же секрет вечной молодости и вечной жизни!

Стоп, а куда при этом денется мой престарелый двойник?.. Но ведь и второго «ковбоя» на Земле или на Луне как будто бы не осталось? Это, кстати, сможет проверить Митчелл...

И если двойника не возникает — то цикличность вечной жизни определяется только здоровьем или каким-то иным пожеланием клиента. Дожил до дряхлости — и вместо предстоящей кремации возвращайся назад, в свой же здоровый организм! И вот тут уж никто из престарелых богачей скупиться не станет!..

Остается только запатентовать секрет «ковбоя», о котором знаем только мы с ним — то есть двое! Хотя это в экспериментах участвовать должны обязательно двое, а знать их конечную цель достаточно одному...»

* * *

По существу, ненадуманных дел на Эшере у них было мало. Конкурентов по туризму Хенкин всерьез не воспринимал — ибо все они, не выдержав конкуренции с фирмой «Крузизкосмос», со временем вынуждены будут свернуть свою деятельность или просто влиться в её филиал на Эшере. Правда, надлежало посетить единственную пока обосновавшуюся здесь нефтедобывающую компанию. Фирма была частная, маленькая и внешне далеко не процветающая, но у нее был официальный патент на добычу нефти и полезных ископаемых. Похоже, что официальная вывеска скрывала какие-то незаконные контрабандные поставки. Что, куда и зачем — Хенкина, в общем-то, не интересовало, но он придерживался твердого убеждения, что «двоим медведям не ужитья в одной берлоге». В общем, предстояло ознакомиться и потом найти способ подрезать конкуренту когти.

В отделении имелся двухместный глаер, и Хенкин, который имел права на его вождение, отказался от пилота и взял с собой Сэма. Официально Свифт был оформлен вторым грузчиком при складе, тем не менее частые его отсутствия на рабочем месте Хенкин согласовывал просто: «Раньше ведь обходились

и одним рабочим? Считайте, что с прибытием Сэма ничего не изменилось!»

Пилот запустил двигатель, проверил показания приборов, и Хенкин со Свифтом заняли места в кабине. Глаер взмыл и в режиме автопилотирования помчался от Космос-сити на небольшой высоте. Хенкин оказался в этом секторе Эшера впервые, поэтому надеялся увидеть сверху хоть что-нибудь интересное и неожиданное. На незнакомых планетах всегда рассчитываешь встретить нечто необычное — именно это и влечет на них туристов.

Но внизу все так же простирался сплошной зеленый ковер из крон лиственных деревьев: без малейших отличительных деталей и просветов. То ли поверхность планеты была исключительно ровной, то ли многоярусный лес надежно скрывал все неровности рельефа, делая планету практически безликой. Непривычно близкий, без каких-либо ориентиров горизонт смотрелся в любую сторону просто прямой линией, разделяющей синюю небесную и зеленую лесную краски.

— Пусто... — с сожалением констатировал Сэм, которому быстро надоело смотреть вниз, и он лениво откинулся на спинку сидения.

— Это только отсюда кажется, что пусто, — возразил Хенкин, — но мы даже представить себе не можем, что сейчас творится под пологом леса. Могу держать пари, что, потерпев аварию, мы не продержались бы против местных хищников и получаса. И это несмотря на то, что в моем бластере армейского образца сейчас полный заряд.

Наконец среди зелени вынырнула небольшая бетонная площадка, предназначенная для приема малотоннажных танкеров. Возле нее примостились три емкости, выкрашенные в ярко-красный цвет, а дальше виднелась выжженная в джунглях круглая поляна с возвышающейся на ней буровой установкой. Все это было огорожено двумя высокими рядами колючей проволоки и проводами высокого напряжения. От установки к емкостям тянулась тонкая нитка трубопровода.

«Какое убожество! — невольно подумал Хенкин. — Как сто или даже двести лет тому назад».

Они опустились возле небольшого, собранного из бетонных блоков дома. Едва глаер коснулся бетона, как из дома вышли двое и направились в их сторону. Впереди шел огненно-рыжий верзила в довольно модной, но исключительно грязной куртке. Позади него семенил давно не бритый субъект, одетый в мятую рубашку и потертые штаны со следами засохшей грязи до самых колен. Его вытянутое, унылое лицо выражало крайнюю степень безразличия не только к собственному внешнему виду, но и ко всему окружающему миру.

Верзила вплотную подошел к автоматически открывшейся двери, внимательно и хмуро оглядел Хенкина, потом мельком взглянул на Сэма и спросил с явным вызовом:

— Какого черта вам здесь нужно?

— Нам нужен управляющий, — едва сдерживаясь от такой бесцеремонности, но внешне достаточно спокойно ответил Хенкин.

— Он там, на буровой, — рыжий махнул неопределенно рукой и снова устался на Хенкина. Выждав немного и уяснив, что прилетевшие покидать глаер не торопятся, добавил:

— Ну, так выметайтесь побыстрее из глаера, пока целы, а то мы с другом спешим!

— Куда же, если не секрет? — спросил Хенкин, чувствуя, как всё в нем закипает от подобной наглости.

— Куда, куда... В Космос-сити, вот куда! — рывкнул рыжий, явно издеваясь.

— А позвольте поинтересоваться, — проговорил взбешенный Хенкин медленно, едва ли не по слогам, — зачем именно вам двоим и почему непременно на нашем глаере, да ещё так срочно туда нужно попасть?

— Это уж не твоего ума дело! — отрезал рыжий и оглянулся на нерешительно топтавшегося позади «унылого». — Скажем так: нам с Диком срочно потребовалось к девочкам... Доволен?!

— На этом глаере мы прилетели по нашему делу и на нем же улетим обратно, — твердо проговорил Хенкин и тоже покоился на молчавшего все это время Сэма.

— Эй, приятель, закрой рот — это помогает сохранить зубы! — неожиданно подал голос и «унылый».

— Вас что, вытаскивать оттуда придется или все-таки сами уберетесь? — взорвался верзила и пригнулся с явным намерением протиснуться внутрь.

В этот момент Сэм решительно поднялся со своего места и, оттеснив рыжего, очутился перед ним на бетоне. Тот с высоты своего двухметрового роста смерил Сэма презрительным взглядом и небрежным движением руки отодвинул в сторону.

Сэм поймал было верзилу за рукав куртки, но тут же получил резкий удар ногой в пах — и рухнул на бетон.

«Кажется, приемчик из японской борьбы каратэ? — отметил про себя Хенкин, медленно опуская руку к кобуре бластера и, нащупав торчащую из кобуры рукоятку, сдвинул рычажок предохранителя. — Сэму этот гигант явно не по силам».

Рыжий тем временем лениво наблюдал, как Свифт поднимается на ноги. Выждав, когда Сэм снова двинулся на него, нанес молниеносный удар ребром ладони.

Если бы Сем каким-то чудом не уклонился, этот удар поставил бы окончательную точку в их неравном поединке — а так он просто снова оказался распластанным на бетоне.

На этот раз верзила даже не стал ждать, пока Сэм поднимется, а, вытащив из кармана выкидной нож, сам решительно двинулся к поверженному.

«Пропал Сэм», — подумал Хенкин, лихорадочно соображая, пора приводить в действие бластер или все-таки повременить: ведь вряд ли рыжий решится пускать в дело свой нож. Тем не менее он отстегнул ремень безопасности и, вытащив бластер, передвинулся ближе к проему. Прикинув, что сектор для стрельбы вполне достаточен, мысленно наметил траекторию предупредительного выстрела.

...И тут в правой руке Сэма непонятным образом очутилась крепкая палка, которая, по-видимому, валялась тут же на бетоне. Молниеносно вскочив, он сделал резкий встречный выпад — и верзила вдруг перегнулся пополам. Второй укол, внешне не очень сильный, последовал в шею — и рыжий рухнул на колени. В следующий миг палка, со свистом описав прозрачную полуокружность, хлестко ударила по ногам «унылого», заставив и его с воплем опуститься на бетон.

Все это заняло лишь несколько коротких секунд. Замерев в довольно нелепой позе в проеме дверцы, Хенкин ошалело глядел то на нечленораздельно хрипящего рыжего, то на катающегося по бетону с перекошенным лицом длиннолицего, то на все еще сжимающего в руке палку Сэма.

Ещё раз окинув взглядом поверженных противников, Свифт вернулся в свое кресло и спокойно, будто ничего не произошло, предложил:

— Думаю, что нужно перелететь к буровой, а то, кто знает, не попробуют ли они повторить попытку?

— А Вы, Сэмюэль Свифт, оказывается, очень даже можете постоять за себя, — с удивлением и даже ноткой почтительности проговорил Хенкин.

— Это единственное, чему я добросовестно учился, — Сэм усмехнулся, но не очень весело, — причем экзамен принимала сама жизнь. А что означает получить у неё отрицательный балл, Вы и сами прекрасно знаете...

* * *

На обратном пути, подняв глаер высоко над зеленой бескрайностью джунглей, Хенкин посчитал, что удобный момент наступил, и спросил напрямую у дремлющего, как ему показалось, Сэма:

— Сэм, скажите честно, там, на Земле, Вы не в ладу с законом?

— С чего Вы это взяли, сэр? — сразу встрепенулся тот.

— Во-первых, отсутствие документов... Во-вторых, желание убраться подальше от Земли.

— Как говорится, разбитому паруснику любой ветер попутный, — опять ушел от прямого ответа Сэм.

— И все-таки...

— Нет, думаю, что земные законы я не переступал... — Сэм замялся. — Но у меня к Вам тогда тоже вопрос, если позволите.

— Да, спрашивай всё, что тебя интересует!

Хенкин, настраиваясь на какой-нибудь непростой и каверзный вопрос, даже не заметил, что говорит Сэму «ты».

— Вы действительно выстрелили бы в того рыжего?..

— Конечно! — ответил Хенкин, не задумываясь. — Во-первых, это самое настоящее отребье. Ты же сам видел, что оба были крепко пьяны. Во-вторых, перед законом я ничем не рисковал. Ну, заплатил бы в случае его смерти компенсацию, плюс неустойку фирме — и любовное разрешение этого инцидента не распространилось бы за пределы Эшера. Доводить дело до КоБЗа просто не в их интересах...

— До КоБЗа? — переспросил Сэм. — Это что за организация?

— Комитет по безопасности Земли... — пояснил Хенкин, крайне озадаченный такой неосведомленностью Сэма. — Но насчет КоБЗа я, пожалуй, даже перегнул.

— А если бы дошло... до них?

— Эту шваль, что к нам прицепилась, наверняка нанимали в Четвертом секторе. КоБЗ, конечно, вправе вмешиваться везде и во всё, но в бандитском Четвертом секторе даже он пока далеко не всеведущ. Я уверен, что все обошлось бы!

— И поэтому Вы считаете, что вправе посягнуть на человеческую жизнь?

— Мне ничего другого не оставалось, как защищаться. Хотя бы с помощью оружия... И, кроме того, жизнь жизни рознь!

— Но ведь рыжий не собирался нас убивать, ему нужен был всего лишь глаер, — возразил Сэм. — Назначенная вами цена за глупость в данном случае несоизмерима с его проступком...

— А тебе самому, Сэм, приходилось убивать людей?

— Да, но я был военным — это было моей профессией.

— И какие чувства ты испытывал при этом?

— Как будто каждый раз убивал частичку себя!

— У тебя, Сэм, оказывается, своя собственная шкала ценности жизней, — Хенкин удивленно оглядел Свифта, словно увидел его впервые. — Может, существует и своя философия?

— У меня пока нет здесь своей философии, — Сэм ткнул пальцем в собственный лоб, — поэтому я пользуюсь чужой и наиболее приемлемой. Да, мне приходилось лишать жизни других людей, более того, всего три месяца назад я рассуждал, пожалуй, точно так же, как и Вы, сэр...

— За три месяца так много изменилось в твоём мировоззрении? — искренне удивился Хенкин. — По-моему, так быстро подобное не происходит!

— С тех пор я как бы прозрел... Есть старая английская поговорка: «Путешествие делает умных умнее, а глупых — глупее».

— А может, появился некий мудрый учитель? — спросил Хенкин с издевкой. — Я имею в виду мудрый в кавычках. Какой-нибудь пацифист и демократ или, того хуже, убежденный левый социалист? Я угадал?..

— Да, пожалуй...

— Догадаться вовсе не трудно. Мне кажется, что таких, как ты, Сэм, можно убедить в чем угодно. И, кроме того, я насмотрелся на подобных учителей — ловцов простых душ!

— Вы называете их учителями, сэр, однако не соглашаетесь с ними?..

— Это не мои учителя, скорее наоборот... Чтобы выжить в наше время в коммерции, нужно хорошо знать идеологию принципиальных врагов.

— Кого вы подразумеваете под врагами? — удивленно спросил Сэм. — Ведь войн на Земле сейчас нет...

— Главная и самая беспощадная в истории война давно вышла за пределы Земли, и она никогда не кончалась — это война мировоззрений, — любивший поговорить на эту тему Хенкин сел на своего конька. — Длительное время частный капитал был самым могущественным фактором экономического развития человеческой цивилизации, но мы — я говорю «мы» потому, что считаю себя принадлежащим к этой могущественной касте, — мы перегрызли друг другу горло.

— Как правило, такое случается при отсутствии единоначалия... — не то спросил, не то констатировал Сэм.

— Слишком много деятельных богатых людей посчитали себя еще и политическими лидерами — поэтому, как следствие, забыли о своем главном предназначении. К сожалению, среди них так и не оказалось ни одного стоящего лидера, ни одного, как говорится, сверхчеловека...

— Теперь надеетесь на второе пришествие, на нового мессию? — спросил, как показалось Хенкину, с издевкой Сэм.

Хенкин на этот прямой вопрос отвечать не стал, только покосился на Сэма, в очередной раз удивляясь, что за внешней его простоватостью скрывается достаточно живой и пронизательный ум.

«Скорее всего, Сэм абсолютно не улавливает нить рассуждений, а так, случайно, попал в тон», — успокоил он себя. Тем не менее уязвленное самолюбие потребовало достойного ответного выпада.

— Вот, к примеру, взять тебя, Сэм, — Хенкин сознательно «приземлил» тему разговора. — Прости меня за прямоту, но ведь ты не живешь, а просто существуешь. То есть работаешь лишь для того, чтобы иметь возможность потреблять. Из этих двух действий состоит вся твоя жизнь, и я даже подозреваю, что в этом и заключается вся твоя философия. Не обижайся, но таких, как ты, подавляющее большинство! А в человеческой жизни непременно должен присутствовать некий высший смысл.

— Допустим, я с удовольствием выполняю нужную людям работу... — Сэм замялся. — Разве не может именно в этом заключаться смысл моей жизни?

— Но ведь не ради же одной лишь работы нужно жить? — снова «завелся» Хенкин. — Я считаю, что каждому нужно как можно раньше понять, для чего мы рождены и для чего предназначены! Какой-то писатель написал: «Человек — это звучит гордо!» Ерунда, не может каждый человек гордо звучать — это опять будет однородная, то есть гордо-безликая, масса! Лично для меня более приемлем такой лозунг: «Питер Хенкин — это имя должно звучать громко!»

— Вы вольны избрать любой девиз.

— А для тебя соответственно: «Сэмюэль Свифт — это гордо!» А на остальное человечество нам обоим, если честно, абсолютно наплевать. Пусть в безликом человеческом океане каждый выплывает, как может! Слабым же остается просто смириться со своей незавидной участью стадного животного. Разговоры о равноправии — это удел тех, кто остался за дверью.

— С этим можно поспорить... — не очень решительно возразил Сэм.

— Ну, так спорь, черт возьми! — Хенкин даже разозлился. — Человек интересен, если у него своя, отличная от других, философия. Причем плохой жизненной философии не бывает! Пусть я нехороший человек, по меркам этого твоего учителя, но я такой нужен — потому что иначе не с кем будет сравнивать, не к кому будет примерять свои мысли и поступки.

— Пример для подражания всегда выбирается из сравнения...

— Ты, Сэм, пока не годишься для сравнения ни с той, ни с этой стороны. Ты где-то посредине в огромной массе конформистов, плывущих по течению! И люди всегда делились на хороших и плохих, причем эти понятия зачастую мгновенно меняли свою оценку на противоположную. Если сейчас ты считаешь меня как бы антиэталоном — все равно, я горжусь этим! Так называемых «плохих» людей всегда меньше, но зато они всегда лучше организованы, потому что они вне массы. Может, они и являются как раз человеческой элитой, главной движущей силой прогресса?..

— Но сейчас численно ваших «противников» все-таки больше, — возразил Свифт уже более уверенно.

— Ну и что? Нас меньше, но мы при этом уравниваем большую по численности армию противников. Есть повод гордиться!

— Я думаю, что в перевесе приверженцев хоть религии, хоть идеи и состоит логика развития человечества. Правда всегда остается за большинством. Вам не кажется, сэр, что Вы делаете неверную ставку?

— Насколько плохо, Сэм, ты разбираешься в технике и современной жизни — настолько хорошо поднаторел в политике, — Хенкин даже рассмеялся, вдруг осознав, что серьезный спорит со своим оппонентом. — Отсутствие технических знаний не отягощают работу твоего мозга, не так ли?

— Я повторяю, что это чужие мысли. Нечестно присваивать их даже для того, чтобы услышать похвалу.

— Но есть же у тебя, Сэм, какие-то собственные мысли? — спросил Хенкин уже совсем спокойно.

— Пройденные мили считают в гавани... Это морская пословица. А я в свою гавань еще не пришел.

— Конечно, в словах твоего учителя есть зерна истины, — примирительно продолжил Хенкин, — он прав, что в идеологической борьбе частный капитал, как это ни печально, все больше и больше проигрывает. Но ведь был же именно частный капитал когда-то силен и сверхбогат! И всего-то надо было смотреть в будущее, а не жить меркантильным накоплением. Просто надо было потратить часть своего богатства — и дать своим идеологическим противникам всё: пищу, развлечения, женщин. Мы понадеялись на свою политическую силу, но закрепить окончательную победу должно было все-таки богатство...

— Я думаю, что Вы всё-таки ошибаетесь, сэр, — возразил Сэм. — Даже много веков тому назад богатство не могло решать всё.

— Ты хочешь сказать, Сэм, что разжиревшие рабы все равно захотели бы стать господами?

— Даже не это. Человеческая гордость...

— Гордость?.. — не дал договорить Сэму Хенкин. — Да у них не осталось бы на неё времени! Живи — и радуйся! Им, в конце концов, вообще ничего не пришлось бы делать! Прошло совсем немного времени, и сейчас практически все за человека могут делать машины...

— Я думаю, человек не сможет жить, ничего не созидая. Быть бездельником для него унижительно.

— Бездельников, поверь мне, всегда хватало, — констатировал Хенкин с раздражением. — А что до унижения, так в Четвертом секторе деньги до сих пор являются главной властью. Тем не менее «униженные» этим простые рабочие и служащие не торопятся перебираться в государственный сектор. Зато какое потрясающее чувство — ощущать себя капиталистом и господином! Если бы ты, Сэм, смог это испытать на себе, то заговорил бы по-другому!

— Абсолютная власть при помощи денег — это иллюзия, — упрямо возразил Сэм.

— И тем не менее раньше при помощи денег можно было сделать всё: купить с потрохами, подкупить, заплатить, на худой конец, наемному убийце. При этом богатый человек практически не рисковал ничем. Кроме денег, конечно...

— Вы хотели бы жить в прошлом? — задал Сэм неожиданный вопрос.

— Конечно! — не задумываясь, ответил Хенкин. — Там все было ясно и понятно. Думаешь, почему я мотаюсь по Эшеру? Ты представить не можешь, со скольких планет уже вытеснили нашу фирму, — Хенкин даже не заметил, что заговорил слишком откровенно. — Госсектор, естественно, платит некую компенсацию — и требует немедленно освободить территорию. Мы, видишь ли, путаемся у них под ногами. Фирма, в руках которой были сосредоточены туристические маршруты едва ли не всего исследованного космоса, теперь «путается у них под ногами»!.. Знаешь, зачем я сюда прилетел? Выяснить, насколько планета Эшер неперспективна для человечества. Заметь, с некоторого времени нам нужны только неперспективные, с точки зрения государства, планеты! Ну, не абсолютно, конечно...

— Космос-сити на горизонте! — перебил его Сэм с заметной радостью в голосе.

— Жаль, что так быстро прилетели, — с сожалением произнес Хенкин. — Ты, Сэм, достаточно интересный собеседник. Я так понимаю, что тема эта для тебя не нова?

— Вообще-то, за этот месяц Вы, сэр, уже второй человек, который говорит мне о смысле жизни. Слова как будто одни — а подразумевается при этом прямо противоположное...

И тут счетчик информации в голове Хенкина в очередной раз щелкнул, сформировав новую неожиданную идею, заставившую его на некоторое время замолчать и напрячь мозги...

«Интересно получается, — думал Хенкин. — Наш поступок — например, сегодняшняя потасовка — остался в прошлом, а его следствие проявится уже в будущем... То есть время как бы течет в двух противоположных направлениях. Как это можно представить пространственно? Витки временной спирали проходят очень близко друг от друга — и, как в водном потоке, происходит касание и даже частичный захват настоящего витка прошлым и будущим...»

У него даже дыхание перехватило от близости какого-то очень важного умозаключения, от предчувствия близкой разгадки.

«...Сэм утверждает, что для него любое расстояние не являлось помехой. И, похоже, никакой промежуток времени?.. Кроме того, при перемещении он может прихватывать с собой предметы, как это произошло с кактусом!..»

Хенкин представил себя в прошлом с современными технологиями, с роботами и «Геркулесами», и у него даже мурашки по спине побежали.

«Уж с этой-то техникой я смог бы взять власть на Земле в свои руки! Но, самое главное, у меня было бы то, чего не было ни у кого — знание пути развития общества и мировой экономики. Я знал бы ошибки и достижения последнего полувека. Чего не смогли добиться в своё время политики от бизнеса, наверняка добился бы он, Хенкин! Пусть в прошлом, но он смог бы стать вершителем судьбы всего мира...

Да, в настоящее время стать диктатором невозможно, а вот в прошлом! И нужно-то всего лишь научиться пользоваться невероятными способностями Сэма. Вот только не ясно, сколько на всё это уйдет времени?..»

Но червячок скептицизма и трезвый рассудок, словно команда бдительных пожарных, попытались остудить опаленный необузданными мечтами разум: «А может быть, и без этого вернутся прекрасные старые времена?! Если витки временной спирали практически параллельны и оказывают влияние друг на друга — значит и этапы развития цивилизации через определенные промежутки времени повторяются, только на более высоком уровне. Ведь вся история второго тысячелетия служит тому подтверждением...

И стоит только продержаться какое-то время — и тогда, пусть не ему, так его детям удастся крепко намотать на руку этот единственный вихор удачи? Или все же именно ему, Хенкину, суждено нарушить периодичность событий и круто изменить всю историю человечества? Может, время уже возложило на него эту миссию, устроив неслучайную встречу с «ковбоем»?..

А ведь он думал уничтожить Сэма, как угрозу собственному благополучию... Смешно!»

Хенкин вспомнил вдруг часто повторяемую боссом шутку «Еще вчера сегодня было завтра» — и впервые подумал, что она вовсе не глупая.

ГЛАВА 2. ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ НА ЭШЕРЕ

Главная интрига человеческой жизни в том, наверное, и заключается, что судьба наша непредсказуема. Пусть сегодня ты никто — без денег, без влиятельных друзей, без перспектив, но завтра — кто знает? Может, выиграешь в лотерею миллион или найдешь старинный клад, спасешь тонущего миллионера или попадешься на глаза знаменитому кинорежиссёру, сделаешь случайно научное открытие или на пустом месте начнешь прибыльный бизнес... Вариантов бесчисленное множество, и у случая много всяческих уловок, чтобы разнообразить жизнь. Причём как в лучшую, так и в худшую сторону.

И никакие гороскопы, никакие маги и ясновидящие не могут с уверенностью предсказать твою судьбу на мало-мальски длительный период! В случае, когда что-то хотя бы частично сбывается, будут утверждать, что астрология и магия — это точные науки. А в случае неудачного предсказания всегда найдут оправдание: мол, новая звезда неожиданно возникла на твоём небосклоне и внесла непредсказуемые коррективы...

* * *

Встречать Митчелла Хенкин предполагал на глаере и, конечно же, без Сэма — тому лучше пока не знать о прибытии «инспектора». Он уже убедился, что Сэм не такой простак, каким кажется на первый взгляд.

Хенкин, правда, засомневался было, что появление на космодроме его, заместителя директора, явится нарушением субординации — однако жажда новой информации и неизбежное,

достаточно долгое ожидание Митчелла в номере гостиницы уже заранее тяготили. Поразмыслив, он решил, что нарушение «табеля о рангах» — это не такая уж большая беда, ведь среди сотрудников фирмы он слывет «демократом и своим парнем».

Но утром он опять изменил свое решение, ибо даже кратковременное одиночество в кабине глаера сегодня почему-то особенно пугало. Скорее всего, подкрадывался очередной приступ проклятой клаустрофобии. А может быть, в таком виде выразилась реакция на более чем двухнедельное вынужденное, если не абсолютное, безделье, то все равно фактическое ничего-неделанье? Все, что он совершил на Эшере за это время, Хенкин настоящей работой не считал...

Еще в первое посещение склада он обратил внимание на стоящий в ангаре старинный автомобиль-вездеход. Этот железный гигантский «монстр» был вдобавок ко всему еще и с ручным управлением. Выяснилось, что он в свое время был доставлен на Эшер управляющим отделения Люком Спенсером, который в свободное время совершал на нем прогулки по окрестностям. Хенкина это не особо удивило, ибо за свою, пусть и не очень длинную, жизнь он встречал и более странные увлечения. Пристрастие людей к старым вещам всегда забавляло его.

Для некоторых какая-нибудь старинная, бабушкиных времен безделушка представляла большую ценность, чем, например, стереовизор последней модной модели. А с другой стороны, старые вещи как бы символизируют постоянство, ведь, в отличие от большинства предметов, систематически совершенствующихся и меняющих свой облик, они неизменны. Для кого-то обладание такими вещами — это, скорее, даже не тоска по прошлому, а боязнь будущего и его неопределенности. Кроме того, в пользовании вещами «ретро» существует своя прелесть: будто детская игрушка в руках взрослого человека, за которой выплывают из памяти забытые карусели, русские горки... Старые вещи тем, наверное, и привлекательны, что дарят иллюзию превосходства над сложным и переменчивым миром вещей...

Вот в этом-то вездеходе Хенкин и решил отправиться за Митчеллом, тем более что без каких-либо лишних объяснений водителем можно было взять самого управляющего Люка Спенсера.

На космодром они приехали, когда громада «Геркулеса» уже величественно возвышалась над зданием космопорта. Макробус высаживал возле зала ожидания первую партию пассажиров. Митчелла среди них не было... Хенкин показал управляющему рукой — к космолету!

Главный специалист Отдела безопасности Митчелл явно не ожидал такого внимания к своей особе. Он суетливо затолкал большой плоский чемодан в люк огромного багажника и вытер клетчатым платком вспотевшую лысину.

«Что, старина Боб, моя улыбка для тебя пострашнее дула бластера?» — с некоторым даже злорадством подумал Хенкин и тут же решил, что важный разговор нужно начать прямо здесь, не откладывая. Конечно, один из кабинетов в здании отделения был специально экранирован от любого подслушивания, но кто знает, не удумал ли Спенсер установить там какое-нибудь хитрое записывающее устройство, чтобы иметь в своем архиве копии всех секретных разговоров? Кроме того, в такую теплую и солнечную погоду даже мысль о помещении, напичканном — в духе Спенсера — коврами и мягкой мебелью, вызывала легкую тошноту. Проще было поговорить с Митчеллом где-нибудь здесь — без риска быть подслушанными.

Хенкин огляделся по сторонам и дал указание ехать вдоль края бетонной площадки космодрома — в направлении виднеющейся невдалеке кромки леса.

Тропические заросли, внешне чем-то даже похожие на земные, безуспешно пытались отвоевать хотя бы часть захваченной людьми территории: навалившись на высокую изгородь из колючей проволоки, они местами нависали над ней наклонной зеленой стеной. При этом их корни и нижние ветви, казалось, вцепились в край выступающего за изгородь бетона мертвой хваткой, а толстые, похожие на зеленых змей лианы продвинулись в этом яростном порыве еще дальше, на шаривая малейшие просветы в сетке и неровности в плитах.

Хенкин невольно представил, что будет, если бетон сдастся и позволит себе дать хотя бы маленькую трещинку. Устойчивое равновесие тут же нарушится — и джунгли просто взломают край бетонного поля.

«А ведь Свифт – это тоже трещина, — нашёл он неожиданное сходство. — Пока что маленькая, малозаметная, но кто знает?..»

На углу бетонного поля он дал знак остановить вездеход и предложил Митчеллу пройтись. Спенсер тоже выбрался из кабины наружу и стал тщательно осматривать своего «динозавра», любовно поглаживая каждую его деталь. Похоже, это было одно из любимых его занятий...

В сотне шагов от вездехода Хенкин остановился. Дующий со стороны вездехода легкий ветерок наверняка отнесет слова — поэтому можно разговаривать, не понижая голоса и не опасаясь чутких ушей управляющего. Хотя, может, он и не прислушивается вовсе, а всецело занят своим делом?

— Тут такая история, старина Боб, — начал сразу с главного Хенкин. — На Эшере есть человек, само существование которого угрожает будущему нашей фирмы. Вы-то, надеюсь, заинтересованы в её процветании?

— Конечно, шеф! Нет человека преданнее делу и Вам лично...

Но Хенкин, не дав тому договорить, продолжил:

— С другой стороны, он может принести фирме неоценимую услугу. Я не буду пока вдаваться в подробности, просто мне нужен полный контроль над этим человеком, над каждым его шагом. Но такой, чтобы он об этом не догадывался.

— Конечно, шеф! Существует много способов...

Внезапно боковым зрением Хенкин заметил какое-то движение на границе крон зеленых деревьев. Он резко обернулся — и увидел, как длинное, иссиня-черное животное, пронзив зеленую стену листвы, мягко спрыгнуло вниз. Едва коснувшись бетона всеми четырьмя лапами, оно пружинисто присело — и метнулось в сторону вездехода.

Заметивший опасность Спенсер вскинул было руки, тщетно пытаясь защититься, — но мягко и вроде как невесомо опустившийся сверху хищник легко сбил его с ног. Донесся вопль боли и ужаса, тут же оборвавшийся на высокой ноте.

А стремительный, похожий на большую черную кошку хищник, оставив на бетоне растерзанную жертву, метнулся,

словно молния, уже в их сторону. Всего лишь в два прыжка он перекрыл треть разделявшего их расстояния...

Хенкин, как замороженный, следил за сжимающимся и распрямляющимся, словно пружина, черным телом, за горящими зелеными искрами глазами, за торчащими из пасти белыми изогнутыми клыками... Ужас сковал его волю и разум, наполнив до краев одним лишь страхом предстоящей боли. Он словно растворился в этом страхе — и не чувствовал не только своих ног, но и всего тела. Даже мысли, казалось, замерли внутри его...

Падая, Хенкин воспринял не столько разумом, сколько рефлекторно, что это Митчелл сильным ударом сбил его с ног.

Потом Хенкин потерял сознание и уже не видел, как Митчелл упал на него сверху, закрывая от приближающихся длинных, изогнутых когтей. А луч вскинутого бластера встретил «кошку» в воздухе, но лишь вскользь зацепил её переднюю лапу и оставил дымящуюся подпалину на боку. Хищник же успел все-таки среагировать на бластер — он выгнулся невероятным образом и перелетел через таящих непонятную опасность людей.

Когда же Митчелл опомнился и снова поднял бластер — лишь длинный черный силуэт мелькнул среди ветвей склонившегося на защитную сетку дерева...

* * *

В девять часов утра Митчелл по приглашению Хенкина вошел в его кабинет. Тот в строгом костюме, но закутанный в теплый плед, сидел в мягком кресле и пил принесенный секретаршей кофе. Митчелл отметил про себя, что шеф уже вполне оправился от вчерашнего, раз с утра приступил к работе.

На самом деле Хенкин мало что помнил, и все произошедшее казалось ему теперь просто приснившимся кошмарным сном. Он даже чувствовал себя немного героем: теперь будет что рассказать о своей командировке в кругу сослуживцев на Земле. Жаль, конечно, беднягу управляющего, но ведь на его месте запросто мог оказаться и Митчелл, и он — Хенкин. Это судьба...

— Итак, старина Боб, — начал он бодрым голосом, — продолжим наш вчерашний, прерванный «кошкой» разговор. Вы что-нибудь выяснили о человеке, указанном в моей шифровке?

— Абсолютно ничего, шеф, — Митчелл вытер платком свою разом вспотевшую лысину. — Я использовал все мои официальные и неофициальные связи. Такое ощущение, что Сэмюэля Свифта не существует... Во всяком случае, у него должна быть другая фамилия, и, возможно, он сделал пластическую операцию.

— Тогда слушайте меня очень внимательно, а потом скажете свои предложения. То, что этот человек крайне опасен, Вы уже поняли из моей шифровки. Я предпринял всё, что было в моих силах: помог ему устроиться рабочим в наше отделение на Эшере, сделал так, что о его присутствии здесь практически никто не знает. Дело в том, что этот человек может перемещаться с планеты на планету безо всяких космолетов — стоит там кому-то другому представить его в мельчайших деталях. Это не вызывает сомнения, потому что лично я перенес его с Луны на Эшер. Мне-то Вы, надеюсь, верите, Боб?..

— Конечно, шеф, как самому себе. Даже больше...

— Так вот, теперь об этом феномене знают только два человека: Вы и я. Надеюсь, Вы меня правильно поняли, Боб?

— Понял, шеф: только Вы и я.

— И меня интересуют два вопроса. Первый: является ли Свифт единственным феноменом, так сказать новым мутантом? Второй: способны ли на подобную телепортацию и другие люди, просто доселе не подозревавшие о такой возможности? В любом случае Свифт представляет смертельную угрозу нашей фирме, особенно если им заинтересуются «яйцеголовые» из Лиги ученых. Надеюсь, Боб, вам это тоже ясно?

— Да, конечно... В общем-то, угроза... — смешавшись, Митчелл замолк.

— Я не решился сам экспериментировать со Свифтом, — продолжил Хенкин. — Просто не хотел рисковать: вдруг он каким-то образом выйдет из-под контроля... Ведь если Сэм исчезнет — найти его будет совсем не просто. Все это время я контролировал каждый его шаг: устроил без документов на

работу, вошел в доверие. Скажу больше, мы за это время даже стали как бы друзьями, так что бежать ему с Эшера пока просто не было смысла...

Хенкин хотя и произнес слово «друзьями» иронично, вдруг осознал, что здесь, на Эшере, простодушный Сэм и на самом деле является самым близким ему человеком. Он — единственный из всех окружающих людей, не ищущий в их отношениях корысти, не имеющий каких-то своих меркантильных интересов. Он просто принимает его, Хенкина, таким, как есть.

— Вам решать, шеф! — Митчелл снова вытер потеющую лысину своим клетчатым платком. — Даже если скажете, что Свифта нужно убрать — я тут же убегу. Иногда чем раньше это сделаешь — тем лучше. Контроль над ним я тоже могу обеспечить.

— Вот об этом, пожалуйста, поподробнее.

— Можете, например, подарить ему авторучку. В случае необходимости по всем каналам связи передается определенный сигнал — и Свифт исчезает, превратившись в облачко пара. Ну, а если боитесь, что он может потерять «дружеский» подарок, можно вставить в зуб маленькую такую пломбу. Определенный сигнал — и порция смертельного яда впрыскивается в рот. Правда, от сигнала можно экранироваться... Тогда можно установить таймер на неделю или на месяц — и не забывать периодически обнулять срок впрыска яда. Как только вышел из-под контроля — таймер начинает отсчитывать оставшиеся дни жизни...

— Я все понял, — перебил Хенкин. — Пломба с часовым механизмом, пожалуй, подойдет.

— Признайтесь честно, шеф, — осторожно начал Митчелл, вытирая в очередной раз платком лысину, — чем он Вам мешал? Просто в таких противозаконных вещах я предпочитаю иметь полную информацию, чтобы не допустить даже малейшей промашки. Поймите меня правильно... Я, конечно, очень внимательно вас выслушал, но рассказ как-то уж очень смахивает на сказку. Может быть, замешана женщина?

— Уверяю тебя, Боб, я рассказал чистейшую правду! Хотя, знаешь ли, мне и самому иногда чудится здесь какой-то

скрытый подвох, — Хенкин привстал от волнения, — поэтому я и вызвал тебя! Чтобы не оставалось на этот счет никаких сомнений, давай прямо сейчас и проведем эксперимент с телепортацией. Вот только не знаю, должен ли и он в этот момент думать о том месте, куда собирается попасть. На всякий случай я свяжусь с ним. Сэм должен в это время находиться у себя на складе...

По внутреннему селектору Хенкин набрал код склада.

— Хэлло, дружище Сэм! Ты мне срочно нужен, так что попробуй еще раз воспользоваться своими способностями, — он широко улыбнулся возникшему на экране в своем неизменном «ковбойском» наряде Свифту. — Ты, конечно, понял, что я имею в виду?! Итак, прямо сейчас я жду тебя в кабинете.

Хенкин отключил экран видеофона и снова обратился к Митчеллу:

— Сейчас я воспроизведу в своем мозгу его, так сказать, фото — и он возникнет в этой комнате из ничего, как привидение. Тогда, надеюсь, ты поверишь каждому сказанному мной слову.

Хенкин закрыл глаза и стал вспоминать каждую деталь облика Свифта: немного тяжеловатый подбородок, глубоко посаженные голубые глаза, неизменная ковбойская шляпа и кожаная куртка...

Он несколько раз пытался завершить общий облик, но так до конца и не мог сосредоточиться, ибо едва начинал дополнять портрет второстепенными деталями, как образ распадался — и вместо него возникала оскаленная клыкастая морда зверя. Эти несколько секунд вчерашнего кровавого пиршества со всеми его ужасающими подробностями раз за разом возникали перед глазами. Хенкин поморщился, отгоняя навязчивое видение, и открыл глаза...

И в тот же миг откуда-то сверху на него обрушилось распластанное в прыжке длинное черное тело. Подсознательно он весь сжался, пытаясь спрятаться, уклониться, уйти от этих горящих глаз и приближающихся длинных когтей. Но уклониться успел лишь мысленно — страшная тяжесть опрокинула его на спину вместе с креслом.

Последнее, что он ощутил, — как десять острых ножей рассекли его кожу, почти безболезненно пронзили грудь и вошли туда, где расположено сердце.

Митчелл успел-таки выхватить из кобуры свой бластер — натренированная рука действовала, как всегда, автоматически, независимо от парализованного ужасом разума. Он даже оттолкнулся от спинки кресла, пытаясь вырваться из его мягкого плена — но страшная боль в затылке заставила пальцы безвольно разжаться. Беспольный бластер выскользнул из руки и отлетел по ковру в сторону входной двери...

Первое, что увидел появившийся через несколько мгновений в кабинете Свифт, это была огромная иссиня-черная кошка с окровавленной мордой и рыжеватой подпалиной на боку, склонившаяся над лежащим между опрокинутых кресел неизвестным мужчиной, на голове и шее которого зияли огромные раны. За тот же краткий миг он успел разглядеть и лежащего на спине Хенкина, вся грудь которого была искромсана словно бы ножом мясника. И еще он увидел матово блестящий бластер возле самых своих ног.

Зверь издал хриплое рычание, мышцы у него на загровке напряглись — но пальцы Сэма уже успели крепко сомкнуться на рифленой рукоятке бластера...

* * *

Заместитель управляющего эшерского филиала фирмы «Круизкосмос» Люк Сикорски пребывал в полной растерянности: мало того, что он не успел оправиться от смерти своего шефа, так тут еще два трупа из состава руководства фирмы.

«Ладно, шеф погиб где-то, — рассуждал он про себя, — но эти двое — прямо в рабочем кабинете офиса. На Земле того же Хенкина можно было, наверное, реанимировать. Всего-то нужно сердце, лёгкие, да ещё операционную палату под боком с дюжиной хирургов... Но только не на Эшере, где нет даже достаточного банка внутренних органов. С Митчеллом, конечно, дело безнадежное: зверь сделал ему трепанацию черепа и сильно повредил мозг. Если что-то и собрали бы — то это был бы уже не Митчелл!..

Значит, крайним в этой истории почти наверняка окажется он! Хотя за что же отвечать, если никто ума не может приложить, откуда здесь взялась эта проклятая «кошка»? Не сами же они её сюда притащили? В таком случае внешняя охрана или секретарша непременно бы заметили. К тому же секретарша заходила в кабинет с кофе, а такую «зверушку» в шкафу за папками с документами не спрячешь...

Как ни прикидывай, а крайним остается либо он, либо все-таки Венс, который отвечает за безопасность сотрудников на Эшере. Кстати, почему он задерживается?..»

Сикорски посмотрел на часы: получалось, что еще полчаса тому назад Венс сообщил, что он опросил всех служащих, а также возможных свидетелей — и скоро прибудет. Только что-то крайне важное могло сейчас его задерживать...

Он снова попытался выстроить мало-мальски логичную версию произошедшего.

«Итак, Митчелл с самого начала рабочего дня находился в здании филиала, а Хенкин приехал из гостиницы в девять. И того, и другого внешняя охрана видела входящими, кроме того, их зафиксировали камеры видеонаблюдения. Далее Хенкин вызвал по селектору Митчелла, потом этого складского рабочего Свифта. Непонятно, какие у них могут быть общие дела?.. Вызов Свифта тоже зафиксирован, и его видели направляющимся к крытому переходу. Камеры внутреннего наблюдения буквально за полчаса до происшествия выключили на профилактику, но об этом знали только он сам и дежурный инженер-электронщик... Как входил в кабинет Свифт, секретарша не видела — она отлучилась в туалет. Предвидеть это тоже не мог никто.

Теоретически привести с собой «кошку» мог, конечно, и Свифт! Вот только он никак не мог предугадать выключение камер и отлучку секретарши... Кроме того, он должен был поймать эту тварь, где-то прятать и в нужный момент привести. А эти местные хищники абсолютно не поддаются приручению, что многократно было проверено. Венс говорил, что, когда Свифт вошел в кабинет, тварь бросилась и на него, даже поцарапала кисть руки. То, что он успел воспользоваться бластером

Митчелла — просто счастливая случайность, иначе было бы три трупa. И маловероятно, что был задействован еще кто-то, четвертый... Скорее всего, зверь заскочил в какое-нибудь из открытых окон офиса, а уж потом случайно попал в кабинет».

Наконец прибыл буквально измочаленный допросами Венс. Он устало опустился в кресло и, закурив сигарету, сообщил:

— Абсолютно ничего нового... Я на всякий случай захватил со склада этого Сэмюэля Свифта. Если желаете, Люк, с ним побеседовать — он ждет в коридоре.

— Пусть заходит!..

Сикорски с неподдельным интересом разглядывал стоящего перед ним Свифта: крепкая, хотя и не крупная фигура, простое открытое лицо, мужественные, чуть резковатые черты, ярко-голубые, словно весеннее небо, глаза, забинтованная рука на перевязи... Явно вызывает симпатию. Трудно представить, что такой способен на хитроумное, тщательно спланированное убийство. Только что это за странный наряд? Хотя... Хотя каждый имеет право на свои маленькие причуды.

— Вы прибыли на Эшер с заместителем директора Хенкиным? — спросил он, наблюдая за выражением лица Свифта.

— Да, — ответил тот коротко, не отводя глаз под пристальными взглядами двух человек.

— А почему Вы оказались в кабинете Хенкина, ведь Вам в это время полагается быть на своем рабочем месте? — задал как-то лениво, видимо, уже не в первый раз, вопрос Венс.

— Мистер Хенкин связался со мной по селектору и пригласил для какой-то беседы. Я предупредил заведующего складом о своей отлучке.

Сикорски вопрошающе посмотрел на Венса.

— Да, были и вызов, и уведомление об отлучке, — подтвердил тот.

— Вы единственный свидетель произошедшего, — продолжил допрос Сикорски. — Расскажите еще раз, как это произошло?

— Я, собственно, увидел только развязку. Когда я оказался в кабинете, с сэром Хенкиным и с тем вторым мужчиной зверь уже покончил. Мне оставалось только пристрелить его.

— А где вы научились владеть бластером? — задал Венс явно провокационный вопрос.

— Мне показал, как с ним обращаться, сэр Питер. Он иногда брал меня с собой в качестве охранника... Но это был не его бластер — тот как бы был побольше.

— Это личный бластер Митчелла, — пояснил заместитель управляющего Венс и сразу же задал Свифту следующий вопрос:

— Как так получилось, что профессионал Митчелл не успел выстрелить, а Вы успели?

— Просто бластер лежал возле самой двери, уже снятый с предохранителя. Кроме того, «кошке» понадобилось время, чтобы развернуться ко мне мордой. А когда смотришь смерти в лицо — время как бы растягивается...

— Да, кстати, Вы встречались до этого с инспектором Митчеллом?

— Нет, — не задумываясь, уверенно ответил Свифт. — Я увидел его в первый раз уже мертвым.

— Подумайте хорошенько, — Сикорски вспомнил вдруг о своей версии, — когда вы входили, дверь кабинета была закрыта или приоткрыта?

— Определенно закрыта, — уверенно ответил Свифт. — Но не на замок.

— Естественно, что не заперта, — раздраженно сказал Венс, — иначе как бы Вы вошли.

— У Вас, Свифт, есть собственная версия, как этот хищник мог проникнуть в кабинет? — задал последний вопрос Сикорски, констатируя для себя, что единственный свидетель абсолютно ничего не прояснил.

— Честно сказать, я даже не представляю, как она сумела это сделать.

— Хорошо, можете идти на свое рабочее место!

Свифт направился к двери, но вдруг остановился на полпути и сказал, обращаясь к заместителю управляющего:

— У меня к Вам просьба. После смерти сэра Хенкина мне не хотелось бы дальше оставаться на Эшере. Я хочу улететь назад на Землю.

— Хорошо, — сказал Сикорски. — Как раз завтра утром отправляется рейсовый «Геркулес» на Землю. Расчет получите сегодня, и можете отправляться на нем. Кстати, будьте готовы, Свифт, что на все эти вопросы Вам придется отвечать еще раз на Земле. Может, что-нибудь еще вспомните сейчас?

— Я сказал абсолютно все, что знал, — заверил Свифт.

— Ну, идите...

— Больно уж беспросветное дело, — сказал Венс, когда за Свифтом закрылась дверь. — Даже единственный свидетель толком ничего не знает и не может объяснить. Кстати, Люк, Вы верите всему, что он здесь рассказывал?

— Конечно, иначе я не отпустил бы его на Землю. Теперь пусть соответствующие службы занимаются с ним там сколько им захочется. Вообще-то, я этому простаку не завидую...

— А что будем писать в отчете по расследованию двух случаев, мистер новый управляющий? — спросил Венс. — Ведь теперь это и Ваша компетенция.

— С первым случаем все просто — он на совести охраны космопорта, — ответил Сикорски. — А вчерашний инцидент попытаемся сгладить. Напишем, что электрозащита Космосити частично была повреждена грозой, вот «кошка» и проникла через нее, а потом и внутрь офиса. Она запросто могла заскочить в какое-нибудь открытое окно на первом этаже, потом подняться на третий. Этот Свифт ведь не помнит наверняка, была открыта дверь или нет...

— Вполне логично, шеф!

— Кстати, в джунглях они, как правило, обитают парами. Почему бы не допустить, что вторая по запаху выследила Митчелла, чтобы отомстить за ранение партнера? Согласитесь, Венс, очень даже неплохая версия для отчета! Хотя лично я не верю, что у этой твари хватит ума, чтобы сознательно мстить за раненую особь!

— Ну, это Ваше мнение я в отчете указывать не буду, — заверил повеселевший Венс.

— Кстати, — Сикорски устало потер пальцами виски, — хотя это и не к спеху, но, чтобы закрыть дело, проверьте завтра списки двух последних рейсов «Геркулеса», что на Эшер и обратно...

* * *

Утром Венс без стука ворвался в кабинет Сикорски. Он был настолько возбужден, что опрокинул вазу с цветами прямо на деловые бумаги — и даже забыл извиниться, стряхивая на ковер воду.

— Мы упустили его, Люк! Он нас всех одурачил! — Венс взволнованно размахивал руками и мотал головой.

— Кого мы упустили? — раздраженно спросил, собирая салфеткой воду со стола, Сикорски. — Успокойтесь, наконец, и говорите толком!

— Этот Свифт в списке прибывших на «Геркулесе» не значится! Сначала я подумал, что он прибыл под другой фамилией с Земли вместе с Хенкиным, и опросил всех пассажиров того рейса, которые все еще находятся на Эшере, — Венс снова взволнованно махнул рукой, и ваза упала во второй раз, но уже на ковер. — Двое вспомнили, что видели его с Хенкиным в космопорту Луны, но потом среди пассажиров рейса Свифта не было! Как они очутились вместе на Эшере, факт совершенно невероятный! Это просто необъяснимо!

— Да, действительно...

— Неспроста, наверное, на работу в наш филиал он принят без каких-либо документов, а лишь по личному указанию Хенкина! Значит, у Свифта был повод скрывать свое настоящее имя, а у Хенкина — покрывать его? Кто это такой на самом деле, знал только Хенкин, которого сейчас нет в живых!

— А его учетная карточка в нашей картотеке — что указано в ней? — спросил Сикорски.

— В том-то и дело, что все данные занесены в карточку со слов самого Свифта: Сэмюэль Свифт, тридцать два года, родился в Лондоне.

— Вы уже запросили подтверждение с Земли?

— Да. Через четыре дня должен получить ответ.

* * *

Но когда через четыре дня Венс появился в кабинете Сикорски, вид у него был крайне растерянный.

— Я получил ответ на свой запрос. Никакой Сэмюэль Свифт ни тридцать два года тому назад, ни сто лет тому назад в Лондоне и вообще на Земле не родился и не жил. С «Геркулесом» связи не будет до самого приземления, но там так называемого Свифта уже будут ждать работники КоБЗа.

— Успокойтесь, Венс! Это очень даже хорошо, что дело намного сложнее, чем мы предполагали, — удовлетворенно произнес Сикорски. — Пусть им теперь и занимаются работники КоБЗа. На работу без документов Свифта принимали покойные Спенсер и Хенкин, а с нас теперь какой спрос? Просто переправьте все имеющиеся у нас данные по этому делу в их адрес — и делу конец.

— Ну, не совсем конец. Просто я думаю, что после того, как Свифта встретят на Земле, кто-то из их сотрудников прибудет сюда.

— Возможно даже, что вместе со Свифтом!

— Если так называемый Свифт решил бежать, то выбрал совершенно бесперспективный вариант, так как покинуть «Геркулес» до посадки физически невозможно. Он сам себя упрятал в ловушку или, если хотите, в камеру заключения.

— Тем не менее все к лучшему: если это происшествие попадает под компетенцию КоБЗа — с нас снимается даже малейшая ответственность...

А еще через неделю с Земли пришло следующее сообщение: «Венсу. Срочно. Примите к сведению. Из-за повреждения метеоритом «Геркулес» вынужден был совершить аварийную посадку на Луне. В возникшей сумятице человек, известный Вам как Сэмюэль Свифт, скрылся. Возможно, на одном из грузовых космолетов. Комитет по безопасности Земли».

ГЛАВА 3. ПЛЕННИКИ АЛЬМЫ

Счастливо ты живешь или несчастливо, зависит, в первую очередь, от собственной оценки, а не от мнения окружающих. Наши эмоции — это качели, которые то поднимают к яркому свету, то опускают в непроглядную черноту. А истинная жизнь всегда где-то посередине. И если бы не было таких колебаний, мы, наверное, не отличали бы радости от печали и добра от зла. А так: то печаль вдруг нахлынет неведомо откуда, то восторг поднимет в такие выси, до которых ты и не мечтал подняться!

Если же ты ленив душой и телом, то рамки событий и эмоций узки — и спокойная размеренная жизнь напоминает неинтересную игру: ты не проигрываешь, но ведь и не выигрываешь! А колебания качелей превращаются просто в монотонную вибрацию. И тогда то, что мы называем жизнью, — всего лишь список дел на сегодня...

* * *

Стаса Полонского монитор Вадим Быков нашел на Марсе, в реабилитационном санатории для космонавтов. Собственно, «нашел» — это не то слово, потому что координаты капитана ему дали в КобЗе, когда передавали на исследование это странное и запутанное дело. До этого он без каких-либо видимых результатов мотался по планетам уже более месяца: сначала Луна, потом Эшер и теперь вот Марс. И кто знает, куда придется лететь дальше?.. Правда, иного он и не ожидал, потому что, как правило, если дело передается в КобЗ — это означает, что все реальные следственные возможности уже исчерпаны... Остаются нереальные, то есть связанные с мистикой, а то и с самой нечистой силой, что ли...

Монитор представился. Полонский одернул белый китель космолетчика с капитанской нашивкой на плече — и тоже представился по всей форме.

Разглядывая молодое, даже чуть женственное лицо Стаса и его довольно хрупкую фигуру, Быков пытался разглядеть того самого командира исследовательского космолета «Поиск», ставшего легендарным всего лишь за один рейс. Но перед ним стоял самый обычный, ничем не примечательный человек. Вот если только глаза... Черные, пронзительные и словно бы до краев наполненные неведомой болью, глаза жили своей собственной жизнью, независимой от внешне спокойного космолетчика.

Они спустились на эскалаторе в ботанический сад и пошли по одной из боковых аллей. Возле клумбы с ярко-красными цветами необычной формы, огороженными полоской зеленого газона, Стас молча остановился.

Терпкий и сладковатый запах неизвестных Быкову цветов дурманил и, казалось, усиливался с каждой секундой. У него даже слегка закружилась голова, а все тело наполнила странная, непривычная легкость...

— Это цветы с Альмы, — сказал Стас. — Мы их тогда же посадили в память о погибших на Альме товарищах.

Монитор помолчал, пока они не двинулись дальше, и лишь потом, чтобы как-то начать разговор, спросил:

— Вы прибыли в санаторий всего несколько дней назад, но, говорят, вскоре опять собираетесь куда-то?

— Да, через месяц, как только будет подготовлен новый космолет и сформирован экипаж.

Они свернули на одну из безлюдных поперечных аллей и сели на скамью в обвитой густым плющом беседке.

— Я должен поговорить с Вами о том, трехмесячной давности, рейсе «Поиска», — начал монитор.

— Если не служебная тайна, почему этим рейсом заинтересовался КоБЗ? — спросил Полонский.

— Собственно, КоБЗ интересуется некий Сэмюэль Свифт. Вы ведь знаете такого?

— Да, знаю... Правда, он не являлся членом нашего экипажа и присоединился к нам только на Альме.

— Простите, Стас, а во время самого полета не происходило чего-нибудь необычного? Только поподробнее, пожалуйста.

— Да тогда все было необычным! Начнем с того, что зацепили эту зарождающуюся «черную дыру» диаметром примерно с теннисный мяч. Ее же практически ничем предобнаружить невозможно. Тут самая совершенная система обнаружения бессильна: все виды излучений дыра поглощает, а на обзорном экране такой мизерный провал просто не заметишь! Только перед самым уже моментом столкновения...

Полонский вдруг заметил включённый диктофон и, вспомнив, что разговор официальный, поправился:

— Насчёт черной дыры — это моя версия, а вообще-то, никто и не знает, что это было! Но по закону подлости она прошила один из реакторов, так что катапульта отстрелила жилую каюту безо всякого предупреждения. Повезло еще, что почти все члены экипажа в это время в каюте находились, кроме вахтенных: Пака и Яшина... Уже нам вслед автоматика спасательный бот выбросила. Ну и дальше все в том же духе: когда реактор рванул, здоровенный обломок догнал бот и разнес в клочья. Вот и представьте ситуацию: скафандров нет, продуктов нет, большинство приборов представляют собой просто металлопластиковый хлам... В общем, перспектив ноль, и впереди одна тоска! Связь, правда, работала. Сообщили мы о своем невеселом положении на Землю: мол, сектор неизученный, закоординированных нуль-переходов поблизости нет...

Полонский остановился и внимательно посмотрел на монитора.

— Я не слишком подробно? А то всё это можно прочитать в официальном отчёте.

— Я читал Ваш отчёт, но меня интересует именно неофициальный аспект, то есть Ваши, как говорится, неуставные мысли.

— В общем, ситуация, когда пессимист говорит: «Хуже быть не может!», а оптимист ему возражает: «Может, может!» Оптимистами в данном случае были мы, потому как понимали, что спасателей в лучшем случае через пару недель смогут подогнать... А тут по курсу эта планетка — Альма. О ней и в каталоге-то всего три фразы, но зато такие, что сердце радуют:

«Разумной жизни не обнаружено. Биосфера мало исследована. Состав атмосферы вполне пригоден для дыхания». Ну, мы и передали на Землю, что попытаемся сесть, ибо это наш единственный шанс выжить.

— Тут, можно сказать, вам повезло?

— Вы считаете, что повезло? Представьте только: на одних лишь двигателях коррекции, то есть причаливания... До меня никто, кажется, и не пытался даже! Во всяком случае, официально такой попытки не зафиксировано! Ну, плюхнулись мы размашисто, остатки приборов переколотили, обе антенны как корова языком слизнула... Так, кажется, в старину говорили? От удара герметизация нарушилась, несколько человек ранения получили, а тут еще пожар начался... В общем, остались мы на планете, как первобытные люди: голые и босые, да еще с ранеными... Перспектив на выживание практически ноль! И тут, откуда ни возьмись, этот Свифт...

— Он что же, поджидал вас там? — удивленно спросил монитор.

— Не то чтобы поджидал... Мы утром двадцатого сентября плюхнулись на Альму, а он уже после полудня пришел. Представляет, вышел из-за куста в своем голубом госпитальном костюме, словно просто прогуливался там. Я как увидел его, сразу подумал: «Ну, всё — глюки начались!» А он спокойно так подходит к Валерии и говорит: «Вы меня хотели видеть, так я к Вашим услугам, леди». Он вообще как-то очень уж витиевато выражался...

— А в чем эта витиеватость речи заключалась?

— Ну... Словно он актер и играет на сцене какой-то старинный спектакль. Этакая стилизованно-несовременная манера выражать свои мысли. Пока фразу закончит — забудешь, осмысливая, с чего он ее начинал. Да и вообще: жестикуляция, мимика — прямо театр. А вот Валерии почему-то нравилось...

— Он объяснил Вам, каким образом попал на Альму?

— Сказал, что летел на грузовике мимо, а тут шальной метеорит... Когда началась неуправляемая реакция, он и катапультировался. Потом капсула утонула в болоте, а он едва успел выбраться. В общем, обычная история — хотя он и путался

немного... Ну, да после подобной передряги некоторые собственное имя забывают! И вроде бы все правдоподобно, только не похоже по нему, чтобы он в болоте тонул.

— Почему?

— Ну, хотя бы одежда! Кто же в таком виде летает, тем более на грузовике? И каким олухом надо быть, чтобы капсулу утопить — ведь в ней и скафандр, и оружие, и запас продуктов... Он мне, правда, и раньше не нравился!

— Вы что же, знали его раньше? — у Быкова даже дыхание перехватило от волнения.

— Ну, не то чтобы знал, а так — видел. Мы на Земле в госпитале для космолетчиков предполетное обследование проходили — вот там он и «прилип» к Валерии. Мне тогда, правда, абсолютно наплевать на него было, так что я даже и не поинтересовался, кто он такой. Раздражало, конечно, что ходит, как тень, за Валерией какой-то странный тип. Главное, ходит — и молчит! Но слушатель он был отменный: мог часами слушать нашу болтовню. Знаете, когда собираются друзья с разных рейсов: воспоминания начинаются, случаи разные рассказывают...

— В этом и заключалась его странность?

— Ну, не только... Он ещё каждый вечер, церемонно так, Валерию на пляж гулять приглашал. Безделушки всякие дарил: то раковину, то камешек занятный. Да, не знаю, где он ее взял, но он еще тогда подарил Валерии монету...

— Простите, Стас, а что за монета?

— Старинная и золотая. Тяжелая такая... Валерия ее всем показывала: мол, ей уже много веков, и что будто бы она счастье приносит. Правда, ей эта монета счастья так и не принесла... А после гибели Валерии Свифт эту монету забрал...

— Вы можете её описать?

— Честно говоря, я её особо не разглядывал... — сказал Полонский, немного подумав. — На одной стороне английская королева Елизавета, и, по-моему, Валерия называла её гинеей. Да, чуть не забыл: когда он в первый раз появился, Валерия мне тогда сказала: «Удивительно, но как только я монету достала и подумала про Сэма — он сразу тут как тут».

— Действительно, странное совпадение.

— Но мне тогда почему-то показалось, что она его странному появлению не особенно удивилась... — возразил Полонский.

— А как долго Свифт там находился? Я имею в виду не вообще на Альме, а именно вместе с вами. Ведь, насколько я информирован, он улетел раньше?

— Кажется, девятнадцать дней... Если точнее, то восемнадцать с половиной. Честно признаться, до тех пор, пока не прибыл контейнер, нам без помощи Свифта туговато бы пришлось. Как бы поточнее выразиться... Он ближе нас всех к природе стоял, что ли. Знаете: импровизированное жилище мог устроить лучше любого из нас, быстро костер развести, ловушки всякие придумывал для мелких животных, ночную охрану лагеря организовал...

— Вы считаете, что он знал эту планету? — спросил Быков.

— Нет, я не это имею в виду. Просто он лучше всех умел приспосабливаться к незнакомым местным условиям.

— А он не пытался там, на Альме, взять на себя руководство или занять главенствующее положение?

— Нет, скорее наоборот, — ответил Полонский, не задумываясь. — Насколько я помню, он все время старался оставаться как бы в тени.

— Может, просто хитрил?

— Нет, он вообще был простоват! Еще раньше, чем спасательный бот, всего через неделю после аварии неожиданно пришел небольшой автоматический грузовой контейнер с ближайшей планеты — с Тэссы. Там ведь до самого недавнего времени существовала довольно крупная перевалочная база и на тот момент оставались еще несколько человек и всякий хлам — так называемые неликвиды. Так что в контейнере, кроме станции космической связи, оказалось всякое старье, которому, наверное, лет сто! Так вот, этот Свифт подобрал себе такую шляпу с полями. Ну, какие раньше носили!.. В старинных вестернах обычно все ковбои в них на лошадях разъезжают...

— И Вас это удивило?

— Тогда да, но сейчас я думаю, что, может быть, это для того, чтобы шрам прикрыть. Вот здесь, — Стас показал паль-

цами чуть выше правого виска. — А еще куртку напялил из грубо выделанной коровьей кожи. Видели бы Вы, какой нелепый вид у него был в этой одежде! Хотя смысл в такой куртке тоже был — там множество всяких колючих кустарников... Да, ещё там, кроме нескольких маломощных бластеров, оказалась такая тяжеленная штуковина, которая сгустками плазмы стреляет — а потом они взрываются. Очень тяжелый агрегат, зато сумасшедшей разрушительной силы! Так этот чудак утащил ее к скалам — и там почти полдня с ней развлекался...

— В каком смысле развлекался? — не понял Быков.

— Ну, тренировался, что ли... Он ведь потом с этим своим оружием ни на миг не расставался. Так с ним за Валерией повсюду и таскался — вроде бы как телохранитель.

— Он интересовался больше техническими вопросами или же теоретическими?

— Вообще-то, ни теми, ни другими. Он, похоже, в технике вообще слабо разбирался. Так, помогал по мелочи, когда кто-то попросил — типа «принеси и поддержи». А главным объектом его внимания была, конечно, Валерия. Ухажёр... — Стас усмехнулся, но как-то кисло.

— А ему приходилось применять это свое оружие?

— Один раз. Там водятся огромные такие зубастые зверюги — настоящие монстры из фильма ужасов, вот Свифту и пришлось убить одного из них. Так сказать, в качестве самозащиты.

— Может, Вам, Стас, известно, почему он вдруг улетел с Альмы раньше всех? Торопился куда-нибудь?

— Он как будто никуда не собирался — а улетел сразу после гибели Валерии. Сказал, что не хочет больше оставаться на Альме, тем более что считает именно себя виновным в ее смерти.

— Он что, действительно был косвенно виноват?

— Какое там... Сурин потом рассказал, что произошла нелепая случайность.

— Сурин... Владимир Сурин? Он, кажется, геолог?

— Да, геолог. Он до сих пор еще в госпитале на излечении. А тогда, на Альме, он совершенно случайно обнаружил залежи трансурановых элементов. Знаете, как бывает у этих геологов — они и за час до гибели будут образцы минералов собирать, опи-

сывать... Валерия по профессии химик, вот Сурин и привлек ее к этому делу тоже — тем более что они до этого вместе на Эшере работали. Когда они по скальному обрыву лазали, произошел обвал. Валерию — насмерть, Сурина ногу раздробило и два ребра сломало, а этому Свифту, который их охранял, хоть бы что! Представляете, ни царапины! Он-то Валерию и откопал. А на другой день мы раненого Сурина с доктором в том грузовике на Тэссу отправляли. В нем еще одно свободное место оставалось — вот Свифт и заявил, что тоже полетит.

— Вас это не удивило?

— Ничуть. Я никакого права не имел его задерживать, тем более что Свифт вообще не из нашего экипажа... Да и пассажирский бот с Земли где-то через два дня прибывал, так что мы уже вполне могли без него обойтись... Вот, собственно, и все, что меня лично с этим странным Сэмюэлем Свифтом связывало!

— А он вообще показывал хоть какие-то документы?

— Да там не до документов было! Когда он появился — мы уже без связи сидели. Так что не было никакой возможности запрос отправить... Да и что запрашивать? Мало ли грузовиков в космосе болтается, пусть даже и «левых». Это уже после его отлета я запрос от медиков получил: оказывается, после прибытия на Тэссу он сразу же исчез непонятно куда и даже положенный карантин не прошел. В ответ я сообщил, что Свифт, по существу, «приблудный» — и коротенько изложил историю его появления на Альме. Было и еще одно сообщение, не помню уже от кого, что его не могут найти, а фамилия Свифт будто бы не настоящая. Когда же выяснилось, что опасных бактерий на Альме нет — о нем как-то вообще забыли.

— Простите, Стас, а как лично Вы относились к Свифту?

— Если честно, то я его не любил!

— Поймите, Стас, это не праздный вопрос. У людей иногда возникает вполне объяснимое отвращение к паукам, например, или к змеям, у кого-то к представителям инопланетной фауны или даже к неярко выраженным мутантам... Поэтому я и спрашиваю о вашем отношении к Свифту не только в психологическом плане, но даже и в физиологическом. Он что, вызывал какую-то физиологическую неприязнь?

— Нет, ничего такого не было — я его просто не любил.

— Значит, у Вас были на это какие-то веские причины?

— Вообще-то, я не хотел бы затрагивать эту тему...

— И всё-таки придется! Поймите — это не праздное любопытство.

— Во-первых, я давно любил Валерию, а он вклинился между нами, причём довольно бесцеремонно. Но даже не это главное... Как-то я попытался выяснить у этого так называемого Свифта, кто он и откуда. Даже не так: я тогда просто намекнул, что он и Валерия — совершенно разные, несовместимые люди, как бы с разных полюсов и с разных социальных уровней... Так он жутко разъярился, словно дикий зверь какой — и едва не ударил меня кулаком в лицо. После такого, сами понимаете, ни о каких нормальных отношениях не могло быть и речи.

— Извините, Стас, за не вполне корректный вопрос, но, сами понимаете, это не просто мой личный интерес. Как Валерия относилась к Сэмюэлю Свифту?

— Честно говоря, я до сих пор не понимаю, что она в нем нашла? Ограниченный человек, просто дикарь какой-то! Непонятно и другое: несколько раз, видимо, забывшись, он называл ее «Долорес». А она делала вид, что не замечает... Понимаете, до этого мы регулярно общались, а как только появился этот непонятный тип, я сразу стал как бы третьим лишним.

— Да, можно еще один, пожалуй, последний вопрос, а то я и так замучил вас своими расспросами?

— Спрашивайте, конечно. Я понимаю, что это Ваша работа.

— Свифт Вас тоже недолюбливал?

— Недолюбливал? Да он меня просто ненавидел! Стоило мне заговорить с Валерией, как он весь напрягался и хватался за свое дурацкое оружие. Это звучит смешно, а выглядело далеко не так весело!

— К сожалению, Стас, у меня так и не сложилось более или менее ясного портрета этого Свифта. Может, я неправильно формулировал свои вопросы? Он что же, был неуравновешенным? Попробуйте в нескольких словах описать его психологический портрет...

— Главное — верить в свою везучесть. Это, если хотите, моё кредо! Даже когда все не так, как тебе хотелось бы, надо считать, что твоя вера непременно поведет тебя, в конце концов, по тропе удачи. Чувствуете, монитор, как красиво я стал говорить? Еще бы — столько интервью за последние дни!.. — Полонский замолчал, словно прислушиваясь к каким-то своим потаённым мыслям, но, поймав пристальный взгляд монитора, тряхнул головой и продолжил:

— Так вот, человек, начавший считать себя неудачником, заранее обречен. Это как снежная лавина: одна неудача цепляет другую — и вскоре ты уже не в силах разорвать их роковую цепь. А это уже непреодолимый рок! Сэмюэль Свифт как раз и был таким неудачником. На первый взгляд, сильный, волевой человек — но на нем четко просматривалась нестираемая печать неудачника. Хотя в начале нашего знакомства в госпитале у него был как бы небольшой перерыв между этими сериями неудач...

— Но это опять общие слова. А были какие-нибудь примеры?

— Сами проследите цепочку! Итак, в госпиталь он попал с травмой — а это, сами понимаете?.. И потом менее чем за месяц: авария грузовика, из-за которой он очутился на Альме, — это раз, патологическая несовместимость практически со всей командой «Поиска» — это два, потом гибель Валерии — это три. Далее: его поспешный побег, пристальный интерес Интерпола и, наконец, Ваше внимание... Согласитесь, что многовато для обычного человека?

— Пожалуй, Вы правы, — согласился монитор.

— Должно быть, он натворил что-то очень серьезное, раз им занялась такая серьезная организация, как КОБЗ?..

— Знаете, Стас, — Быков замялся, — я просто не готов однозначно ответить на такой вопрос.

Полонский замолчал и угрюмо уставился куда-то под ноги — на ярко-желтую песчаную дорожку. Быков тоже помолчал несколько минут и, ощутив вдруг неловкость от своего навязчивого присутствия, попрощался.

* * *

Стас Полонский после встречи с монитором Быковым еще долго бродил по аллеям, выбирая самые глухие и безлюдные. Долгий разговор, неприятные воспоминания разбередили душу и скрытые в ней раны...

«Ну и глупо же, должно быть, я выглядел в глазах этого монитора, — сожалел Стас. — Лихой космолетчик, космический волк — а на самом деле просто растерявшийся мальчишка! И чего я ему только не наговорил про этого Свифта... Половина из сказанного — откровенная глупость, а главное так и осталось недосказанным...» Ведь их взаимоотношения не заладились из-за Валерии, и только из-за Валерии. Он так и не сказал монитору, что обязан Свифту жизнью. Если бы не тот выстрел в напавшего монстра, Стас Полонский сегодня бы просто не беседовал с Вадимом Быковым...»

Стас вдруг ясно, до малейших деталей вспомнил каждый миг рокового происшествия. Он тогда осматривал два грузовых отсека грузовика с Тэссы, только что освобожденных от присланного им хлама. Хотя, если честно, то стоило поблагодарить тех незнакомых парней, которые экстренно собрали и отправили им все, что оказалось под рукой. Без этих неожиданно очутившихся на Альме устаревших приборов и вещей еще неизвестно, чем бы все закончилось...

«Тесновато, конечно, будет разместить в двух отсеках всех людей, — прикидывал он, — и насчет удобств не очень, но все равно это лучше, чем ночевать под навесом возле костра».

Стас выбрался через единственный люк наружу и обошел грузовик вокруг. Поглядывая по сторонам, он делал вид, что просто совершает инспекторский обход, к чему обязывала капитанская должность, — а на самом деле высматривал в окрестностях Валерию.

Собственно, окрестности, это громко сказано: грузовик очень удачно свалился не в болото и не в заросли, а на возвышенность — каменистую поляну в полкилометра диаметром, посреди которой теперь и располагался их импровизированный лагерь. Вся поляна просматривалась как на ладони, а вокруг неё, куда ни глянь, ярко пестрели, топорщились вершинами и

переплетались кронами сплошные джунгли. Валерию нигде не было видно, как и этого чокнутого Сэмюэля.

«Опять куда-то ушли вместе?.. — с раздражением подумал Стас. — Неужели она до сих пор не разглядела, что это за тип?» Он, Стас, раскусил Свифта сразу: недалекий, можно сказать, туповатый мужлан. Для таких уготована карьера разнорабочего или в лучшем случае какого-нибудь мелкого диспетчера. Наверняка он и в госпиталь попал после какой-нибудь драки в Четвертом секторе — там и не такие еще отбросы общества встречаются. И что Валерия в таком могла найти?..

Словно бы продолжая свой обход, Стас двинулся вдоль края поляны. Иногда он немного углублялся в живописные заросли, под зеленый свод переплетавшихся вверх крон — и тогда приходилось все время быть настороже.

Особенно тщательно нужно было огибать шаровидные полудеревья-полукустарники. Диаметр примерно в два человеческих роста, идеально округлой формы, с розовой листвой и сплошь усеянные мелкими голубенькими цветочками, внешне они выглядели очень декоративно. Но стоило коснуться этого «пушистого шарика», как множество мелких колючек-крючков цепляли одежду, тело и все, до чего могли дотянуться. Хорошо, если сразу не ударяться в панику, а попытаться освободиться от них медленно, не делая резких движений — тогда отделаешься неглубокими, хотя и многочисленными царапинами. А стоит только дернуться, попытаться вырваться из цепких объятий силой — тут же вступит в дело второй атакующий эшелон: десятки длинных и острых шипов, прокалывающих даже плотную ткань рабочих комбинезонов. Еще рывок — и шипы протыкают кожу, неотвратимо проникают все глубже и глубже! Можно этот шар срубить, потом жечь его бластером — воткнувшиеся шипы уже ни за что не отпустят свою заведомо обреченную жертву. Стас неоднократно встречал довольно крупных местных зверушек, похожих на покрашенную в зеленый цвет земную свинью, висящих внутри коварных розовых шаров — бездыханных и растерзанных. Через несколько дней от них оставался голый скелет — все остальное высасывал этот внешне привлекательный растительный вампир.

Воздух на поляне был наполнен терпким запахом красных цветов. Эти необычной формы цветы были настоящими гордецами: стоило их случайно задеть или хотя бы пройти очень близко от бутона, — как он тотчас поникал своей красной головкой и лежал безжизненно, словно умерший, до самой темноты. Таинство их возрождения всегда происходило под покровом тьмы. Едва рассвет обесцвечивал непроницаемую черноту ночи и становилось возможным различать темные силуэты на фоне светлеющего неба или белые камешки на почве, — а они уже вновь стояли, источая терпкий пьянящий запах. Рассвет они всегда встречали осыпанные, словно алмазами, капельками росы. А в первых лучах восходящего светила капельки искрились всеми цветами радуги...

Стас про себя одушевлял этих гордых недотрог: ведь они предпочитают смерть подчинению, насилию, даже просто постороннему вмешательству. И только пройдя некий ритуал очищения, возвращаются к жизни. Такая жизненная философия простых растений вызывала у него восхищение!

Вот на краю поляны он заметил несколько поникших цветков — значит, сегодня здесь кто-то проходил! Может, Валерия с этим Сэмом?

Стас двинулся по следу, не подумав даже, что скажет, как объяснит свое появление. Хотя ведь был приказ: не отходить от лагеря и тем более не углубляться в заросли!

Стас увидел их неожиданно: Валерия сидела на камне посреди крохотной полянки спиной к нему, а Свифт сбоку — прямо на траве. Они были настолько увлечены разговором, что даже не заметили случайного соглядатая.

Говорила Валерия:

— ...Романтика осталась в прошлом, а современными людьми движет голый практицизм. О чем сейчас мечтает молодежь? Не о любви и интересной работе, а о быстром карьерном росте. Но это же смешно! Вот и получается: чтобы как-то разнообразить рутинное однообразие жизни — ищут острых ощущений. А это тоже быстро приедается...

Убедившись, что остался незамеченным, Стас постарался так же незаметно удалиться. Пятясь и не спуская со Свифта глаз,

он медленно зашел за куст какого-то игольчатого кустарника, увешанного вперемежку, словно новогодняя елка, фиолетовыми бутонами цветов и ярко-желтыми длинными стручками. Он уже хотел развернуться и уйти — но в этот момент ощутил, как множество крючков вцепились одновременно в спину, в плечи, в затылок. Определенно позади находился один из этих проклятых «шаров»!

Сквозь ажурное переплетение редких ветвей Стас хорошо видел сидящего Свифта, а Валерию закрывало скопление желтых стручков — поэтому казалось, что её голос звучит ниоткуда.

— ..Современные люди быстро старятся, но стареют в первую очередь душой, а не телом. Вы, Сэм, моложе всех моих сверстников, потому что Ваша душа молода!..

Стас попытался освободиться из цепких объятий шара: осторожно потянул на себя правую руку, постепенно сгибая ее в локте. Но обламывающиеся при этом колючки затрещали предательски громко — и Свифт тут же повернул голову. Неотрывно глядя в сторону Стаса, он поднял свой плазмомёт.

— Это просто какой-нибудь зверек копошится, — успокоила невидимая Валерия.

Стас обмер, и его даже в жар бросило: еще подумают, что он специально подслушивает. Но Свифт положил свою тяжелую «игрушку» на траву и продолжил их главный, видимо, прерванный репликой Валерии разговор:

— Христофор Колумб в своих дневниках писал: «Золото создает сокровища, и тот, кто владеет им, может совершить всё, что пожелает, и способен даже вводить человеческие души в рай». Хотя я сейчас почти уверен, что Колумб ошибался...

— Но вы помните его слова наизусть, словно молитву, — как-то задумчиво произнесла Валерия.

— Просто они служили девизом для многих, — ответил Свифт, словно оправдываясь.

— Однако я не думаю, что Вы, Сэм, завидуете судьбе Колумба, — возразила незримая Валерия. — Я когда-то читала его биографию, ведь какое-то время я хотела стать историком, а не химиком... Всю жизнь он стремился только к одному — к

богатству, а добился лишь того, что индейская цивилизация прокляла его. В конце концов от него отреклись все — и друзья, и враги, лишь факт якобы первооткрывателя Америки незаслуженно увековечил его имя.

— Но он интересно жил и много повидал!

— И умирал в мучениях: не только физических, но и душевных. Кто-то из философов сказал: «У кого при жизни душа живет в аду, тот после смерти не попадет в рай, даже несмотря на все перенесенные мучения».

— Вы пытаетесь меня убедить, что в богатстве нет никакого смысла? — спросил Свифт.

— Самый последний нищий — это нищий духом... — невидимая Валерия глубоко вздохнула и замолчала, видимо, думая о чем-то своем.

— Но ведь в самом стремлении к богатству есть цель, причем не самая худшая из всех, — прервал затянувшееся молчание Свифт. — И не Вы ли мне говорили, что цель — это главный двигатель в жизни?

«Если они еще с полчаса пофилософствуют о смысле жизни, то шар меня уже не отпустит», — подумал Стас с тоской.

Он чувствовал, что возникшее сначала между лопатками жжение растеклось уже по всей спине. Должно быть, все новые и новые крючки, целенаправленно посылаемые «шаром», впивались в кожу, умножая терзающую боль. Терзала Стаса и боль душевная. Во всех своих последних неудачах и даже в теперешнем глупейшем положении Стас готов был обвинить только Свифта. И от этого с каждой минутой все сильнее ненавидел его и жалел несчастного себя.

— Больше всего, Сэм, мне в Вас нравится решительный характер, — заговорила невидимая Валерия. — С Вашим упорством Вы многого могли бы добиться. И я не сомневаюсь, что добьетесь... Только не теряйте времени попусту!

— Просто я еще не могу до конца привыкнуть к своему теперешнему положению...

— Ну, по сравнению с нашей первой встречей вы уже очень неплохо держитесь... А знаете, ведь буквально накануне нашей первой встречи я взяла почитать старую книгу из библиотеки

госпиталя. Сейчас такие, в переплётах, крайне редко встречаются. В ней рассказывалось о пиратах, или, как их тогда называли, о «рыцарях удачи». Я читала и думала: неужели среди них не было ни одного истинного рыцаря: сильного, мужественного и вместе с тем романтического? А потом дошла до описания пыток, которым они подвергали свои жертвы, чтобы добиться признания о местонахождении тайников. Подумать только, им вспарывали животы...

— Потом жертву клали на землю — и наматывали внутренности на палку...

— Какой ужас! И Вы, Сэм, можете об этом так спокойно говорить?!

— Я просто хочу сказать, что Вы, Валерия, не представляете всех ужасов и всей дикости того времени. Ведь эту казнь еще раньше придумали гугеноты во время войны с католиками. И заметьте, что война велась не в дикой Азии или Африке, а в Центральной Европе, причем с именем Бога на устах. Мало было просто убить, им хотелось видеть мучения противников... А ведь смерть при этом наступает, увы, не очень быстро...

— Сэм, неужели Вы могли бы ударить Стаса? — неожиданно спросила Валерия. — Я имею в виду вашу сегодняшнюю ссору.

— Конечно! Согласитесь, что он сознательно пытался меня унижить своими словами.

— Но ведь это нечестно! Вы сами знаете, что физически значительно сильнее его.

— А Вы, Валерия, взгляните на этот случай иначе. Он знает больше моего, то есть в этом он сильнее, и знания — это его оружие. Капитан же не постыдился выбрать выигрышное оружие и применить его против меня! Почему Вы, Долорес, считаете...

— Сэм, Вы снова...

— Я что-нибудь снова не так сказал?

— Нет, нет, извините, что перебила...

— Так почему Вы считаете, что моральное унижение более позволительно, чем физическое?

— Простите меня, Сэм! К моему великому стыду, Вы совершенно правы. Я поговорю со Стасом, чтобы он извинился.

— В прежние времена просто вызывали на дуэль, и это было честно. К сожалению, эта замечательная традиция утрачена...

Стас, разминая одеревеневшие мышцы, осторожно переступил с ноги на ногу — и его тотчас передернуло от боли в спине. Шар на его произвольное движение ответил протестующим треском. Свифт снова посмотрел в его сторону — и Стас замер, преодолевая боль. После этих случайно подслушанных слов он молчал бы, наверное, даже в том случае, если бы его терзал какой-нибудь местный хищник.

— Человечество в общей своей массе с каждым поколением становится гуманнее, — продолжила Валерия, и Свифт тут же повернулся к ней. — И в этом, наверное, главное достижение современной цивилизации...

— Для достижения всеобщего гуманизма нужно было не так уж и много усилий, — не то возражая, не то утверждая, проговорил Свифт, — всего лишь достичь такого технического уровня, чтобы все стали сыты.

— Нет, одного изобилия мало, — возразила Валерия. — Просто нужно было каждому ощутить, что все люди равны. Для начала хотя бы, что на нашей маленькой Земле мы все давно связаны кровными узами, то есть, по существу, все мы братья и сестры. Несколько тысячелетий формировался гуманный государственный строй. Ведь одно дело, когда государством узаконены господа и слуги, и совсем другое...

— Когда все господа, — пошутил Свифт.

— Нет, когда все слуги. Слуги не потому, что привыкли унижаться, а потому, что служат всему человечеству.

— Это все слова, — возразил Свифт. — Смысл я их принимаю, но вот мое сердце они как-то не тревожат и великие помыслы не зажигают...

— Значит, я плохо объясняю... — сокрушенно проговорила невидимая Валерия.

— Нет, Вы очень хорошо объясняете, — словно спохватившись, горячо запротестовал Свифт. — Дело, должно быть, во мне. Порой мне начинает казаться, что мы говорим на одном языке, — но каждый раз оказывается, что тему для разговора

находите именно Вы. И у нас, как говорит капитан Полонский, находится очень мало точек соприкосновения.

— Вы просто комплексуете, Сэм, причем совершенно напрасно. Говорить о космосе, о нуль-переходах, о неполадках реактора — это не означает быть умным. Это всего лишь означает, что в памяти хранится определенный запас легко воспринимаемой другими информации, а также определенный навык манипулирования этой информацией...

— Что значит манипулирования? — спросил Свифт.

— То есть использования ее избирательно... Я уверена, что даже на заре развития цивилизации человек мог гораздо образнее и красочнее рассказать об окружающем его мире, о своих чувствах, о любви. Ведь он сравнивал свои чувства с весенней природой, с утренним ветерком, с журчанием ручья, а не с гудением тех же реакторов... Вам не кажется, Сэм, что мы, собравшиеся сейчас в лагере, все на одно лицо?

— Нет, Валерия, Вы гораздо красивее всех других женщин!

— Спасибо за такой замечательный комплимент, но я вовсе не об этом. Я о нашем внутреннем мире. Во-первых, стало меньше индивидуальностей: все, что не рационально, — отмечено эволюцией. А ведь в этой индивидуальности и заключалась внутренняя изюминка каждого человека. Поверьте мне, Сэм, здесь, на Альме, Вы выглядите колоритней всех остальных вместе взятых. Стас Вам просто завидует, хотя никогда не признается в этом!

— Чему же завидовать: ведь это он капитан космолета, а не я?

— И все равно завидует, поверьте моей женской интуиции. Той же Вашей индивидуальности. Раньше каждый человек был индивидуален, был личностью, а теперь в лучшем случае какие-то отличительные черты вносит лишь профессия. Я, например, в любой толпе узнаю космолетчика — даже без его форменного кителя. Хотя многие из них считают, что именно китель отличает их...

— Форма во все времена отличала людей. Она и прежде, как и сейчас, задавала при встрече направление для разговора. С моряком можно было безошибочно заводить разговор о

кораблях, о морских портах, а с сухопутными офицерами — о военных походах, о крепостях...

— Но ведь тогда практически любой собеседник был интересен. Люди были разделены морями, границами государств, религиями, какими-то национальными традициями. Они рассказывали, по существу, малоизвестное о своих странах, о себе...

— Разве что-то изменилось?

— А сейчас о чем можно говорить? Национальность существует чисто формально, границы государств условны... На всё, даже на взаимоотношения, накладывается этакий узаконенный стандарт. Узаконено то, что рационально, удобно и приятно для большинства человечества. Вот и говорят об одних и тех же знаменитостях, в лучшем случае об общих знакомых, реже о семье и работе, еще реже — об искусстве. Но искусство давно уже стало массовым, поэтому и мнение о нем тоже массовое. Неоткрытых талантов в наше время не бывает! Чтобы сказать собственное мнение о каком-либо произведении, нужно быть профессионалом от искусства, а этому мешает...

Валерия вдруг замолчала, и Стас от мысли, что снова выдал себя треском, даже похолодел. Но Свифт тут же прервал возникшую паузу:

— Что же Вы, Валерия, замолчали?

— Я вдруг подумала: а что лично мне помешало всерьез заняться искусством, о котором я сейчас глубокомысленно рассуждаю?..

— Наверное, как и у большинства, нехватка времени?

— Или что-то другое... Может быть, боязнь быть не такой, как все?

— Вы, Валерия, и так не такая, как все.

— Не льстите, Сэм, — такая же! Все стремились в космолетчики, вот и я ринулась в общем потоке... В детстве, помнится, я очень любила читать старые книги, которые, как я знаю, не особо пользуются спросом в библиотеках. Но литературоведом тоже так и не стала... Вот именно: я поучаю Вас, а если бы мне самой предложили сейчас выбирать между искусством и работой, я, пожалуй, выбрала бы работу. Я смирилась.

Хотя, наверное, все-таки главное найти свое призвание... Вы нашли свое, Сэм?

— Я считал, что нашел. Но потом вмешались роковые обстоятельства — и теперь они просто руководят мной. О каком призвании может говорить прикованный, например, к веслу галеры? Это Вы, Валерия, свободны в выборе как профессии, так и любви!

— Любовь не выбирают: ее либо находят, либо нет. Но это тема уже для другого разговора. Мы и так засиделись — как бы нас не начали разыскивать в лагере... Пойдемте, Сэм!

Когда шаги Валерии и сопровождавшего ее Свифта затихли, Стас подождал еще некоторое время и занялся освобождением из плена. Его спину и плечи жгло уже невыносимо, а на затылке словно бы тлела горсть раскаленных углей. Сначала он медленно высвободил менее захваченную шаром левую руку, потом, терпеливо снося уколы новых крючков в немеющие пальцы, стал освобождать рукав правой руки.

Это занятие его настолько поглотило, что Стас не сразу слышал треск веток и ритмичное пыхтение какого-то крупного зверя. Звук был такой, будто работал мощный вакуумный насос.

Стас поднял глаза — и даже вздрогнул: два агатово-черных круглых глаза смотрели прямо на него поверх шаров. Если бы его спросили, кого напоминает видимая часть животного, он бы, не задумываясь, ответил, что земного носорога. В остальном же это было настоящее страшилище: шишковатая, с выдающимися пучками зеленых волос морда была снабжена изогнутым коричневым рогом на конце носа, увенчана маленькими круглыми ушками на самой макушке. Пристальный изучающий взгляд, казалось, подавлял волю — как взгляд земного удава. И если учесть, что диаметры шаров-кустарников составляли порядка четырех метров, а голова возвышалась над ними еще ровно на столько же — то размеры чудовища ужасали.

Гигант словно бы неторопливо раздумывал, как ему поступать дальше. И тут Стас сделал то, чего он, должно быть, не должен был делать ни в коем случае: он потянулся правой рукой к кобуре портативного бластера. Ему, как ни странно, удалось вытащить оружие и даже поднять настолько, насколько позво-

лили колючки шара. Луч бластера, по его расчетам, должен был пройти по глазам уродины, но выстрел получился не очень прицельным — опалил только гигантский рог. «Как слону дробина», — разочарованно и обреченно констатировал Стас.

«Носорог» даже не дернулся, но, словно от удивления, вдруг закричал очень тонким и пронзительным голосом. Этот звук поразительно напоминал сигнал метеоритной опасности на околосатурновских станциях — он вибрировал где-то под черепной коробкой Стаса и болезненно сверлил его мозг.

Животное кричало довольно долго, и Стас, не вполне соображая, что делает, а больше для того, чтобы прервать эту звуковую пытку, снова надавил на спуск бластера. Луч прошел еще ниже, где-то на уровне груди «носорога» — и тот, поняв наконец, кто причиняет ему боль, двинулся прямо на своего врага.

Стас попытался поднять бластер на уровень глаз, чтобы поточнее прицелиться, но шар сразу же среагировал на резкое движение, выбросив очередную порцию своих цепких крючков. Часть из них вцепилась прямо в кисть, и Стас от жгучей боли разжал и без того занемевшие пальцы. Тяжелое оружие выскользнуло из руки и упало к ногам.

«Теперь это точно конец!» — обреченно подумал он, представив, что спасти его сейчас смог бы только плазмомёт Свифта.

И в этот миг рядом возник неизвестно откуда взявшийся Сэмюэль. В руках он, как обычно, держал своё громоздкое оружие. Стас глазам своим не поверил, настолько невероятным было это видение.

Животное же, хотя и обладавшее инерцией нацеленного тарана, двигалось относительно медленно — их разделяло еще метров тридцать. Свифт, между тем, стрелять в него не спешил, словно чего-то выжидал.

«Ну, давай же, стреляй! Что же ты медлишь?!» — мысленно торопил его Стас, понявший, что появился реальный шанс остаться в живых. И ему вдруг так захотелось жить, что Стас готов был простить сопернику и Валерию, и утреннее оскорбление, и даже недавний нелিপцприятный разговор.

Свифт же, видимо, сделав выбор, вдруг резко рванулся в сторону.

«Все, бросил на съедение!» — мелькнуло в голове Стаса.

Но тот, отбежав несколько шагов, широко расставил ноги и вскинул свой плазмомёт. Стас хорошо видел вспышку на морщинистом плече «носорога», потом его задымившийся бок. Животное дернулось в конвульсии и снова пронзительно закричало, потом остановилось — и, топчась на месте, стало медленно поворачиваться в сторону стрелявшего. Свифт отбежал еще дальше — и снова выстрелил в бок животного.

«Он же просто отвлекает! Специально малыми зарядами стреляет по касательной», — понял наконец Стас.

«Носорог» в третий раз «включил» свой сигнал метеоритной защиты — и, словно атакующий танк, устремился на Свифта.

И тут мощная струя раскаленной плазмы ударила прямо в глаза животного. Голова его окуталась дымом, пронзительный вопль сменился низким прерывистым хрипом. Сделав по инерции еще несколько шагов, «носорог» тяжело повалился набок, и только его длинный, оканчивающийся костяными пластинами хвост стал хлестать наотмашь, сметая все вокруг.

Сорванные шары, словно цветные мячики, разлетелись в разные стороны, толстое бочкообразное растение переломилось где-то возле основания — и брызги древесного сока вспыхнули в ярких лучах искристым шлейфом. Один раз заостренный хвостовой нарост просвистел буквально в полуметре от Стаса. Но вскоре туша «носорога» затряслась в конвульсиях, по нему пробежала предсмертная судорога, и хрип резко оборвался.

Подождал Свифт, положил оружие на траву и, ни слова не говоря, стал освобождать Стаса из «объятий» шара.

— Я пошел искать вас с Валерией, — начал оправдываться Стас, — а тут этот монстр...

— Он травоядный, — неодобрительно буркнул Свифт. — Просто не надо было стрелять в него...

— Но он шел прямо на меня, а я из-за этой колючки не мог уступить ему дорогу!

— Мне кажется, он шел мимо! — возразил Свифт, словно пытаясь приписать Стасу какую-то вину. — Просто не нужно было его трогать, ведь он вполне безобиден...

— Мне, конечно, жаль, что так получилось и Вам пришлось его убить, — настаивал на своем Стас, — но уверяю, что он шел прямо на меня!

— Ну, Вам виднее, — нехотя согласился Свифт.

— А кстати, что Вы здесь делаете в одиночку? Я абсолютно всем запретил отходить от лагеря без особой нужды, а тем более по одному, — сказал Стас и тут же сообразил, что тоже нарушил собственный приказ.

— Я здесь забыл свою шляпу, если хотите, — невозмутимо ответил Свифт. — И, кроме того, на меня приказы капитана космолета не распространяются — я не из Вашего экипажа...

Убедившись, что Стас уже полностью освобожден от крючков, Свифт водрузил на плечо свое оружие и направился в сторону поляны, на которой они еще совсем недавно беседовали с Валерией. Стас не успел даже возразить, что дурацкая шляпа красуется на его голове.

«А ведь он из-за меня всерьез рисковал жизнью, — обожгла его мозг запоздалая мысль, — а мог бы без всякого риска выстрелить всего лишь на несколько секунд позднее. И убил бы, как говорится, сразу двух зайцев...»

ГЛАВА 4. СЛЕД ПРИЗРАКА

Зачем приходит человек на Землю? Ведь не для того лишь, чтобы прожить в сытости и довольстве несколько десятков лет, а потом уйти безвестно в небытие? Тогда лучше бы ему воплотиться в образе животного, которое не испытывает ни зависти, ни корысти, ни, тем более, угрызений совести. Ведь должно же быть какое-то высокое предназначение для безграничного человеческого разума? В чем оно: в вечных поисках смысла жизни, в осмыслении космического мироустройства или же в стремлении к самому необъяснимому — к великой всепоглощающей любви? И если смысл жизни все-таки в любви, то в любви к кому: к другому человеку, к матери-Земле или к Богу-учителю?.. Однако нет до сих пор и не будет, наверное, никогда ответа ни на один из этих вопросов.

Но на пике жизни или даже на закате ее мелькнет в нас догадка — и поведет за собой подобно магниту или ускользающему миражу. И уже до самого конца, до самого последнего вздоха будет звать и манить нас маяк главной цели или призрак единственной женщины...

* * *

В просторном холле госпиталя Быков подошел к электронному регистратору и ввел свой служебный код. На экране возникла надпись «Доступ без ограничений». Он ввел имя и фамилию «Сэмюэль Свифт», подумал — и дополнительно ввел его фотографию. Регистратор моргнул экраном, на нем возникло симпатичное женское лицо, и приятный голос произнес:

— В данный момент интересующий Вас человек отсутствует. В целях получения дополнительной информации о

нем Вам нужно встретиться с невропатологом, профессором Эриком Йенсоном. Блок номер сорок семь, кабинет под желтым индексом «Е».

Быков поднялся в лифте на четвертый этаж, отыскал нужный ему кабинет и надавил на кнопку селекторной связи возле двери.

— Входите, входите, монитор, — прозвучал из динамика мягкий бархатистый бас.

Профессор Йенсон — русоволосый голубоглазый великан с аккуратной бородкой — протянул руку для рукопожатия, и пальцы Быкова буквально утонули в его огромной теплой ладони.

— Пока Вы поднимались из холла, — заговорил первым профессор, — информатор выдал мне данные про интересующего Вас Сэмюэля Свифта. Очень неординарная, даже загадочная личность, скажу я Вам! Для меня он так и остался не до конца разгаданной загадкой. А мы здесь, знаете ли, тоже своего рода мониторы...

— И Вас, профессор, не удивляет, что им интересуется КоБЗ?

— Признаюсь, удивляет. Но не больше, чем в свое время его странное появление в нашем госпитале.

— Тогда, я думаю, Вам есть что рассказать о нем?

— Ну, это смотря что Вас интересует! Я ведь просто лечащий врач, а чужая душа, как говорится, потемки.

— Ну, значит, душу затрагивать вовсе не обязательно.

— Принцип «не навреди» — он ведь и в психологии действует: я скажу что-нибудь неосторожно, а Вы занесете в официальный документ... И бац — клеймо на всю оставшуюся жизнь! Тем более что в жизни, как и в орфографии, обычно всё наоборот, чем кажется...

— Тогда начните с того, что Вам больше всего запомнилось или, если хотите, больше всего удивило при первой встрече.

— Начну с того, что история с этим Сэмюэлем Свифтом целиком выходит за рамки привычного, — жизнерадостно начал профессор. — Уже само появление Свифта — это очень странная, я бы даже сказал, загадочная история... Кстати,

хотите попробовать мой новый тонизирующий напиток? Поиск универсального тонизирующего рецепта — это, так сказать, мое маленькое хобби.

Он придвинул Быкову высокий сосуд с ярко-оранжевой жидкостью.

— Уверяю, что Вы ни за что не догадаетесь, из чего он сделан... Пейте, пейте, потому что предстоящая история настолько же длинная, насколько невероятная и увлекательная!

— Я весь во внимании, профессор. И не бойтесь, пожалуйста, сказать что-то лишнее!

— С точки зрения скелета, в человеке слишком много лишнего, — Йенсон раскатисто рассмеялся. — Есть в медицине такая шутка!

— Обещаю, что я буду прислушиваться к разуму, а не к скелету.

— Вижу, монитор, что с юмором у Вас всё нормально! А медицинская карта, знаете ли, не терпит фантазий, иначе я смог бы записать туда истинно фантастический сюжет для какого-нибудь писателя...

Быков сделал глоток, чтобы определить состав напитка, но, несмотря на тренированные вкусовые рецепторы, так и не смог выделить основной вкус.

— У меня достаточно времени, — заверил он, — так что рассказывайте как можно подробнее. Меня интересует абсолютно все, что происходило и что хоть в какой-то мере относится к этому Свифту.

— Значит, так... В госпиталь он был доставлен восьмого сентября с открытой травмой черепа. Кстати, можете это не записывать на диктофон — официальные, так сказать, данные есть в медицинской карте, которую Вам распечатал информатор...

Йенсон взял со стола распечатанный документ и пробежал глазами первую страницу.

— Первоначально этот Свифт поступил в хирургическое отделение, ибо у него было, как у врачей говорится, непроницающее ранение черепа. Вот здесь, выше правого виска, — профессор показал пальцами. — Ранение-то непроницающее, но вот только непонятно чем нанесенное! Глубокая такая борозда,

хотя, в общем-то, не особо опасная. Так: сорвана кожа, задета кость черепа... Болезненная, должно быть, но не более!

Профессор отложил распечатку, отпил из стакана несколько глотков своего непонятного напитка и долил сосуд Быкова.

— Самое интересное начинается дальше, — продолжил он. — В больничной карте хирург написал, что все лицо и верхняя часть одежды пострадавшего были покрыты копотью. Обратите внимание: смесью серы, селитры и древесного угля. А это, как известно, состав так называемого дымного пороха, применявшегося в качестве зарядов для огнестрельного оружия еще в средние века прошлого тысячелетия. Охотничий дымный порох, довольно редко применявшийся в гладкоствольных ружьях конца тысячелетия, уже отличается по составу! Что же это: мистификация или первая загадка? Вас это заинтересовало, старший монитор Быков, или я рассказываю не совсем о том, что вам нужно?..

— Мы с Вами по роду деятельности являемся психологами, — польстил профессору Быков, — поэтому все, что тогда заинтересовало Вас, в равной степени теперь интересует и меня.

— Ну, тогда продолжу! В общем-то, рана не вызывала каких-либо опасений, и через пару недель, максимум недели через три, Свифта можно было выписать из госпиталя. Как говорится: время лечит, но врач всё-таки быстрее! Правда, был нюанс: не окажи ему вовремя медицинскую помощь — и через день-два началась бы так называемая гангрена. Но даже и не это главное...

Йенсон интригуяще поднял свой толстый, покрытый светлыми волосами палец вверх.

— ...При нем не оказалось абсолютно никаких документов. Ладно бы одно это... Видели бы Вы только, во что он был одет!..

Йенсон снова отпил несколько глотков своего оранжевого напитка и, изображая высшую степень удовольствия, причмокнул губами.

— А как он разговаривал! Это был очень странный язык! Вообще-то, конечно, английский, но какой!.. Из его речи я сначала не мог понять и половины. Долгое время думал, что это

последствие контузии, и только недавно открыл смысл некоторых его непонятных слов. Где бы Вы думали?!

Йенсон снова интригуяще поднял вверх указательный палец.

— Ни за что не догадаетесь!.. В словаре старинных английских слов и выражений!

Профессор открыл встроенный в стену холодильник и достал старинный хрустальный графин с ярко-фиолетовой жидкостью. Сначала кивком предложил Быкову, потом налил в свой стакан.

— Но в словарь-то я, к сожалению, заглянул уже после того, как Свифт исчез, — продолжил Йенсон. — Вас, может быть, удивит, что я мало с ним беседовал, особенно о его странном появлении, о странной одежде, о странном языке? Сейчас, конечно, об этом сожалею. Но, поймите меня правильно, старший монитор, — прежде всего я врач, а не любознательный собеседник.

— Теперь всё-таки сожалеете?

— Естественно. Как говорится, сожалею задним умом. Но в медицине главным лекарством является сам врач, а при сильной контузии человеку показан если и не абсолютный, то хотя бы относительный покой. И чтобы больной быстрее выздоровел, ни в коем случае нельзя акцентировать его внимание на отклонениях в его психике. Кроме того, я рассчитывал, что все прояснится после того, как Свифт поправится...

— А Вы помните, когда он назвался Сэмюэлем Свифтом?

— По-моему, сразу же, как только пришел в сознание. Сами понимаете, что подобный вопрос задается на предмет проверки ясности мышления...

— В госпитале он общался с кем-то еще, кроме Вас?

— Конечно, он ведь не был ограничен в передвижении по территории госпиталя. У нас прекрасный парк, игровые комнаты, спортивный комплекс, кают-компания... В общем, на любой вкус! Правда, с самого начала он предпочитал находиться как бы в сторонке, что ли. Хотя... — профессор многозначительно улыбнулся. — Была там одна видная девица из космолетчиков — я встречал их несколько раз вместе в парке.

Звали ее, по-моему, Валерия... Черноволосая, стройная... А глаза! Черт возьми, какие глаза! Будь я помоложе, тоже бы, наверное, влюбился!..

— Она погибла на Альме, — прервал профессорскую «лирику» Быков.

— Сожалею, искренне сожалею! Она напомнила мне тогда мою жену в молодости...

— А Вы не замечали за ним чего-нибудь... Ну, каких-то странностей?

— Странностей, странностей... Он был очень неразговорчив. Вернее, почти совсем не говорил, но при этом с какой-то ненасытной жадностью всегда прислушивался к чужим разговорам. А странностью можно назвать то, что иногда он как бы выбирал объект наблюдения — и целый день ходил за ним по пятам. Какое-то навязчивое и нездоровое любопытство. И если бы не эта странность поведения, то в остальном — самый обычный человек...

— Да, Вы упоминали, что Свифта доставили в госпиталь в каком-то не совсем обычном костюме.

— Не совсем обычном?.. Это был совсем необычный костюм! Представьте себе маскарадный военный мундир где-то середины прошлого тысячелетия. Я его видел, и знаете, старший монитор, у меня создалось впечатление, что это не муляж, а подлинный мундир. Как будто хорошо сохранившийся музейный экспонат!

— Вы хотите сказать, что мундир был не новым, то есть не «новодел»?

— Вот именно! А ещё был оригинальный нательный крест на золотой цепочке. Я крестов такой формы никогда не встречал: на одной стороне распятый Иисус Христос, а на другой — расправивший крылья ангел. Я еще тогда подумал, что этот Свифт либо музейный работник, либо коллекционер-историк. На самом деле он и сам как бы является неким музейным экспонатом!.. Шутка, конечно, но на всякий случай патентую свою версию... Знаете, если Вас так же принарядить, — Йенсон весело расхохотался, — то смотрелись бы не менее колоритно.

— Спасибо за комплимент. А теперь вспомните, при каких обстоятельствах Свифт исчез?

— Свифт исчез двадцатого сентября. Я даже без мед-карты абсолютно точно помню дату, потому что где-то через неделю было передано сообщение о катастрофе именно в этот день космолета «Поиск». Дело в том, что экипаж этого космолета проходил предполетное обследование лично у меня, так что, сами понимаете, у нас сложились некоторые личные взаимоотношения.

— Вы куда-нибудь обращались по поводу его исчезновения?

— Да, сразу же! Сначала в Информационное бюро, но оттуда ответили... Как бы это мягче сказать? В общем, ответили, что невозможно найти того, кто никогда не пропадал и даже никогда не существовал. Потом я передал информацию о Свифте в КОБЗ. Был их представитель, расспрашивал то же и так же, как и Вы, старший монитор. Вас что же, даже не поставили в известность о том посещении?

— Вероятно, не захотели, чтобы я повторил его ошибки, — отшутился слегка шокированный таким фактом Быков и продолжил:

— Я уже достаточно Вас утомил, поэтому перехожу к самым главным вопросам. Где и как он был обнаружен?

— Здесь, на Земле. Более того, совсем неподалеку от госпиталя: на старом песчаном пляже. Кстати, там сейчас очень интенсивно ведутся археологические раскопки — обнаружены останки какого-то старинного морского порта. Свифт был обнаружен археологами поздно вечером, причем совершенно случайно: на песке пляжа, в полукилометре от полосы прибоя. И никаких посторонних следов рядом... Да, это, наверное, важно для Вашего расследования: археологи видели его на пляже и в день исчезновения. Он там прогуливался по песку в госпитальной пижаме, а вот куда потом исчез — никто не обратил внимания...

— Простите, профессор... — Быков замялся, — Вы не обнаружили чего-нибудь необычного в его анатомии? Внешние отличия или какие-нибудь отклонения в анатомии внутренних органов?..

— Физически он был очень хорошо развит. Среднего роста, но такая, знаете ли, атлетическая фигура... — Йенсон тоже замаялся. — Вы что же, считаете, что это был представитель другой цивилизации?

— Вы, профессор, меня неправильно поняли — я ни в коей мере так не считаю. Хотя, сами понимаете, полностью исключить такую возможность я тоже не имею права...

— В таком случае я тоже официально заявляю, что каких-либо аномалий в Сэмюэле Свифте не обнаружил. Хотя полностью исключить, как Вы сами только что сказали, не берусь...

Быков подумал, что материалы предварительного расследования КоБЗа смогут прояснить какие-то детали дела, поэтому посчитал диалог с Йенсоном на сегодня достаточным — и попрощался.

* * *

Информация, полученная в Комитете по безопасности Земли, ничего не прояснила — по всей видимости, именно по этой причине Быков ее и не получил в начале расследования. Точнее сказать, она вообще ничего не прибавила к тому, что ему самому удалось выяснить. Человек, назвавшийся Сэмюэлем Свифтом, появился неизвестно откуда — и так же исчез, растворился, улетучился... Можно даже сказать, дематериализовался, если бы такое в принципе было возможно.

Быков просмотрел всю картотеку в отделе мониторов сначала за десять последних лет, потом за двадцать. Ничего даже отдаленно напоминавшего это дело в картотеке не обнаружилось. Он снова и снова сопоставлял известные ему факты, пытаясь найти между ними связь...

«Итак, двадцатого сентября Свифт исчез из госпиталя — и в тот же день появился на Альме, потом сотрудники КоБЗа пытаются задержать его на Луне — а он вместе с Хенкиным оказывается на Эшере. Хенкин, рискуя лицензией фирмы, помог ему без документов устроиться на работу. Для этого должны были быть какие-то веские причины.

Какую роль играл во всем этом Хенкин?..

Хенкин... Командировка заместителя директора фирмы на Эшер носила, можно сказать, непреднамеренную мотивацию. Скорее всего, раньше эти двое не встречались, и пересечься их маршруты могли только на Луне... Зачем Свифт понадобился Хенкину, об этом покойного уже не спросишь! И как он попал на Эшер, если в списках пассажиров «Геркулеса» не значился? Не в чемодане же его Хенкин провез? Может, телепортация?..»

Быков переключил свой персональный компьютер на Интернет и набрал слово «телепортация». Ссылок на различные сайты оказалось довольно много, поэтому он добавил слова «достоверно зафиксированная». Так называемых достоверных случаев оказалось десятка два, причем все они были «зафиксированы» еще в прошлом тысячелетии:

«...25 октября 1553 г. некий солдат объявился в городе Мехико, тогда как его полк был расквартирован на Филиппинах. Суду инквизиции он заявил, что за несколько мгновений до своего переноса он нес караульную службу при дворце губернатора в Маниле, который только что был предательски убит. Несколько месяцев спустя люди, прибывшие с Филиппин на корабле, подтвердили известие об убийстве губернатора и некоторые другие детали...

...В период между 1620 г., когда ей было восемнадцать лет, и по 1631 г. преподобная Мария, жившая в монастыре Иисуса в Агреде (Испания), совершила более 500 трансатлантических путешествий в Америку, где обратила в христианство индейцев племени юма в Нью-Мексико. По свидетельству более поздних миссионеров, индейцы заявили, что знакомству с христианством они обязаны «женщине в голубом», оставившей им кресты, четки и потир для служения месс. Установлена принадлежность потира монастырю в Агреде...

...3 июня 1871 г. медиум Гуппи, весившая сто килограммов, мгновенно была перенесена из своего дома в Хайбэри в Лондоне в дом на Лэмз Кондуит-стрит, в трех милях от первого. Приземлилась она на стол во время спиритического сеанса, причем в неглиже...

...В мае 1968 г. Херальдо Видаль вместе со своей женой на машине из района Байа-Бланка в Аргентине перенеслись в Мексику за несколько тысяч миль. При этом оказался опаленным кузов автомобиля...»

Быков перескочил в конец списка и с разочарованием прочитал приписку: «В настоящее время проверить достоверность приведенных фактов не представляется возможным. См. также раздел «Хроноаномалии».

Про хроноаномалии было написано довольно много.

Быков выборочно прочитал описание нескольких исчезновений и последующих возвращений людей за последнее десятилетие и также перешёл на последнюю страницу. Вывод был столь же неопределённым: «...Исчезновение (предположительно в другие измерения) и последующее возвращение (через различные промежутки времени) людей связано, по всей видимости, с активностью аномальных зон. Научному объяснению ни один из зафиксированных случаев не поддается. Перемещения носят случайный, непредсказуемый характер и довольно редки, а сам процесс неуправляем. По этой причине феномен практически не изучен».

Он подошел к окну кабинета.

На аллею сквера, на старые тополя ложился густой пушистый снег. Парочка влюбленных беседовали о чем-то на скамье, не обращая внимания на покрывший их плечи и головы белый покров. Прошла веселая стайка школьников с лыжами и разноцветными рюкзаками-ранцами — должно быть, на загородный автобус...

«А если Свифт — это не один человек, а несколько? — размышлял Быков. — Путешествуют себе по планетам... Но у всех одинаковый шрам выше виска, который они к тому же пытаются скрыть, у всех один характер и одна логика поступков... Фантомы одного человека, вернее, клон? Что-то эта версия не слишком убедительна...»

Он остановился посреди кабинета, потянулся, разминая затекшие мышцы плеч. Потом снова начал мерить шагами свой кабинет.

«И все-таки в этом клоне Свифтов что-то есть... Предположим, что их всё же несколько. Если один возникает на Альме, то куда девается тот, что пребывал на Земле? Если телепортацию в масштабах Земли еще как-то можно представить, то перенос через миллионы километров космического

пространства нормальному человеческому мозгу представить невозможно...

Что ж, придется сделать и такое допущение, хотя это уже точно попадает в разряд мистики. Только зачем ему надо было в обоих известных случаях возвращаться назад в космолетах? Ведь космолет — это натуральная ловушка, мышеловка! Которую, правда, он оба раза удачно открыл...»

Быков потер глаза, помассировал виски, сделал несколько дыхательных упражнений из системы йогов и постарался снова сосредоточиться.

«Так, исчезает с Земли — тут же возникает на Альме. С какой целью — непонятно! На Тэссу он направляется уже в космолете... Потом каким-то образом попадает на Луну, а следом — на Эшер. Причем пересечься с Хенкиным он мог, конечно, где-то на Земле, но впервые их видят вместе во время посадки в космолет на Луне, потом уже в космопорту Эшера. Могли ли они, впервые встретившись на Луне, за несколько минут познакомиться и обо всем договориться? Сомнительно, хотя кто его знает...

Зато бежать с Эшера у Свифта уже был смысл. И опять же: точный расчет на аварию или очередная случайность? Допустим, что аварийная посадка «Геркулеса» на Луну — это просто случайность... Но вот как он сумел обвести вокруг пальца ребят из КоБЗа и исчезнуть на Луне из их поля зрения? Это с их-то техникой, которой доступна информация про любого, родившегося в ближайшие двести лет!..

Итак, для обыкновенного человека скрыться было бы просто невозможно... Но это для землянина! Мы ведь даже не представляем способностей представителя инопланетной цивилизации!

Если же Свифт — не человек, тогда моя логика ничего не стоит. Но его тяга к Валерии показывает, что Свифту, как и любому земному мужчине, свойственно все человеческое... Хоть так, хоть этак — получается ерунда, а правильное решение в девяносто девяти случаях из ста бывает элементарно простым...»

Быков сел за стол и стал перелистывать папку с документами, собранную его предшественником, надеясь отыскать хоть

крохотную зацепку. Неожиданно в справке о несчастном случае на Эшере на глаза ему попала знакомая фамилия.

«Стоп! — Быков снова пробежал глазами справку. — Так и есть: Боб Митчелл. Одна из жертв нападения хищника на Эшере. В отчетах расследования дела Свифта эта фамилия не фигурировала. В памяти вдруг всплыла фраза, сказанная лет десять тому назад: «Боб Митчелл нигде и никогда не появляется случайно...»

И сразу же из самого потаённого, из крепко-накрепко замурованного тайника души поднялась, а если выразиться точнее, выползла давнишняя боль...

* * *

Они со Стеллой решили пожениться. Вопреки здравому смыслу и всего после третьей их встречи. Что поделать, если за полгода им удалось встретиться только трижды! Причём видеться удавалось лишь на Земле, поскольку они работали в разных отделах: она — в технической группе Комитета по безопасности Земли, он — в Группе мониторов. Перерывы между их командировками упорно не совпадали, а пункты командировок являлись строжайшей служебной тайной для всех, кроме разве что высшего руководства. В принципе они могли оказаться даже на одной планете — и не подозревать об этом.

Пожениться решили оба, причем разом и окончательно. Презрев инструкции, недовольство начальства и наверняка сопутствующие такому поступку проблемы.

В ту третью встречу, словно предчувствуя что-то, они торопились успеть как можно больше. Успеть в выпавшие два дня свободы и счастья. Спешили, как спешат, наверное, в последние дни жизни...

У Быкова даже комок подкатился к горлу от этой случайно всплывшей мысли о конце жизни. Он снова подошел к окну и стал смотреть на засыпанную снегом аллею. Двое влюбленных все еще сидели на покрытой слоем снега скамейке и, похоже, ничего не замечали вокруг, кроме друг друга...

Они со Стеллой тогда оба дня мотались в поисках приключений, как два восторженных школьника на каникулах.

В двухместном скоростном аэре они перелетали с места на место: из туристических Альп в прохладную Исландию, оттуда на песчаные пляжи Байкала, потом в Долину гейзеров на Камчатке... Неудержимо веселились, отчаянно чудили, а вечером выключали свет, все трансляции — и пили шампанское при свечах. Поили шампанским и Стасика-с-усами.

Стасик, выпив поднесенную ему каплю шампанского, обычно долго и ритмично шевелил длинными усами. Стелла смеялась и утверждала:

— Это он поет!

Когда захмелевший Стасик засыпал, его укладывали в дом-коробку и закрывали — чтобы не подглядывал.

А потом были сказочные ночи. Всего две... Быкову особенно запомнилась та, на Байкале...

Они взяли напрокат маленькую уютную яхту и несколько часов, до самого заката солнца, шли под парусом вдоль берега. Было тепло, но не жарко. Свежий ветерок ласкал кожу, ерошил волосы. Волны ритмично покачивали яхту и целенаправленно устремлялись к берегу, где с шорохом, напоминающим промчавшегося мимо горнолыжника, пробежали по песчаному пляжу. Несмотря на большую глубину, просматривались и камни на дне, и стайки рыб.

А потом они бросили якорь, и, как оказалось, не вполне удачно, потому что ночью неподалеку включился бакен. До самого рассвета он, словно ведя отсчет минутам их счастья, то освещал через иллюминаторы каюту, то снова погружал в непроглядную тьму. В памяти Быкова это навсегда запечатлелось как серия волшебных фото: обнаженное тело Стеллы, тонкая рука, ласкающая его шею, бездонная чернота глаз, манящие губы... Они так и не заснули в ту ночь, потому что утром был изумительный розовый рассвет, а потом, следом, — вся палитра красок байкальской воды, ежеминутно и даже ежесекундно меняющей цвета и оттенки.

Такого буйства красок он не видел больше никогда, словно их все, которые Стелла должна была увидеть за свою жизнь, природа вместила в то счастливое утро...

Единственный из их команды, кто не выражал буйных восторгов, был мирно спящий Стасик-с-усами. Быкову почему-то казалось, что Стасик должен ревновать его к Стелле, поэтому, в качестве компенсации что ли, он весь день оказывал усатому всяческие почести и даже клятвенно пообещал, что поместит его изображение на будущем семейном гербе Быковых. Такой чести Стасик заслужил уже одним тем, что полгода тому назад их познакомил...

* * *

Действительно, история их знакомства начиналась со Стасика-с-усами.

Монитор 2-го класса Вадим Быков тогда впервые принимал участие в работе координационного совета. Он скромно держался в стороне и почтительно, как неразумный юный внук в компании умудренных сединами дедов, взирал на «генералов космического сыска». А во время обеденного перерыва, когда почти все уже разошлись из кафе, за дальним столиком под развесистой пальмой, растущей в большой кадке, он заметил симпатичную светловолосую девушку. Как он сразу определил — ровесницу.

Заметив его взгляд, она быстро прикрыла ладонью что-то черное на краю столика. Но Быков успел разглядеть небольшой округлый предмет, который, как ему показалось, двигался.

— Убежит? — задал он вопрос наугад, когда подошел к ее столику.

В пустом зале его голос прозвучал неприлично громко. Девушка вспыхнула румянцем, метнула на него испытующий взгляд и смущенно ответила:

— Нет, он совсем ручной.

И тогда Быков набрался храбрости, вернее, как потом охарактеризовала его поступок Стелла, «преисполнился вопиющего нахальства» и бесцеремонно уселся рядом.

— Вы мне его покажете? — заговорщически спросил Быков.

Девушка нерешительно приподняла ладонь: на краю стола сидел и обиженно, должно быть, шевелил усами большой иссиня-черный таракан. Вадим знал из справочников, что на Земле такие водятся, но живого видел впервые.

— Тогда уж Вы меня с ним и познакомьте! — продолжил он начатую игру.

— Его полное имя Стасик-с-усами, а для друзей просто Стасик, — девушка явно принимала правила игры-знакомства.

— А Ваше? — задал Быков следующий, абсолютно предсказуемый вопрос.

— А меня зовут Стелла.

Это была вся их первая встреча. А через два месяца уже на правах старого знакомого Быков остановил ее возле входа в Управление. Встретились как бы случайно — а на самом деле он выведал у знакомого из КоБЗа, что Стелла на Земле, и полдня прождал ее в сквере напротив входа с огромным букетом роз, вызывая недоуменные взгляды знакомых сотрудников. Остановил же под предлогом справиться о здоровье Стасика-с-усами.

Потом была их счастливая третья встреча. А четвертой не было потому, что, когда он вернулся из очередной командировки, то узнал, что Стелла пропала. Ту проклятую планетку оперативные группы КоБЗа обшарили буквально по сантиметру — и абсолютно ничего не нашли.

Тогда Быков настоял, чтобы ему оформили двухнедельный отпуск, — и отправился на поиски Стеллы. Для себя он твердо решил, что если не хватит двух недель, то он будет обшаривать эту планету и месяц, и год.

В КоБЗе ему без пререканий выделили малый боевой рейдер серии «Катран» и предоставили все имеющиеся материалы этого дела. Как оказалось, сначала на этой планете пропала изыскательская группа Международного геологического объединения — ни с того ни с сего перестала выходить на связь.

В это время Стелла оказалась ближе всех к месту событий: она возвращалась из командировки на базовом космолете, маршрут которого пролегал практически рядом. Последовал приказ: высадиться и произвести поиск. Стелла с напарником-практикантом Сергеем Кузнецовым стартовала на своем «Катране-17» в сторону планеты и осталась там «до выяснения». Ее напарника Сергея Быков даже знал в лицо, поскольку Стелла успела их познакомиться.

Через три дня от Стеллы поступила импульс-депеша: «Обнаружено место взрыва «Топаза». Спасшихся нет, черный ящик отсутствует. Вызываем базовый».

Одна фраза в этом донесении была из ряда вон выходящей — самописец бортовой информации, или в просторечии «черный ящик», исчезнуть при взрыве не мог. Во время полета в него записывалось всё, включая данные физического состояния экипажа, — и он выдерживал температуру термоядерного взрыва. Ни уничтожить его, ни стереть в нем какую-то информацию было практически невозможно, недаром космолетчики шутили: «Ничто не вечно в этом мире, кроме бортового журнала в черном ящике».

Еще через три дня прибыл базовый космолет — но «Катрана-17» на орбите не оказалось. На связь за это время Стелла с напарником тоже не выходили. Сначала один, а потом два оперативно-поисковых отряда целую неделю — в очередной раз — вдоль и поперек обшаривали планету. Обнаружили место взрыва «Топаза» — и больше ничего! Ни каких-либо следов рейдера, ни их черных ящиков. Не помог и весь арсенал самого совершенного спецоборудования...

* * *

После двухнедельных бесплодных поисков Быков тоже почти сдался. Вернее, не то чтобы сдался, а решил довериться своей мониторской интуиции: рейдер на планете до сих пор не обнаружили потому, что его здесь просто нет.

До прибытия базового космолета оставалось три дня — и Быков решил дожидаться его в оставшееся время где-нибудь на удаленной орбите. Он просто не мог больше оставаться на этой предательски безмятежной планете, не желавшей открывать свои тайны. И уже понял, что искать Стеллу и ее «Катран» нужно где-то в другом месте. Знать бы только, где?..

Поэтому и стартовал он с планеты без предварительных расчетов и в бесцельном направлении — подчиняясь все той же интуиции. Потом, выполняя непрактичный, непозволительно большой разворот, заметил на обзорном экране — довольно далеко — сверкающую точку астероида.

Громадный, километров пять в длину и около километра в диаметре, каменный исполин внешне напоминал ошметинившегося дикообраза — три четверти его поверхности были утыканы гигантскими острыми кристаллами.

Еще не вполне осознавая, что он будет делать дальше, Быков включил двигатели торможения. Уравняв скорости и приблизившись на дистанцию в полкилометра, решил сделать облет «дикообраза» и внимательно осмотреть его. Не только кому-нибудь другому, но даже себе он не смог бы объяснить, зачем это делает, ведь с таким же успехом Стеллу можно было искать в любой точке пространства на миллионы километров вокруг. А у Быкова даже не было с собой спецоборудования для дальних обнаружений, так как он находился «не при исполнении». Да мониторам оно, по правилам, и не полагалось.

Внимательно вглядываясь в нагромождение черных кристаллов какого-то замерзшего газа, пролетел над освещенной стороной астероида и, перевалив на теневую, включил бортовой прожектор.

Медленно проплывающая под рейдером поверхность камня в центре освещенного круга казалась относительно ровной, но границу света обрамлял веер иглообразных теней от кристаллов. То есть эта летающая друза кристаллов была абсолютно непригодна для посадки и вряд ли могла вызывать хоть какой-то практический интерес.

Рейдер уже выходил на границу тьмы и света, когда позади, на самом краю освещенного прожектором круга, зажглась маленькая яркая звездочка. Вспыхнула всего на какой-то миг — и тут же пропала!

Он совершил еще один оборот, и снова в том же месте на миг возникла белесая искорка. Тогда Быков стал медленно, по спирали снижать рейдер к этой точке.

Сверху круглый провал среди кристаллов выглядел как обычная воронка от метеорита, и только после того, как рейдер завис над ней в нескольких десятках метров, Быков распознал специально расчищенную небольшую площадку. Хотя вполне может быть, что до расчистки она и была именно метеоритной воронкой... С каждым метром спуска хаос кристаллов рос вверх,

а площадка становилась все менее привлекательной для посадки. Слишком уж она была неровной и какой-то корявой, словно изъеденной каменной оспой. Осторожно и очень медленно, буквально по сантиметрам, он опускал рейдер в каменный колодец.

Вот на пульте вспыхнул красный сигнал касания поверхности... И тотчас ослепительная вспышка залила обзорный экран. Словно сильный электрический разряд ударил по напряженным нервам. «Фу ты, черт!» — воскликнул Быков и перевел остановившееся дыхание. От собственного крика ему стало неловко, и монитор даже непроизвольно оглянулся, словно его кто-то мог услышать.

Он впервые, ввиду исключительных обстоятельств, лично пользовался боевым рейдером, что, в общем-то, мониторам тоже не полагалось. Поэтому и забыл про конструктивную особенность, что при посадке в невесомости на «Катране» автоматически срабатывает сверху импульс-двигатель, прижимающий рейдер к поверхности, а четыре легкоплавких щупа на концах амортизаторов намертво сплавляются с камнем.

Теперь рейдер представлял в буквальном смысле единое целое с астероидом.

В комплекте рейдера были два подгоняемых по размеру десантных «Витязя». Быков выбрал тот, что попроще, — не оборудованный многоцелевыми датчиками и поисковыми системами, ибо был наслышан, что профессионалы многоцелевыми датчиками в скафандрах практически никогда не пользовались: в серьезной ситуации и в настоящем деле за ними просто некогда было следить. Кроме того, их информация функционально выводилась на стекло гермошлема, что значительно ухудшало обзор и отвлекало. Многочисленные же антенны наверху гермошлема и на плечах — это как ветвистые рога для оленя в густых зарослях. Единственным жизненно необходимым считался датчик сверхжесткой радиации — это когда лезли «в пекло». Но и тогда большинство предпочитали менее «навороченный», зато вмонтированный в специальный наручный браслет. Практика показывала, что, как правило, выживал тот, у кого лучше срабатывала интуиция, а не тот, кто был «до зубов» вооружен приборами...

Отыскав, как и ожидал, в одном из ящиков шкафа радиационный браслет, он нацепил его на левую перчатку и внимательно осмотрел себя в зеркале. Порядок: все лючки закрыты, защелки зафиксированы... Главное, чтобы боевой бластер удобно расположился на поясе!

Дождавшись сигнала подтверждения герметичности скафандра, Быков перешел в шлюзовую камеру — и через несколько минут выбрался наружу, где прожекторы освещали по всему периметру площадки величественный каменный хаос.

Внимательно глядя под ноги, он обогнул рейдер. Поднял глаза — и замер от неожиданности: черное, почти правильной прямоугольной формы большое пятно, вне всякого сомнения, являлось туннелем — то есть входом во что-то. Он сделал шаг в его направлении, но потом решил для начала найти тот блестящий предмет.

Пустой зарядный цилиндр аннигилятора он обнаружил на другом краю площадки. Полированный титановый баллон был кем-то туго заклинен в глубокой трещине, частично оплавившейся когда-то от неизвестного жара. Не найдя на нем никаких опознавательных надписей, Быков отнес баллон в шлюз рейдера, после чего направился к черному проему, оказавшемуся входом в большой изогнутый тоннель.

Пройдя по нему с десяток метров, вдруг почувствовал, что теряет устойчивость — слабело действие собственного гравитатора рейдера. Теперь с каждым шагом искусственная сила гравитации падала в геометрической прогрессии и, кроме того, меняла направление.

Быков включил профессиональную память и восстановил нужную страницу инструкции по пользованию «Витязем»:

«...В случае необходимости передвижения по твердой (не пылевидной!) поверхности в невесомости открыть левой рукой лючок на правом предплечье и переключить вверх центральный из трех тумблеров (не забудьте вернуть лючок в первоначальное положение!)...»

После щелчка тумблера ноги перестали «всплывать» — заработала система «геккон», основанная на том, что по капиллярам на подошвы ботинок стала поступать клейкая эмульсия.

Такими ботинками первоначально пользовались ремонтники в невесомости — и потом, до нырка в атмосферу, обшивки космолетов были украшены хорошо заметными пересекающимися цепочками следов.

Быков сразу же понял, почему десантники проходят специальный курс обучения ходьбы в «гекконах»: стоило оторвать ногу от поверхности, как она старалась воспарить на уровень головы, стоило напрячь мышцы, как начиналось балансирование на одной точке опоры, ибо руки стремились повторить траекторию обретшей волю ноги. Эта эквилибристика на одной ноге со стороны выглядела, должно быть, как танец многорукого бога Шивы. И утомляла чрезвычайно...

Туннель был в самом деле впечатляющих размеров и, судя по оплавленному своду, искусственного происхождения. Он явно был выжжен в толще скалы аннигилятором. В дальнем его конце луч наשלемого прожектора высветил «Катран» — точно такой же, на каком прилетел Быков. Подойдя вплотную к чужому рейдеру, Быков разглядел спрятавшийся за ним и отблескивающий обшарпанной титановой оболочкой пассажирский бот давно устаревшей серии «Ковчег».

«Какой же номер был у рейдера Стеллы?» — задал себе вопрос Быков, и память тут же услужливо подсказала: «ДР-17-69».

Маркировка оказалась на противоположном борту. В свете прожектора белые цифры ярко вспыхнули на голубом керамике: «ДР-... 17-...» Он сделал еще несколько шагов и высветил последнюю цифру — «69».

У Быкова разом перехватило дыхание, и рука потянулась к несуществующему вороту рубашки... «Наконец-то нашел! Она здесь, рядом!»

И тут же разглядел, что там, где должен был находиться входной люк, зияла дыра неправильной формы — кто-то поработал лазерным резаком. Этот кто-то, без всякого сомнения, был чужим, потому что кодированный люк открывался автоматически на голос Стеллы или ее стажера.

Через дыру Быков пролез внутрь рейдера. Пусто, как он и ожидал! Сняты аннигилятор, гравитатор и блоки автономного

жизнеобеспечения... Стало ясно, что рейдер беззастенчиво грабили. Рейдер Стеллы грабили!!!

Все дальнейшие действия он выполнял скорее автоматически, в каком-то несвойственном ему полубытии. Обошел «Ковчег» вокруг, отметив, что, хотя тот и выглядит довольно потрепанным, но, похоже, находится в исправном состоянии. Его профессиональный взгляд, независимо от притупленного сознания, автоматически отмечал каждую деталь — искал следы Стеллы.

За «Ковчегом» открылся вход в довольно узкий коридор, так же, как и туннель, вырезанный аннигилятором. Продвигаясь по нему, Быков с удивлением отметил, что координация ног восстанавливается, — и догадался, что где-то неподалеку работает гравитатор. Поэтому, когда обнаружил в конце коридора-лаза шлюзовую люк, то не особенно этому удивился.

А дальше, одно за другим, он нарушил все правила работы «кобзовцев». Либо потому, что привык работать в одиночку, либо призрачный шанс увидеть Стеллу живой на какое-то время вытеснил из головы все инструкции.

Вместо того чтобы вернуться в свой «Катран» и связаться с Управлением, он привычным движением надавил на рычаг декомпрессии шлюзовой камеры — и протиснулся внутрь. Потом включил продувку и, сняв бластер с предохранителя, с силой толкнул входной люк и шагнул внутрь, рассчитывая на свою профессиональную реакцию...

Люк не успел еще полностью распахнуться, как Быкову показалось, что в лицо его метнулось что-то большое и ярко-красное. В следующий миг стало совсем темно, только в правом нижнем углу стекла гермошлема оставался багровый отсвет.

Сильный удар выбил из его руки бластер, и какая-то тяжесть навалилась на плечи и шею, повлекла вперед. Быков рванулся изо всех сил, но последовал удар под колени — и он беспомощно рухнул навзничь.

Он еще пытался сопротивляться, но с каждым движением кто-то невидимый все сильнее стягивал его руки в локтях. Потом крепкие путы спеленали все его тело, окончательно сковав движения. Быков понял, что его попросту связали...

Долго ждать ему не пришлось: кто-то приподнял его голову, щелкнули замки — и стекло гермошлема откинулось. В глаза ударил яркий электрический свет, так что Быков несколько мгновений ничего не мог разглядеть.

Когда глаза наконец привыкли, увидел двоих склонившихся над ним мужчин. Один был в пилотском скафандре со снятым шлемом, другой одет в синий комбинезон, какие обычно выдают строительным рабочим. Рукав комбинезона был испачкан чем-то красным — Быкову показалось, что кровью.

— Кто вы? — спросил он, хотя мог и не задавать этот риторический вопрос, ибо по действиям незнакомцев нетрудно было догадаться, с кем имеет дело.

— Это надо же! — густым басом прогудел тот, что был в комбинезоне. — Пожалуй, это нам надо спрашивать: «Кто Вы, непрошенный гость?» Врывается без приглашения, с бластером в руке...

— Я и так могу ска-азать, кто он та-акой, — растягивая слова, как это делают заики, мужчина в скафандре брезгливо разглядывал свою перчатку, испачканную красной краской. — Прилетел на «Ка-атране», которыми пользуются па-арни из КОБЗа, да и номер той же серии, что и то-от, первый...

— Дружков своих ищешь? — спросил тот, что в комбинезоне. — Считай, что сегодня встретишься... На том свете!

Быков отметил, что говоривший был атлетического телосложения, но даже с такой низкой точки, как пол, ноги его казались непропорционально короткие.

«Коротышка, должно быть? — автоматически отметил он. — Но силы неимоверной».

Осознавая свою полную беспомощность и обреченность, Быков решил молчать и достойно встретить неминуемую смерть.

«Значит, Стелла погибла!» — размышлял монитор. Ведь он уже с неделю подсознательно уверовал в это, но все время заставлял свой внутренний голос молчать. А тут увидел ее рейдер — и перестал что-нибудь соображать. Так глупо попасться простительно было бы для зеленого мальчишки, но не для монитора второго класса...

А может, это и к лучшему, ведь Стеллы больше нет!

Жаль только, что он станет очередным пропавшим без вести на этой проклятой планете! Так глупо проколоться!.. Ну да никто об этом теперь не узнает...

— Согласись, что мы ловко тебя обезоружили? — коротышка самодовольно усмехнулся. — И всего-то с помощью банального краскопульта.

— Да, методы у вас совсем не джентльменские, — согласился Быков.

— Специфика... — протянул заика. — Ты нас просто до-остал: две недели ждали, когда уберешься восвояси с этой планеты. Да-аже представить не можешь, как ты нам надоел! Посидел бы с наше практически вза-аперти!.. А сегодня смотрим — ста-артовал! Честно скажу — обрадовались! Но уж никак не ожидали, что ты на-аправляешься прямехонько к нам...

— Геологи... Это тоже ваша работа? — спросил Быков.

— А чья же еще?! — самодовольно ответил коротышка.

— Чем же они вам помешали? — поинтересовался Быков.

— Лично на-ам — ничем, — отозвался заика, — но после их отлета эту пла-анетку непременно бы присвоила Зе-емля. А у тех, кто нам пла-атит, по поводу ее судьбы другие пла-аны...

— Прилетят другие, — заверил Быков.

— Другие не на-айдут. И эти-то на месторождение на-аткнулись случайно. Мы позаботились, чтобы больше никто не на-ашел...

— А теперь откровенность за откровенность, — обратился к Быкову коротышка. — Как ты нас сумел обнаружить?

— Интуиция помогла, — ответил Быков, решив не упоминать об оставленном кем-то знаке.

Он уже догадался, что это было сделано специально, и пожалел, что убрал цилиндр в рейдер. Возможно, это сделала Стелла сразу после посадки... А вот он, не подумав, уничтожил «опознак»! Вдруг еще кто-нибудь из «кобзовцев» заметил бы его...

— Ха! — коротышка хмыкнул. — У тех двоих тоже сработала интуиция. Вас что, программируют там, в КобЗе, одинаковые мозги вставляют?

— Ну, да ничего, — заверил заика. — У тех отключить интуицию мы на-ашли способ, отключим и тебе...

— Вас все равно обнаружат, — заверил Быков. — Раз нашли убежище мы, найдут и другие!

— Это мы и без тебя знаем, — ответил коротышка. — Но не сегодня, так завтра нас здесь уже не будет. Отсиделись в этой норе, а теперь — домой, на матушку-Землю! Ох, и покутим там от души!..

— Взорвем твой рейдер, — продолжил заика, — и все будет шито-кры-ыто. Как с геологами. Даже ваш хва-аленый КоБЗ не смог докопаться...

— Что вы сделали со Стеллой? — спросил Быков, весь внутренне напрягшись.

— А, это та де-евчонка? Успокойся, они не му-учались! Она просто исчезла, растворилась. Сейчас атомы, из которых они со-о-стояли, плавают в ко-осмосе. Ведь ничто, как утверждает на-аука, не исчезает в на-ашем мире бесследно...

— Как вы могли, она ведь женщина! — Быков просто задохнулся от нахлынувших ярости и ненависти.

— Вот мы и поступили, ка-ак джентельмены... — заика явно издевался. — А вот ты у на-ас помучаешься. Ты ведь этого до-обиваешься?..

То внутреннее напряжение, что уже несколько недель поддерживало Быкова, та боль, что, не затихая ни на секунду, жгла сердце — вдруг разом схлынули. Словно оборвалась и последняя, до предела натянутая звенящая струна. Все разом стало безразличным: к чему эти бесполезные разговоры, к чему задавать вопросы, если его конец ясен и предрешён. К чему вообще жить, если Стеллы больше нет?..

Быков отгородился от всего окружающего и уже не слушал, не вникал в смысл задаваемых ему вопросов. В памяти, как живая, возникла Стелла, и эти последние минуты своей жизни он хотел быть только с нею...

— Ты бы хоть ругался, угрожал, что ли, — приставал коротышка. — А то говорим только мы — получается совсем неинтересная беседа...

— Мы чертовски со-оскучились по человеческой речи, — продолжил заика. — Ну, что тебе стоит немного поругаться на-апоследок?..

«Это не люди, — думал Быков. — Это циничные подонки, заслуживающие только смерть! Пираты двадцать первого века... Во все времена их без суда вздергивали на реях».

— Ну, ты сам виноват, что не хочешь с на-ами водиться! А я еще хотел подарить те-ебе легкую смерть! Но раз ты та-акой гордый...

Быков молчал. Ему было всё равно, что с ним будут делать дальше. Собственное бессилие, невозможность что-нибудь изменить часто рожают апатию. Вот если бы у него был хотя бы малейший шанс! Надежда всегда умирает последней, но мозг профессионала подсказывал ему, что такого шанса не представится...

— Вас троих ведь никто на астероид не звал — летели бы своей дорогой, — поддержал зайку коротышка. — А теперь, сам понимаешь, отпустить тебя мы уже не можем, даже если бы и захотели. И даже оставить в целости твой рейдер и твоё брненное тело...

— Так и не будешь ра-азговаривать? — зайку это, похоже, сильно злило. — Для тебя же хуже! Я тебя, та-акого гордого, не п-просто убью, а получу от про-оцесса несказанное удовольствие. Я помещу тебя в ска-афандре позади нашей колымаги, причем не в са-амом горячем месте. Сначала будешь м-медленно-медленно на-агреваться, потом жариться в со-обственном соку, а потом твои про-опитанные статьями законов по-отроха испарятся. И все время ты будешь не мо-олчать, как сейчас, а дико орать. А мы включим б-ближнюю связь — и будем слушать твои долгие во-опли. Ведь ты живучий, не пра-авда ли? Вон как со-опротивлял...

По оборвавшейся фразе зайки Быков понял: что-то произошло. Лежа на полу, он видел, что взгляды пиратов обратились в сторону шлюзовой камеры. Зайка даже расстегнул кобуру бластера, но доставать его не торопился.

Повернув голову, насколько это было возможно, и скосив глаза, Быков увидел в проеме входного люка человека в скафандре и с бластером в руках.

Вдруг кто-то из пиратов вскрикнул, и Быков увидел, как от скафандра зайки брызнула струйка дыма и пламени — и на его поверхности, в районе левой груди, расплзлось черное

дымящееся пятно. Потом последовало невнятное восклицание коротышки, но Быков не видел, что с тем случилось, потому что мертвый коротышка рухнул прямо на него.

«Кто же это? — думал Быков. — Для базового космолета слишком рано! Может, кто-то из наших пролетал мимо — и обнаружил мой рейдер?»

Однако, когда спаситель, сдернув в сторону тело коротышки, откинул свой шлем, он с удивлением увидел, что мужчина ему совершенно не знаком. И пока тот распутывал стягивающий скафандр монитора кабель, Быков разглядывал его полное лицо с мясистым носом, его крупную голову с большими залысинами. Профессионально отметил, что крупной представительной фигуре незнакомца совершенно не соответствовал бегающий, словно все время что-то отыскивающий взгляд, но решил, что это, должно быть, от не улёгшегося ещё волнения...

— Собственно хотелось бы узнать, кого я только что освободил? — задал наконец вопрос незнакомец.

— Монитор второго класса Вадим Быков.

— Очень, очень рад такому знакомству. А я Бобби Митчелл, инспектор безопасности полетов фирмы «Круизкосмос». Значит, я правильно оценил ситуацию, увидев связанного представителя закона и двух вооруженных головорезов рядом? Но, насколько я знаю, такие скафандры и рейдеры имеют только сотрудники КоБЗа?

— Вы правы, просто я работаю по их заданию.

— А где, кстати, Ваш напарник? Что-то я его не встретил...

— Я один.

— Смотри-ка ты... — разочарованно, как показалось Быкову, произнес Митчелл. — Как-то очень уж неосторожно с Вашей стороны... Ну, что же, как говорится, все хорошо — что хорошо кончается.

— Да, мне крупно повезло, что Вы случайно оказались здесь.

— Боб Митчелл нигде и никогда не появляется случайно. Лечу мимо, вижу безжизненный «Катран» — значит, думаю, что-то случилось. Слегка удивило, конечно, что этим забытым

Богом и людьми камнем заинтересовались «кобзовцы»... Но я в какой-то мере ваш коллега, а коллеги всегда должны помогать друг другу.

— Простите, а как Вы решились стрелять в незнакомых людей? Ведь ситуация могла быть и прямо противоположной.

— Когда двое здоровых громил мучают одного, причем связанного по рукам и ногам, это уже само по себе ни о чем хорошем не говорит. А если еще на этом связанном надет служебный скафандр «Витязь»... Кроме того, у меня ведь не оставалось выбора — они оба схватились за свои бластеры. Вы, монитор, надеюсь, подтвердите это?..

...Они тогда просидели на астероиде четверо суток, предупредив базовый космолет, чтобы тот пока не появлялся на орбите планеты и не спугнул транспорт преступников. Но космолета, который должен был прибыть за пиратами, они так и не дождались. Либо сработало какое-то автоматическое предупреждение, либо...

Только теперь старший монитор Вадим Быков окончательно понял, что Боб Митчелл тогда на астероиде появился не случайно...

* * *

Быков глянул на часы. Официальный рабочий день давно закончился. Спешить ему было некуда, и эти четыре года после смерти Стеллы он жил, по существу, одной только работой. Брался за самые «глухие» дела, напрашивался во всевозможные командировки — все лишь для того, чтобы загрузить себя до крайности. Ночью падал в изнеможении на спасительную кровать и старался думать о чем угодно, только не о Стелле — а иначе так и лежал бы до рассвета без сна. Психологи утверждают, что время лечит, вот только никогда не называют конкретный срок...

Может быть, всё было бы намного проще, если бы он увидел Стеллу мёртвой, а так он все эти годы в глубине души продолжал верить в чудо. Ведь заика сказал тогда, что она не мучилась, а просто исчезла. В этой недосказанности была какая-то тайна, которую знали только те двое.

«А ведь она могла, как этот Свифт, перенестись в пространстве или во времени? — подумал вдруг Быков. — И тогда есть шанс, что она найдет способ вернуться назад!»

От такой неожиданной мысли у него даже ладони вспотели.

«Определённо, эту возможность нельзя полностью исключать, особенно в связи с невероятными перемещениями Свифта, — убеждал он себя. — Подобный эффект вряд ли может быть единичным».

Быков придвинул к себе фотографию Стеллы в рамке и долго-долго смотрел на неё, представляя любимую то на пустынной планете, то на Земле, то в далеком прошлом. И если она сейчас тоже думает о нём, то их мысли должны встретиться. Он пытался нащупать хоть какую-то связь, хоть какой-то импульс — но и пространство, и время не отзывались на его зов, на его мысли. Либо любимой и в самом деле не было в живых, либо она находилась очень и очень далеко...

* * *

Быков шел по присыпанной пушистым снегом аллее, вдыхая особенный аромат наступившей короткой зимы. От влюбленных на белоснежной скамейке остался след, чем-то напоминающий стилизованное изображение сердца. «Счастливые», — подумал про них монитор с легкой завистью.

Он вдруг вспомнил, что давно уже не ходил по настоящему снегу. С тех пор, как климат Земли потеплел, истинную зиму можно было прочувствовать лишь где-нибудь на севере Сибири, а в Европе она длилась всего лишь несколько недель, да и то не каждый год. Вдыхая незнакомо щекочущий ноздри легким морозцем воздух, он вдруг захотел пережить те же чувства, что и тогда со Стеллой в выбеленной первым снегом Исландии. Чтобы не думать о каком-то расследовании и вообще о работе, — а просто радоваться жизни. Тогда это было так просто!

Но едва ему действительно удалось немного отвлечься, как в голову незаметно, исподволь вползла мысль, что во всей этой истории со Свифтом существует некая отправная точка. У него и прежде возникало подобное состояние предчувствия

прозрения, поэтому Быков не торопил сознание, давая ему возможность без спешки проанализировать пока еще неустойчивую цепочку разорванных фактов и сопоставлений...

«Пляж! — осенило его. — Ну, конечно же, старый пляж, где работают археологи! Его невероятное появление связано с пляжем, и перед тем, как появиться на Альме, он зачем-то снова посещал пляж. Случайность? Но две случайности — это уже закономерность! Тем более неизвестно, был ли он там перед появлением на Эшере?..»

Быкова вдруг неудержимо потянуло на этот пляж. Он, конечно же, не рассчитывал прямо сейчас встретить там Свифта, ибо даже предположение подобного находилось где-то в области фантастики — просто имело смысл оценить обстановку: походить по песку, посмотреть на раскопки, подумать...

Он свернул к кабине транспортного диспетчера и вызвал одноместный глаер. Через несколько минут маленькая голубая кабина с легким жужжанием опустилась прямо на дорожку и гостеприимно распахнула дверцы. Быков сел в пневмокресло, переключил управление на ручное — и глаер взмыл к низким дождевым облакам...

Пляж был довольно большим по площади, но сейчас на значительном его пространстве работали землеройные машины. Они осторожно рыхлили белый песок и по толстым гофрированным трубам отсасывали его на многоярусные сита. Просеянный песок перекачивался дальше, в пневмоконтейнеры. Когда работы закончатся — его аккуратно возвратят на место. В центре большого котлована уже явственно проступали мощные прямоугольные формы — полуразрушенная каменная кладка. Похоже, что когда-то она была причалом для морских судов.

Быков медленно шел вдоль края котлована туда, где шумел морской прибой. Иногда он обходил свежесгребенные кучи, и тогда ноги глубоко проваливались во взрыхленный песок, — но он, погруженный в свои мысли, не замечал ни нещадно палящего солнца, ни набившегося в обувь мелкого песка. Наверное, уже был смысл повернуть назад, к глаеру, но словно какой-то неведомый магнит тянул его все дальше и дальше в этом лабиринте отвалов.

Неожиданно за одной из больших куч песка он наткнулся на мужчину. Тот сидел на камне и задумчиво смотрел на работающие в котловане машины, так что даже головы не повернул в сторону подошедшего монитора.

— Интересуетесь раскопками? — спросил Быков.

Незнакомец медленно повернул голову. Из-под низко надвинутой шляпы на Быкова глянули глубоко посаженные усталые и словно бы потухшие глаза...

Монитор даже вздрогнул от неожиданности: тяжеловатый подбородок с ямочкой посередине, прямой нос, резко очерченный рот... Быков так часто и внимательно разглядывал это лицо на фотографии, что просто не мог ошибиться... Сэмюэль Свифт собственной персоной!

Но как же он осунулся, постарел! И его глаза: они не просто усталые, а безразличные ко всему окружающему. Быков мог поклясться, что Свифт даже не рассматривал его — лишь чуть тронул взглядом. И тут же безразлично отвернулся.

— Вы ведь Сэмюэль Свифт, не правда ли?

Снова этот потухший взгляд, и глуховато-безразличный, словно бы надтреснутый голос:

— Кто Вы? Что Вам от меня нужно?

— Я монитор первого класса Вадим Быков.

— Почему Вы меня преследуете, монитор? — устало проговорил Свифт. — Почему меня все время преследуют, словно я преступник? Оставьте меня, наконец, в покое!

— Давайте говорить откровенно. Я занимаюсь потенциально опасными явлениями и людьми, представляющими реальную или потенциальную опасность для человечества. Пока мы не знаем о Вас ничего, Вы попадаете под обе категории.

— Но я не сделал ни малейшего вреда ни одному из людей, живущих в вашем мире, — заговорил Свифт уже более эмоционально. — Все мои грехи в далеком прошлом и Вас не касаются.

— В этом я и должен убедиться! Если Вы действительно не представляете никакой угрозы, Вам нечего бояться, — успокоил Быков. — Ваша откровенность в Ваших же интересах.

— Я все расскажу, — снова равнодушно проговорил Свифт, — но я слишком устал... Если можно, отвезите меня к доктору Йенсону. Ведь Вы наверняка знаете его?

— Да, я знаю Йенсона. Давайте договоримся так: через полчаса он будет здесь, а я пока ни о чем не буду Вас расспрашивать. А вы никуда не исчезаете и идете сейчас со мной до глаера.

Свифт ничего не ответил, только кивнул головой в знак согласия.

Так же молча он поднялся и медленно, донельзя усталой походкой пошел вслед за монитором.

Быков шел специально медленно и не оглядывался. Он и так слышал шаги Свифта, его прерывистое дыхание.

Да, как-то совсем не так он представлял эту встречу! Вся эта погоня за призраком, все гипотезы о хитром и опасном существе, именующем себя Сэмюэлем Свифтом, на деле оказались преследованием донельзя усталого, отчаявшегося человека. В принципе они были в чем-то даже похожи, не потому ли Быков отыскал, в конце концов, его след? Сейчас интуиция подсказывала ему, что тяжело шагающий позади человек ничуть не опасен, а просто глубоко несчастен...

А шагавший позади Сэмюэль Свифт думал не о предстоящем допросе и даже не о идущем впереди мониторе — его усталый мозг практически не воспринимал уже окружающий мир, а мысли были в прошлом, где все легко и ясно. Где он был самим собой — офицером флота Его Величества...

ГЛАВА 5. ФЛИБУСТЬЕРСКОЕ МОРЕ

Кем видит себя в будущем, о какой профессии мечтает человек в детстве? Если скажет, что ученым или бизнесменом, — не верьте, ибо о такой судьбе ребенка мечтают его родители. Это они каждодневно внушают любимому чаду собственную мечту. Если признается, что лётчиком или космонавтом, — это тоже будет неправдой, ибо такую мечту — в воспитательно-патриотических целях, конечно же, — навязывает ему общество через газеты, телевидение, кино. И уж абсолютной ложью будет ответ, что он хочет стать политиком, — поскольку оценить выгоды этой лживой и неблагодарной профессии может только умудренный жизненным опытом и отягощенный неосуществленными амбициями человек.

Но со стопроцентной уверенностью можно утверждать, что большинство мальчишек и немало девочек в детстве видели себя пиратами. Это трудно объяснить, но романтический образ «джентльмена удачи» сформировался вопреки литературе и вопреки истине. И живет до сих пор, недаром кружатся вокруг каждой новогодней елки, взявшись за руки с разноцветными «снежинками» и длинноухими зайцами, одноглазые, увешанные саблями и пистолетами пираты. За этим образом представляется бескрайнее море, ветры странствий, отчаянная храбрость, удача и, конечно же, любовь прекрасных женщин. То, чего в обычной жизни большинству так не хватает...

* * *

Уже седьмые сутки они курсируют на траверсе мыса Тибурон, западнее оконечности острова Эспаньола, и поджи-

дают добычу. За это время на горизонте дважды возникали паруса испанских караванов, которые, проходя мимо, держали под прицелом многочисленных пушек берег острова.

И оба раза маневренной «Глории» приходилось затаиваться за мысом, в крохотной бухточке, узкий вход в которую закрывали скалы. Это было крайне рискованно — барражировать под самым носом у испанцев, на границе Антильского моря, вот и приходилось прятаться. Потому что в одиночку нападать на караван было бы чистейшим безумием.

Капитан линейного корабля четвертого ранга флота Его Величества Сэмюэль Свифт терпеливо поджидал одинокого «испанца», плывущего от берегов Кубы. Он не просто осторожничал: тактика одиночного охотника проста — нападай на более слабого и держись подальше от сильного. Такого же мнения придерживался и капитан барражировавшей далеко в море пиратской шхуны «Дельфин» — только пираты не прятались в скалах, а просто уступали испанским караванам путь.

Прошло уже пять лет, как был подписан договор о мире и союзе Англии с Испанией, но скрытая морская война между ними не прекратилась. И поэтому честлюбивый капитан отнюдь не желал прозябать в каком-нибудь порту. Что греха таить, лавры соплеменника-корсара Джорджа Клиффорда, пожалованного Орденом Подвязки и титулом графа Кемберленского, давно не давали ему покоя. Род Свифтов совсем не богат, да к тому же недостаточно знатен, поэтому настоящую карьеру можно сделать лишь так: рискуя собственной головой. А ещё, как любил повторять отец: «Старость начинается в тот день, когда умирает твоя отвага». До старости капитану, конечно, было далеко, а вот отваги не занимать — он по своей натуре был авантюристом и искателем приключений.

Да, к великому сожалению морского офицера, Англия не вела активных военных действий на море, поэтому взять большой приз можно было только таким вот образом: нападая на «купцов» и превратив военный корабль в полуохотника-полупирата, а сотню человек его экипажа — в корсаров. И уж он, капитан Свифт, непременно возьмет свой приз, даже поступившись в какой-то мере офицерской честью!

Итак, первого сентября тысяча шестьсот тридцать пятого года наблюдатель на скале подал сигнал, что на горизонте возник одинокий парус. Судно шло курсом зюйд-вест, то есть со стороны острова Куба: скорее всего, из порта Сантьяго-де-Куба.

Капитан, поднявшись на скалу, тщательно осмотрел горизонт в подзорную трубу — и не обнаружил паруса «Дельфина». То ли капитан грязной пиратской посуды испугался открытого боя и последующего конфликта с хорошо вооруженной «Глорией», то ли у него на примете было свое укромное местечко среди прибрежных скал.

Ну, что ж, это даже к лучшему — меньше проблем!

А ведь как пират набивался в долю, предлагая ему, офицеру английского флота, напасть совместно и поровну разделить будущий приз. Он считал, что от столь заманчивого предложения невозможно отказаться! Да, капитан Сэмюэль Свифт мог бы поделиться с другим офицером, но не с этим наглым оборванцем, именующим себя «джентльменом удачи» и пытавшимся при этом держаться как равный с равным!

«И этот проходимец, не умеющий даже читать, гордо величает себя корсаром!» — подумал Свифт и, вспомнив, что за бумагу показал ему капитан «Дельфина» в качестве поручительства Карла Первого Стюарта, снова чуть не расхохотался. На грамоте и вправду стояла королевская печать, но написано было, что «подателю сего разрешается охотиться на диких коз».

Капитан сверху любовно окинул взглядом свою «Глорию». Конечно, пиратский «Дельфин» с треугольным бермудским парусом на высокой мачте и с кливером на бушприте достаточно быстроходен, но вооружение его явно слабовато. Во время переговоров он насчитал всего пять маленьких пушек: одна на носу и по две на бортах. Правда, на палубе толпилось добрых полсотни вооруженных бездельников — а это серьезная сила, ведь далеко не все решают пушки, и при абордаже чем больше атакующих, тем лучше...

«В общем, если бы не панический страх «купцов» перед пиратами, — размышлял капитан, — такое судно нельзя считать грозным в боевом отношении. Любой «купец» превосходил их, по крайней мере, в вооружении. И этим оборванным

«джентльменам» действительно без удачи в их нападениях не обойтись! Недаром они настойчиво пытались заключить временный союз...»

Матросы под скалой уже заняли места в лодке, но Свифт не спешил: он не отрывал глаз от подозрительной трубы. Испанское судно шло фордевинд практически прямо на оконечность мыса и приблизилось настолько, что в нем без труда узнавался четырехмачтовый галеон. Судно явно перегружено — это было заметно по тому, что средняя палуба значительно меньше, чем положено, возвышается над водой. Дул свежий норд-вест, значит, «Глория» без труда настигнет галеон, поймав ветер сразу же на выходе из бухты!

Команда с величайшим воодушевлением восприняла сообщение капитана, потому что чем крупнее корабль — тем богаче, как правило, добыча.

На всех палубах зазвучали возбужденные голоса матросов и словно бы весёлые, отрывистые и громкие команды младших офицеров. Готовились пушкарки: подносили из крюйт-камеры к пушкам картузы — полотняные мешки с зарядом, рядом складывали ядра. Матросы вытаскивали на палубу оружейные ящики, укладывали бухтами канаты с привязанными «кошками».

Возбуждение предстоящего боя захлёстывает команду корабля дважды: в начале подготовки к преследованию и уже в последние минуты перед схваткой. Именно в такие моменты уставшие от ожидания люди ненадолго забывают о страхе. А всё остальное время, до того как клинок встретится с клином противника, страх напоминает о себе, делая большинство из них молчаливыми. Люди словно бы экономят физические и душевные силы для этого решающего и самого страшного момента...

Наконец суматоха улеглась, выбраны якоря, часть парусов поднята, и «Глория» медленно двинулась к выходу из бухты.

Капитан Свифт уже невооруженным взглядом пересчитал орудийные порты на борту проплывающего мимо испанца. Орешек оказался неожиданно крепким для «купца»: двадцатипушечный галеон по огневой мощи мало уступал двадцативось-

мипушечной «Глории». Если часть пушек не снята, как это обычно делалось на торговых судах, то оружейная дуэль, где судьбу корабля мог решить один единственный удачный выстрел, была совсем нежелательной. Уповать оставалось на абордаж, и схватка с командой большого корабля может быть отчаянной!

Все эти мысли, все размышления лавиной пронеслось в голове капитана Свифта, но он, отбросив сомнения, скомандовал:

— Готовиться к маневру! Мушкеты на марсы!

Вот волна с силой ударила в форштевень, ветер подхватила фрегат, захлопал парусиной, запел в оснастке. Опытные матросы за считанные минуты обрасопили реи всех парусов — и под напором ветра «Глория» рванулась вслед испанцу. Там сразу поняли их намерения и тоже начали ставить дополнительные паруса — ундер-лисели. На палубе засуетились фигурки матросов — испанцы готовились к бою.

Свифт уже понял, что маневр он выполнил блестяще: быстроходная «Глория», не подставляя бортов испанским орудиям, окажется как раз за кормой галеона, где, как правило, всего одна пушка. А завершая разворот, он уже не сомневался, что легко настигнет перегруженного испанца.

На галеоне тоже поняли, что уйти от погони им не удастся, поэтому стали неуклюже разворачиваться для бортового залпа.

И тут выпалила двадцатичетырехфунтовая пушка «Глории». Со свистом понеслись над водой кнippели — два полуядра, скрепленные куском цепи.

— Прекрасный выстрел, пушкари! — радостно воскликнул Свифт, увидев, как рухнула за борт одна из мачт.

Испанские матросы бросились рубить ее такелаж, но «Глория» подошла уже настолько близко, что матросы с марсов произвели залп из мушкетов. Трое раненых или убитых из числа рубивших упали в воду.

И в тот же миг окуталось дымом орудие на корме галеона: содрогнулась палуба под ногами, вверх полетели расщепленные ядром куски досок, закричал от боли раненый.

«Будет сегодня работа судовому врачу, — подумал Свифт. — Да и священнику наверняка тоже...»

Корма атакуемого судна была уже совсем близко, и нельзя было допустить, чтобы испанцы успели перезарядить пушку. Корабли неумолимо сближались, и краем глаза капитан видел, как выстраиваются вдоль борта его матросы с саблями и пистолетами в руках. На неприятельском судне вдоль борта тоже выстраивались стрелки с аркебузами.

Вот корабли поравнялись, вот полетели абордажные «кошки», вот натянулись канаты, вот на неприятельский борт упали узкие трапы, и вал громко орущих молитвы и проклятия атакующих хлынул на галеон — навстречу выстрелам в упор и разящему железу.

Выватив шпагу, Свифт со второй волной атакующих оказался на неприятельской палубе. Вокруг кипел бой: повсюду возникали короткие, но яростные схватки, палубу уже устлали мертвые тела. Испанцы защищались отчаянно.

Нанося шпагой удары налево и направо, Свифт целенаправленно пробивался на квартердек. Существует главное правило абордажного боя: чтобы быстрее сломить сопротивление команды, нужно в первую очередь захватить или убить капитана. Тот стоял в окружении трех матросов и отдавал приказы.

Вот их разделяет уже несколько шагов. Свифт бросился к капитану, но дорогу ему преградил один из матросов — верзила с широким тесаком в руке, лицо которого пересекал глубокий безобразный шрам. Свифт выпалил из пистолета ему в грудь и тут же нанес смертельный удар шпагой второму противнику. Третьего матроса настигла, по всей видимости, пуля мушкета, потому что он вдруг подпрыгнул и рухнул на палубу, широко раскинув руки. А толстый неповоротливый капитан галеона суетливо выставил свою шпагу и стал размахивать ею, словно палкой.

Свифт, с самого начала решивший взять его живым, легко выбил клинок, а потом ударил по голове рукояткой разряженного пистолета. Оставив неподвижно лежащего толстяка, он бросился вниз по квартердек-трапу — на ют.

Удача в бою порой важнее оружия и всех боевых навыков. Спасло Свифта то, что испачканные в крови подошвы сапог неожиданно соскользнули со ступенек. Он кубарем скатился

вниз — и в тот же миг в доски выше его головы что-то ударило, а лицо обдало едким пороховым дымом. В полутьме Свифт разглядел молодого испанского офицера, стоящего в полуоткрытых дверях каюты с дымящимся пистолетом в руке.

Испанец прикрыл дверь и шагнул навстречу. Их шпаги со звоном скрестились. Капитан Свифт сразу признал в нем достойного, возможно, даже равного противника. Какое-то время своими яростными ударами испанец теснил его. И только ощутив спиной перила трапа и поняв, что дальше отступать некуда, Свифт предпринял отчаянную контратаку. Сделав вид, что он все еще отступает, капитан произвел обманное движение и встречный выпад. Испанец, будто наткнувшись на преграду, замер, выронил свою шпагу и повалился лицом вниз.

Капитан с силой распахнул дверь и, пытаясь хоть что-то разглядеть в полумраке каюты, замер на мгновение.

Он даже не увидел, а просто ощутил возле своей груди, напротив сердца, стальное лезвие. И разгоряченный схваткой, до предела обострившей все чувства и реакцию, все-таки успел перехватить маленькую руку с узким кинжалом. И только потом разглядел наполненные болью и ненавистью прекрасные женские глаза...

* * *

Капитан Сэмюэль Свифт, постучав в дверь каюты, пропустил вперед старика-испанца. В самый последний момент в душе его опять родился страх: вдруг Долорес снова откажется разговаривать. Итак, после почти недельного молчания она лишь вчера впервые удостоила его несколькими короткими ответами. Похоже, её сердце понемногу начинает оттаивать? Пусть пока еще она встречает его презрительным взглядом, пока еще ненавидит его, но, как сказал этот полусумасшедший старик-философ: «Нет ничего более загадочного и непредсказуемого, чем женское сердце».

Глухим от волнения голосом капитан произнес заученное короткое приветствие на испанском языке, а потом на английском — уже изысканное, более подобающее случаю. Старик-

испанец, раскланявшись, начал неторопливо переводить, часто останавливаясь и прикладывая руку к сердцу.

«Что-то уж больно длинно переводит старик мои слова, — думал Свифт нетерпеливо, ибо мысли метались в голове, словно суматошная стая птиц. — Вот Долорес встрепелась. Боже, как она посмотрела! Вот начала что-то говорить: порывисто и гневно. Пусть говорит все, что угодно, он готов слушать даже сердитые, гневные слова, лишь бы не холодное молчание! Что это там переводит этот старик?!»

— ...Не считаю себя обязанной приветствовать пирата, — закончил длинную фразу старик.

— Я не пират, а корсар, — вспыхнул Свифт и уже спокойнее добавил: — Ваше судно захвачено в качестве приза с соизволения Его Величества короля Англии.

— Но Испания не воюет с Англией!

— Поэтому Вы и не являетесь военнопленной. Вы — гостя!

— В гости приходят по своей воле, — сказала Долорес, и глаза её сверкнули. — Если я не военнопленная, то требую немедленно высадить меня на берег! И если Вы действительно не пират, то я против воли не могу служить Вам «призом».

— Сейчас вокруг океан, но при первом же удобном случае все, захваченные на галеоне и выразившие такое желание, будут высажены на берег с их личными вещами, — заверил Свифт и, слушая, как старик переводит, невольно подумал, что его обещание не слишком правдиво, ибо далеко не всегда победители поступают так милостиво с побежденными. Тем не менее уверенно закончил: — В этом даю Вам слово английского офицера. Надеюсь, что Ваши претензии ко мне исчерпаны?

— Все равно Вы убийца! Вы убили ни в чем не повинных людей. Вы убили моего жениха, подданного испанской короны, только за то, что он пытался меня защитить.

— Поверьте, поединок между нами был честным! И мы в равной мере были близки к смерти. Просто удача оказалась на моей стороне, — возразил Свифт и стал слушать перевод, досадуя, что старик очень уж медленно переводит его слова.

— Так знайте, что если мне представится хоть малейшая возможность, я убью Вас! — гневно воскликнула Долорес.

Слова прозвучали словно выстрел. И уходя, до самой двери каюты капитан ощущал на спине ненавидящий взгляд девушки...

* * *

Море... Это понятие всегда подразумевает и окружающую его сушу: благодатную или наполненную опасностями, но незыблемую и спасительную. А главное, довольно быстро достижимую. Другое дело океан. Он, в отличие от моря, безбрежен и беспощаден. Когда ураган вздымает гигантские волны и швыряет корабль, словно крохотную щепку, твоя жизнь и все ценности её не стоят даже цента. И тогда вся команда, даже отъявленные безбожники, вспоминают полузабытые молитвы и просят помощи и спасения у незримого Создателя. И приносят клятвы веры в него и клятвы будущего своего благочестия. Чтобы потом снова забыть о них до следующего шторма...

Моряки — это люди, заболевшие океаном и уже не представляющие свою жизнь вне его. И если во время плавания они почти каждую ночь видят себя на берегу, то, оказавшись на суше, в своих снах видят только море и свой корабль. И чем дольше они на берегу, тем ярче становятся повторяющиеся сны. Так что, даже проснувшись, они ещё несколько мгновений ощущают в носу сладкий запах свежего бриза, а в ушах — ритмичный плеск волн о борт корабля. И моряка, волею судьбы отлученного от океана, эти повторяющиеся сны могут в конце концов свести с ума...

Моряки утверждают, что женщина на корабле — плохая примета. В этом есть свои причины. Первая состоит в том, что морское плавание предполагает мало развлечений: всё та же бескрайняя вода вокруг, всё та же тесная палуба, всё те же скучные вахты и всё та же скудная пища. А уж про спальный гамак в провонявшем смолой и пороховой гарью трюме лучше вообще не вспоминать. И женщина, естественно, словно магнит, притягивает взгляды истосковавшихся по ласке мужчин. Тут недолго и с реи сорваться...

Для женщины же все корабельные неудобства увеличиваются на порядок: ни помыться нормально, ни в отхожее место

спокойно сходить, ни кулинарными деликатесами насладиться. Приходится либо днями сидеть в крохотной каюте, либо устроиться с сопровождающей её служанкой где-нибудь на верхней палубе и изо дня в день созерцать всё те же волны. Тут уж позавидуешь даже дрящим палубу матросам или марсовым на мачтах...

Но всё же приходится иногда и женщинам совершать морские путешествия, недаром великий Помпей сказал: «Странствовать по морю необходимо; жить не так уж необходимо».

* * *

Уже неделя прошла, как Свифт и часть его матросов перешли на «испанца». Целые дни капитан проводил на палубе. Из-за отсутствия мачты, а больше из-за нарочитой нерасторопности испанских матросов, которых в связи с нехваткой людей пришлось использовать в качестве марсовых, галеон шел значительно медленнее «Глории». Испанцев можно было понять: они все еще надеялись на встречу со своими военными кораблями. Такая вероятность существовала, тем не менее пришлось спустить часть парусов и на идущей впереди «Глории».

Вряд ли кто из его команды догадывался, что капитан Свифт был даже рад этому медлительному плаванью. Будь его воля, он бы вообще приказал опустить все паруса, чтобы долго-долго дрейфовать посреди безмятежно-спокойного океана. Он и на плененное судно перешел специально для того, чтобы каждый день видеть Долорес.

В каюту девушки капитан приходил обычно вечером, и всегда в сопровождении старика-переводчика: чтобы Долорес чувствовала себя спокойнее в присутствии соплеменника. Это был очень странный старик, но достаточно хорошо знавший английский язык. Можно даже сказать, что испанец был не в своем уме, но в беседах с ним Свифт с удовольствием проводил время. Может, потому, что старик много повидал за свою жизнь, а скорее всего, из-за того, что он был испанцем, как и Долорес, — и в отличие от него, Свифта, мог свободно и беспрепятственно беседовать с девушкой в любое время.

Однажды за разговором Свифт откровенно спросил старика, не питает ли тот ненависти к нему — англичанину? На что испанец ответил: «Философия, которую я изучаю, выше отношений не только двух человек, но и целых государств». А еще он как-то сказал: «Самая большая на свете честь, это любовь прекрасной женщины. Перед этой любовью все золото мира не дороже обычной пыли и годится только на то, чтобы купить маленький остров, на котором эта женщина будет королевой, а ты ее коленопреклоненным подданным».

Замечательные слова! Только что может понимать в любви старик, который сам давно уже не способен к ней? Хотя говорит он и очень красиво, но в речах своих часто противоречит себе же. И еще очень длинно, просто бесконечно длинно переводит его слова, обращенные к Долорес...

Так же незаметно минула ещё неделя нахождения Свифта на галеоне. Долорес как будто понемногу стала привыкать к нему — во всяком случае, глаза ее все реже вспыхивали ненавистью. И это хороший знак! А может, ему это только кажется? В мечтах капитану виделось многое, и он уже просто не мог представить свою жизнь без этих вечерних бесед, пусть даже и в присутствии старика-переводчика. Он не мог представить и свое будущее без этих каждодневных встреч: когда он ловит каждый вздох, каждое движение губ Долорес, вдыхает окружающие ее запахи и трепетно прикасается к вещам, которые трогала она.

Эти две недели были длинными, как половина прожитой им жизни, и в то же время короткими, как один миг. И ему уже стало казаться, что он знает Долорес давным-давно, что она всегда присутствовала в его жизни...

Но кто ненавидел его день ото дня всё больше, так это Фернанда — служанка Долорес. Угрюмая, мужчиноподобная, она в любой миг готова была вцепиться в Свифта, словно разъярённая пантера. Капитан прекрасно понимал, что именно она настраивает хозяйку против него, потому что часто ловил на себе тяжелый, ненавидящий взгляд. Даже когда Долорес просила служанку выйти из каюты, она наверняка просто подслушивала за дверью.

Пытаясь завоевать расположение женщин, Свифт как-то предложил:

— Сеньориты, если вы хотите искупаться, я прикажу только для вас опустить за борт парус? Заверяю, что на палубе не будет любопытных!

Он видел, что Долорес заколебалась, но Фернанда ответила резко:

— Мы не нуждаемся!

Капитан понимал, что если одна женщина — это бастион, то две — уже неприступная крепость...

Любовь меняет человека, и он вдруг как бы заново открывает себя. Глупый умнеет, жестокий становится добрее, а душа раскрывается, словно бутон цветка — являясь миру и окружающим такой, какой её создал Господь. Человек вдруг осознает, что нет в мире ничего, что по ценности может сравниться с Любовью. Поняв это, влюбленный мечтает начать жить по-новому: по законам доброты, бескорыстия и любви к ближнему. И нужно-то для этого начала совсем немного: ласковое слово для души и любящий взгляд для сердца...

Сидя перед Долорес в ее каюте, капитан впитывал каждое испанское слово, и порой ему казалось, что он все уже понимает и без переводчика. Зачем ему медлительный старик, если он считывает ее слова не на слух, а по движению губ, если он улавливает их смысл по изменяющемуся цвету глаз, а ее настроение — по легкому движению рук и даже по колыханию темной прядки волос возле маленького уха... Даже нарочито опустив веки, чтобы не смущать Долорес пристальным взглядом, по одному лишь тембру ее голоса он знал, что вот сейчас она поправит эту свою непослушную прядку, а сейчас сплетет тонкие пальцы рук...

Что стоит вся его карьера, все богатство и знатность рода по сравнению с легким прикосновением этих нежных пальцев? Он, не задумываясь, отдал бы причитающуюся ему немалую часть приза за одно лишь мимолетное прикосновение этих губ! Ведь хотя она и считает себя пленницей, но на самом деле пленник на этом галеоне он. И он давно бы взял курс на ближайший берег и отпустил пленных испанцев на все четыре стороны без

всяческих условий, — но тогда уйдет из его жизни и Долорес. Вот и приходится тянуть время, все еще надеясь на что-то: может быть, на фортуна, которая до сих пор была благосклонна к Сэмюэлю Свифту...

* * *

Капитан не стал объяснять команде, зачем они пристали к берегу в этом маленьком французском порту Брест, когда до родного берега осталось совсем близко. Пусть думают, что для пополнения запасов воды и провизии, а еще для того, чтобы высадить испанцев. Истинная же его цель была в другом: именно сегодня он скажет Долорес все и предложит ей навсегда стать его королевой. Главное, что в этом нейтральном порту они будут разговаривать на равных, ведь она уже не будет считать себя пленницей. Её вещи, как и вещи других испанцев, еще до полудня перевезены на берег в маленькую неприглядную гостиницу, но лучшей поблизости просто нет. И главное, что отсюда они без проблем смогут добраться на одном из заходящих кораблей в свою Испанию — ведь зачастую пленников высаживают просто на пустынном берегу какого-нибудь острова.

«Старик при всей своей рассеянности не забыл, наверное, передать Долорес, что капитан флота Его Величества, потомок достаточно знатного рода Сэмюэль Свифт придет вечером в гостиницу, чтобы сказать ей нечто важное. Старик умеет красиво говорить... — рассуждал капитан. — Как там было сказано в надписи на стенах храма разрушенной Помпеи, о которой упоминал этот философ? Кажется, так: «Если ты мужчина, если знаешь, что такое любовь, пожалей меня — не говори нет!» Да, именно так он и обратится к Долорес. Если ты женщина и знаешь, что такое любовь, не убивай меня — не говори нет!..»

Пора... Свифт одернул мундир и по шаткому трапу сошел на причал, сложенный из блоков серого камня. В обе стороны от причала простирался частично затопляемый во время прилива, а сейчас широкий и пустынный пляж, отделявший крохотный городок от моря. На морской берег, на портовый город и на старинную крепость вдалеке опускались сумерки, поэтому капитана сопровождал матрос с незажженным пока факелом.

По дороге, ведущей от причала, они подошли к гостинице, в некоторых окнах которой уже горел свет.

Всю дорогу какое-то смутное чувство покалывало сердце капитана, а теперь, возле дверей гостиницы, оно неожиданно сдавило его невидимым обручем. Он, Сэмюэль Свифт, словно бы видел себя одновременно и в настоящем, и в будущем времени. Здесь, за этими дверями, ожидала его встреча с мечтой, а там, в другом мире, другая черноволосая девушка, внешне похожая на Долорес, вглядывалась в него печальными глазами, словно предчувствуя то ли не очень скорую встречу, то ли, наоборот, долгую разлуку...

— Возможно, я не вернусь на корабль, — неожиданно сказал он сопровождавшему матросу. — Но что бы ни случилось, никто из испанцев не должен пострадать. Передай моему помощнику этот приказ!

Зачем он это сказал, Свифт вряд ли смог бы объяснить. Но он сейчас и не думал об этом, потому что в душе его жило радостное предощущение чего-то необыкновенного. Он глубоко вздохнул — и шагнул навстречу судьбе.

Долорес порывисто поднялась ему навстречу. Кроме нее, в гостиничной комнате никого не было. Замерев, Свифт словно впервые разглядывал бледное, но прекрасное ее лицо и огромные печальные глаза. Забыв все заранее приготовленные красивые слова, он снял шляпу и проговорил по-испански:

— Я, Сэмюэль Свифт, предлагаю Вам, сеньорита, стать моей женой.

Он не был вполне уверен, что фраза прозвучала правильно, но несколько не сомневался, что Долорес должна ее понять. И когда нужные слова были произнесены, он потерял не только волю, но даже способность слышать и мыслить. Просто застыл, прижав к груди шляпу. Да ему сейчас и не нужен был слух: ответ он смог бы прочитать по движению губ, по взгляду, по жесту еще раньше, чем в произнесенных ею испанских словах.

Долорес молчала, но Свифту почудилось, что в глазах ее мелькнуло сострадание. А потом губы Долорес дрогнули то ли в полуулыбке, то ли в гримасе готового сорваться с них плача. Она торопливо сунула свою руку под лежащую рядом подушку —

и капитан увидел перед лицом дуло нацеленного на него пистолета...

Он, пожалуй, успел бы уклониться, но неведомая сила, исходящая из этих черных и прекрасных глаз, еще больше сковала его волю и разум. Казалось, и Долорес, и стены этой комнаты растворяются в воздухе, расплываются и, раздвигаясь в ширину и высоту, превращаются в волны безбрежного океана. Вот одна из волн набежала, вздыбилась над ним — и с грохотом обрушилась на голову...

ГЛАВА 6. ЧЕЛОВЕК ИЗ ЧУЖОГО ВРЕМЕНИ

Человек, родившись, каждой клеточкой плоти радуется жизни, как и всё живое вокруг: животные и насекомые, птицы и рыбы, деревья и цветы. И душа, данная ему свыше, тоже радуется возрождению к новой жизни. Но не сразу находят они понимание, поскольку человек живёт пищей и недугами, а душа — красотой и любовью. Труден путь их соединения, и с кем-то душа сливается рано, а с кем-то — только в последний миг перед смертью, чтобы попрощаться и сразу же покинуть временную обитель свою. О таком человеке говорят потом, что и при жизни он был бездушным...

Но как тело человеческое, которое, взрослея и старясь, с годами сильнее ощущает идущую изнутри боль, так и единая с ним душа, выходя за грань тела-кокона, начинает остро чувствовать боль чужую. И тогда у человека открывается великий дар: он начинает правильно видеть и понимать не только прошлое, но и будущее...

Божественное пламя плотно, но искры Божьи летят и летят во Вселенной. И все мы мечены этими искрами, но не в каждом они разгораются в пламя.

* * *

Монитор первого класса Вадим Быков впервые в своей многолетней практике сталкивался с подобным случаем: после всесторонних обследований и вопреки ожиданиям психоаналитики не обнаружили у Сэмюэля Свифта абсолютно никаких нарушений информ-логических связей. И вместе с тем все, что касалось его прошлого, рассказанное самим Свифтом, воспринималось как несомненный бред душевнобольного.

Однако в процессе уже второй беседы монитор поймал себя на мысли, что и он сам, вопреки профессиональному опыту и здравому смыслу, временами начинает верить не только в искренность Свифта, но и во всю невероятную историю его жизни — настолько логично в повествование укладывались все происшествия последних месяцев, настолько убедительно соединялось рассказываемое в неразрывную, объясняющую все фантастические коллизии схему.

«Хотя, — пытался он себя образумить, — писатели ведь тоже выдумывают достаточно убедительные сюжеты и жизнеописания, заставляющие множество читателей поверить. А ещё чаще встречаются и просто превосходные, способные в чем угодно убедить рассказчики. Так, например, повествование о романтической любви к Валерии и о создавшемся любовном треугольнике, рассказанное Стасом Полонским, потрясло его, монитора, до глубины души своей трагической развязкой. А ведь Стас наверняка многое заведомо приукрасил...»

Временами у Быкова возникало и другое, до конца не оформившееся, но тем не менее навязчивое чувство, будто Свифт, осознанно или неосознанно, зондирует окружающих людей эхом своей то ли выдуманной, то ли болезненно-бредовой — и тогда в принципе не решаемой проблемы. Словно он не может самостоятельно найти выход из некоего жизненного тупика, из своей непонятной психологической перегрузки — и перекладывает решение задачи сначала на плечи Валерии, потом, по-видимому, на Хенкина, на того же Йенсона, а теперь и на него, Быкова?..

Профессор Йенсон тем временем старательно оберегал своего пациента от любых расспросов, ссылаясь на его крайне подавленное состояние и на то, что лечащий врач при необходимости сможет сделать это гораздо лучше. Поначалу профессор отказывался предоставлять для ознакомления даже записи его лечебно-психологических сеансов с пациентом, ссылаясь на врачебную этику, — пришлось настойчиво вмешаться руководству КоБЗа. Так что пока Быкову доводилось «общаться» со Свифтом не лично, а через довольно несговорчивого посредника.

Судя по записям, порой Свифт сразу замыкался, и разговорить его профессору в этот день так и не удавалось. Иногда же их беседа протекала в довольно непринужденной форме, скорее, даже в виде некоего философского спора. И что греха таить, тогда Быков узнавал

много для себя интересного о так называемом Сэмюэле Свифте, чего элементарный допрос заведомо бы не дал. Как, например, во время второй беседы, когда Йенсон пытался прояснить для себя главную причину, породившую нервное перенапряжение пациента...

Быков включил запись того разговора, чтобы оценить ее уже с учетом прослушанных последующих бесед.

— ...Может, Вас, Сэм, смущает какое-то отличие от окружающих людей, как вы говорите, нашего времени? Но поверьте мне, разнообразие человеческих типов и характеров допускает отклонения в очень широких пределах, за которые, уверяю Вас, Вы не выходите.

— Валерия однажды сказала (произнес Свифт как-то задумчиво), что о ценности человеческой жизни много говорят, но в современном общественном устройстве все люди легко взаимозаменяемы. Как одинаковые пуговицы на комбинезоне...

— У Вас, Сэмюэль, сильно истощена нервная система. Вас что-то угнетает?

— Просто я убедился, что в будущем или в вашем настоящем — я уже не знаю, как и говорить — я практически бесполезен. Произошло какое-то недоразумение, которое, хочешь не хочешь, мне приходится терпеливо сносить...

— Поверьте мне, Сэмюэль, Вы всё усугубляете.

— Я прихожу к убеждению, что такое желанное появление в моем прошлом постепенно утрачивает смысл (продолжал Свифт, будто не слыша профессора), потому что я успел утратить многие полезные качества, взамен которых якобы приобрел знания. Но в моем времени подавляющая часть этих знаний попросту бесполезна!

— Знания не могут быть бесполезным багажом.

— Вы так считаете? Попробуйте-ка, док, даже хорошо зная технологии, перенести ту же электроэнергию со всеми запитанными от неё современными приборами в мой семнадцатый век. Попробовали представить?.. Согласитесь, что одних только Ваших знаний недостаточно, нужна ещё и определенная техническая база? Так что в моем времени нужны не бесполезные знания, а нужен именно я. Потому что там я значу то, что значу!

— В этом, пожалуй, я могу с Вами согласиться, Сэм. Но, скажите, существуют ли какие-то обстоятельства или предпосылки, дающие Вам надежду на возвращение в ваше время?

— Думаю, что да! Ведь здесь я случайность, недоразумение. И тот же случай наверняка ищет возможность исправить свою ошибку...

— Случай — он и есть случай...

— Я имел в виду Бога, но Вы, док, насколько я понимаю, не очень-то в него верите? Поэтому я и называю это случаем...

— Да, множество людей решили, что Бога нет, но ведь их решение для Бога необязательно, не так ли?

— Вы очень хорошо сказали, док...

— Простите, Сэм, вот Вы постоянно носите нательный крест. Причём очень оригинальный...

— Этот крест — давняя реликвия рода Свифтов. Он переходит по наследству от матери к старшему ребёнку: дочери или сыну. Потом я должен буду передать его своей жене. Считается, что род в этом случае не прервётся!

— Значит, Вы глубоко верующий человек?

— Глубоко или не глубоко верить... Каким образом, док, следует оценивать эту глубину? Можно ведь часами молиться, а потом выйти из костёла — и продолжать грешить. Даже не понимая, насколько твои поступки греховны...

— Но Вы так и не ответили, Сэм. Вы верите в Бога?

— Да, я верю во власть Всевышнего. Как и любой из моряков! В океане ведь приходится полагаться только на свои силы и на Его покровительство. Удача моряка — это и есть Бог!

— Значит, вы всегда соизмеряете свои поступки с Его заповедями?

— К великому сожалению, док, далеко не всегда. Чтобы слышать Его заповеди, нужно, наверное, прожить жизнь или хотя бы половину её. Ведь вера, как и мудрость, приходит с опытом.

— Но Вы, наверное, раскаиваетесь в совершённых грехах?

— Думаю, что далеко не во всех! В душе я надеюсь, что Бог оценивает поступки каждого из нас совсем не так, как утверждают святоши.

— А если ошибаетесь Вы, Сэм, а не они?

— Я думаю, что каждый человек сам должен пройти через темноту заблуждений и грехов. И жить дальше, уже опираясь на собственные убеждения, а не на чужие проповеди.

— Значит, по Вашему получается, что даже самый большой грешник заслуживает прощения Бога?

— Я надеюсь на это. Потому что путь души грешника к Богу намного длиннее и труднее. Это как в жизни: за мелкие преступления угодишь в тюрьму, а за великие — войдёшь в историю...

Быков выключил запись, чтобы еще раз проанализировать сказанное. То, что Свифт не элементарный кретин, — сомнения не вызывало. А вот как насчет душевного заболевания?.. Сколько сумасшедших гениев не смогли справиться как со своей гениальностью, так и с окружающими обстоятельствами — и окончили дни в психлечебницах. Анализируя их судьбы, можно придти к убеждению, что гениальность и непонимание окружающих неразделимы. Если допустить, что Свифт — один из таких гениев, то необходимо выяснить: сознательно он преодолел пространство и время или же и в самом деле является жертвой некой роковой случайности?..

* * *

В другой раз, уже по настоятельной просьбе Быкова, профессор завел разговор о «профессии» Свифта.

— ...Ведь пиратство — это разбой на море, и пиратов просто вешали на рее.

— Корсар — это не пират! (Горячо и, видимо, возмущенно возразил Свифт). — Корсар получал жалованную грамоту от своего государя, официально разрешающую ему захватывать торговые суда противника. Это не грабеж, а каперство — нанесение ущерба морской торговле враждующей стороны. Пассажиры судна при этом обычно не страдали.

— Не вижу особой разницы, чем каперство отличается от грабежа!

— Вы, доктор, возможно, не знаете, что Испания тогда первой начала этот грабеж, причём в государственном масштабе. Целые флотилии её галеонов пересекали Атлантический океан, везя в трюмах сокровища Нового Света, без которых развращенная богатством страна уже не могла существовать.

— Ну, положим, о конкистадорах я кое-что читал...

— И еще Вы не знаете, что, по законам Испании, всякий корабль, идущий не под испанским флагом, на всем пространстве Антильского моря величался пиратским, то есть ставился

вне закона. По какому праву они присвоили себе целое море, объявив, по существу, войну всем и, в первую очередь, Англии?

— Но отняв добычу, грабителем как бы становилась уже Англия?

— Кто отбирает краденое, тот разве вор? Испанцы силой отобрали это золото у индейцев-ацтеков, пролив реки крови.

— Но у Вас лично тоже была некая материальная заинтересованность?

— Да, я срезал золотые пуговицы с капитанского камзола, — но ведь это моя законная добыча. Я служил Англии и королю, только по-своему — и за это получал условленную плату. Сам захваченный корабль тоже принадлежал лично мне, и я мог делать с ним все, что пожелаю.

— Нет, я имел в виду сам смысл каперства. Это не Вы грабили испанцев, а Англия грабила Испанию, оправдываясь при этом государственными интересами.

— Если бы это было так. Сейчас-то я понимаю, что сокровища шли вовсе не на пользу моего Отечества, и на них наживались, в первую очередь, королевские чиновники. Они не рисковали абсолютно ничем, кроме, быть может, доброго имени, и жили при этом в ослепительной роскоши.

— Я, помнится, тоже читал об этом в книгах...

— Почему-то многие ссылаются не на собственное мнение, а на книги, которые чаще всего пишутся в угоду кому-то... Скажите, док, зачем, кроме медицинских, Вы читаете книги по философии, а тем более по истории? Что Вам может дать в вашей профессии история?

— Ну, знаете ли... (Профессор явно растерялся).

— Какой смысл Вам тратить на это время и копаться в прошлом, где, по сравнению с настоящим, можно сказать, один лишь мрак и хаос?..

— На это трудно ответить однозначно, но я, честно говоря, рад, что Вы, Сэм, задали такой вопрос. Это значит, что подосознательно Вы об этом тоже думаете! История развития человечества — это хроника его духовного совершенствования, но путь совершенствования сложен и извилист. Так что для того, чтобы не совершать повторных ошибок, оказывается, нужно знать историю...

— То есть дураки учатся на своих ошибках, а умные — на чужих? Именно так, помнится, сказал кто-то из древних философов...

— Но я скажу Вам, что даже опыт — это не главное! Те же древние говорили: «Книга — это аптека души». Поверьте, она может излечить от любой болезни.

— Мне трудно, док, состязаться с Вами во многих вопросах... Наши познания во всём, кроме моря, невозможно даже сравнивать! К тому же, к великому моему сожалению, я читал непроститительно мало. Одно время я даже считал, что литература — это самоутверждение слабых телом.

— А теперь Вы думаете иначе?

— Только здесь у меня открылись глаза, что смысл развития человечества в том, чтобы каждое последующее поколение становилось не просто более сильным — а более лучшим звеном. Жаль, что многие века люди недопонимали это и заботу о детях сводили лишь к заботе о благополучии собственного потомства, как это делают животные. Получается, что каждый жил сам для себя, в лучшем случае для своей семьи.

— Вы, Сэм, упрекаете меня в увлечении философией, а сами, будучи моряком, тоже постепенно становитесь философом.

— Путешествие делает умных умнее, а глупых глупее, — было слышно, как Свифт усмехнулся. — Это морская поговорка. Просто раньше в своих мыслях я находился как бы в своем крохотном мирке, а теперь увидел мир в масштабах целого человечества. Поэтому и задумался: кто я здесь?.. Ведь тут все сделают и без моей скромной персоны!

— Возможно, Ваши проблемы, Сэм, в том, что Вы пытаетесь отстраниться от происходящих событий, отгородиться от окружающих людей? Поверьте, так жить невозможно!

— А когда я понял, сколько полезного мог бы совершить, очутившись снова в моем времени, — Сэм продолжал, будто не услышал профессора, — то даже дух захватило! Ведь я увидел другой масштаб измерения человеческой жизни, разглядел другие горизонты... Я как будто оттолкнулся от неба!

Быков выключил запись, поймав себя на мысли, что отвечает Йенсону синхронно с Сэмом. Да, пусть и несколькими словами, но он так же отвечал бы на вопросы профессора. Они очень

похожи с этим странным Свифтом, а это значит, что у них схожи мировоззрение и логика. А это, в свою очередь, означает, что в определенных обстоятельствах были бы схожи и поступки!

В своей практике монитор всего несколько раз встречался с людьми, настолько похожими на него самого. В общении с ними он часто заранее знал, что те ответят на его вопросы, какие аргументы приведут в оправдание. И отрадно, что ни один из них не оказался преступником, а был просто подозреваемым, случайно попавшим в сферу внимания КоБЗа.

Быков усмехнулся своим неподконтрольным мыслям и включил запись вчерашней беседы.

— ...Сэм, мне кажется, что желание во что бы то ни стало возвратиться в свое время как бы надело шоры на Ваши глаза. Вы накручиваете себя, как стальную пружину, и если так будет продолжаться — Ваша нервная система просто не выдержит, и пружина лопнет! Вы не находите, что эта попытка бегства от самого себя бессмысленна и бесперспективна?

— Нет, док, это не бегство — это честное отступление. Древние римляне казнили не тех, кто отступал, а тех, кто после команды отступить продолжал драться. И я сам себе сыграл сигнал отступления.

— Но истинный путь мужчины — это наступление, а не отступление. Вы сдаетесь своей усталости, своей слабости...

— Сдаться самому себе не означает покориться врагу. И биться головой о глухую стену — это вовсе не достоинство, а элементарная глупость!

— Ладно, не будем затрагивать эту тему! Если Вам не трудно, ответьте, Сэм, почему Вас постоянно влечет на этот злополучный пляж? Вчера вечером Вас опять видели там...

— Не знаю, док. Там мне как будто легче дышится. Там как бы ближе и Долорес, и моя далекая родина... Что, я опять, по-вашему, говорю ерунду? (Сэм, видимо, поймал пристальный взгляд Йенсона.)

— Нет, почему же. Просто я в каком-то познавательном справочнике читал, что сейчас мы дышим воздухом, в каждом кубометре которого присутствует несколько молекул, которые вдыхал Джордано Бруно еще в шестнадцатом веке. Эти молекулы давно уже распределились по всей Земле.

— А, это тот итальянский философ-пантеист и, кажется, поэт, которого сожгли в Риме отцы-инквизиторы?.. Так, может быть, на пляже мне дышится легче как раз потому, что туда вместе со мной попали частицы воздуха моего времени и не успели еще далеко разлететься? Скажите, док, может, именно поэтому?

— Я не думал, что Вы воспримете мои слова настолько буквально. Пожалуй, Вам не стоит обольщаться по этому поводу, ведь это просто некий сравнительный образ...

— Ну, Вы тоже не воспринимайте мои слова буквально, просто я иногда цепляюсь за самую тоненькую ниточку. Каждое последующее перемещение с планеты на планету давалось мне тяжелее предыдущего, и я, как однажды сказала Валерия, каждый раз старел душой. Оказывается, это очень тяжело — стремительно стареть душой, когда многие привычные вещи просто перестают тебя радовать...

— Если Вы, Сэмюэль, не будете сопротивляться, я смогу вернуть Вам яркость восприятия жизни. Ведь Вы еще так молоды...

— Хорошо бы, а то, как говорил мой отец, утонуть возле самого берега — это значит умереть дважды...

Электронный диспетчер сообщил, что получена очередная запись от профессора Йенсона. Быков включил её для прослушивания.

Одно место в этой беседе монитора особенно заинтересовало. Тем более что инициатором оказался сам Сэм.

— ...Доктор, простите меня за то, что я не всё Вам рассказал, но я не хотел впутывать сюда женщину, тем более что её уже нет в живых.

— Кого Вы имеете в виду?

— Это Валерия подарила мне надежду на возвращение. Ещё тогда, в госпитале. И я ей единственной доверился полностью.

— Ну, так расскажите теперь и мне, если это не тайна!

— Она сама предложила и попыталась найти упоминание обо мне в компьютерной сети.

— Ну и что? Я тоже пытался, и уверяю, что о Вас, Сэм, там нет никаких упоминаний.

— Я знаю. Но Валерия нашла моего однофамильца — писателя Джонатана Свифта.

— Знаете ли, Сэм, моих однофамильцев в сети можно найти не один десяток. Но вряд ли кто из них является моим близким родственником, тем более там, в Средневековье.

— Но на картине, где они изображены вместе с женой, на её груди этот крест, который сейчас на мне. Этот крест, как я уже говорил, семейная реликвия рода Свифтов...

— Извините, Сэм, но этот крест мог быть не единственным! Ювелиры, знаете ли, любят копировать наиболее удачные изделия. Его могли заказать, в конце концов, ваши родственники в память о Вас...

— Вот именно. Я тоже сначала так подумал. Но тут слишком уж много совпадений. По возрасту он вполне может быть моим внуком. Кроме того, я единственный ребёнок в семье, то есть являюсь единственным продолжателем рода Свифтов. А два таких совпадения — это уже закономерность...

— Знаете, Сэм, при желании любые случайности можно вписать в систему!

— Но он писал, что большинство морских сюжетов позаимствовал из рассказов своего деда — морского офицера. То есть из моих рассказов.

— Англия — морская держава. В ней было много морских офицеров...

— Но не с фамилией Свифт! А ещё то, что он женился на ирландке...

— А что, женитьба на ирландке — это нонсенс?

— Я не знаю, что такое нонсенс, но в моё время англичанин мог жениться на ирландке только в исключительном случае. Его бы просто осудило общество. Но если бы я женился на испанке — то после такого в моём роду было бы возможно всё. И тогда мой внук мог это сделать запросто...

— Вы сами-то, Сэм, читали Джонатана Свифта?

— К сожалению, не успел! Если можно, найдите мне что-нибудь из его произведений...

* * *

Быков раз за разом анализировал эти беседы: и по отдельности, и вместе — в общей связи. И каждый раз перед ним вставала

одна и та же дилемма: то ли признавать Сэма душевнобольным, а его рассказы — бредом, то ли безоговорочно поверить ему и попытаться как-то помочь.

Но как можно верить в такое, чего в принципе не должно быть?!

С другой стороны, как не поверить, если при попытках поставить себя на место Сэма, он, монитор, находил железную логику во всех его действиях.

Да, как ни парадоксально, он находил все больше и больше общего между ним и Сэмом! И потеря любимых женщин, и чувство душевной усталости, и даже ощущение нахождения в чуждом времени. Ведь у него тоже возникает порой подобное чувство...

...Родителей Быков не помнил: они погибли, когда ему было совсем еще мало лет. Воспитывала его бабушка, которая одиноко жила в небольшом деревянном коттедже неподалеку от лесного озера. Рядом находился учебный аэродром, и невысоко над их коттеджем пролетали то маленькие юркие самолеты, то яркие и медлительные дельтапланы и парaplаны — словно сказочные драконы...

Бабушка была специалистом по русской народной мифологии и жила только внуком и своими сказками. Не только в её рассказах, но и в стоящих на полках книгах, на картинах — всюду были лешие, русалки...

Как-то бабушка в шутку, должно быть, сказала, что в их озере тоже живут русалки. Переборов страх, он ночью пришел на озеро и там в свете луны действительно увидел двух голых купающихся русалок. Они весело плескались, хохотали... Вспомнив народные сказания, что русалки могут зачекотать до бессилия, а потом утащить в воду, он испугался — и бросился бежать домой.

А месяца через два в соседской взрослой девушке Наташе он неожиданно признал одну из тех прекрасных русалок...

А еще неподалеку находилась конеферма, и на лесной дорожке запросто можно было встретить загадочных амазонок верхом на тонконогих гривастых лошадях...

К сожалению, тот идиллический сказочный мир растаял, уступив место убийцам и космическим пиратам, да еще такому заблудившемуся во времени человеку, как несчастный Свифт...

ГЛАВА 7. ОТТОРЖЕНИЕ

Стоит ли стремиться к встрече с прошлым, где ждут нас, скорее всего, сплошные разочарования? Что вы хотите там найти? Милый образ, сохраненный памятью? Но за прошедшее время вы настолько мысленно подредактировали и дорисовали его, что просто можете не узнать. Или мечтаете вернуть к истокам старую, неперегоревшую ненависть? Но ненависть подобна саду — за ней нужен был постоянный уход, а вы поливали его всё реже и реже, так что этот сад почти засох. Или же вы рассчитываете встретить там утраченную любовь? Но любовь, в отличие от ненависти, бывает такой разной: любовью-радостью, которая делала вашу жизнь ярче, или любовью-болезнью, которая всё это время сжигала ваше сердце и опустошала душу. И кто может предсказать: исцелит вас эта встреча или же превратит остаток жизни в ещё больший кошмар?

Даже самый мизерный шанс встретиться со своим прошлым сулит сплошные искушения. И если вы решились на это, значит есть веская причина поддаться им. Ибо именно в искушениях становится понятно, кто золото, кто железо, кто свинец, а кто и мусор — древесная труха. Золото в огне становится ещё ярче, с железа спадает ржавчина, свинец плавится и теряет форму, а мусор просто бесследно исчезает...

* * *

Вызов застал профессора Йенсона дома, и к тому же в душевой. Поэтому, наспех завернувшись в массажное полотенце, он предстал перед видеофоном в виде римского патриция.

Поначалу профессор вообще ничего не мог понять, поскольку начальник госпиталя торопливо перескакивал с пятого на десятое:

— Ваш Свифт повредил кабели управления реактором! Я ничего не могу предпринять — необходимо Ваше присутствие. Жду вас немедленно! Через сорок минут будет взрыв! Я только что начал эвакуацию персонала и пациентов... На Вас, Йенсон, последняя надежда!

— Я пока что ничего не понимаю, — растерянно проговорил профессор.

— Короче, срочно в микробус, в глаер, во что угодно — и к техническому корпусу! Только умоляю: быстрее, иначе может быть поздно! Пока добираетесь — я Вам все объясню!

Осознав серьезность вызова, профессор торопливо натянул на мокрое тело одежду и, перешагивая через ступеньки, заспешил по лестнице, ведущей на крышу, — там стоял дежурный глаер.

Уже по дороге как-то отрешённо заметил, что на его ногах домашние тапочки. Поэтому, когда одна из них соскользнула и усакала вниз по ступеням, — возвращаться не стал: какая теперь разница, в домашних тапочках главный невропатолог госпиталя или вовсе босиком.

Со свистом завращались лопасти, взревел переключенный на форсаж двигатель — и глаер почти вертикально взмыл вверх. Йенсон торопливо надавил на клавишу автопилота и включил видеофон.

На экране тут же возникло лицо начальника госпиталя, но уже более спокойное и с обычным жестковатым выражением — лицо человека, привыкшего командовать и единолично принимать решения.

— Через тридцать пять минут Ваш подопечный взорвет к черту, к дьяволу весь госпиталь и еще много чего вокруг!

— Что он, в конце концов, натворил? — спросил Йенсон.

— Свифт с помощью робота умудрился перерезать пучок кабелей управления ядерным реактором. Пока еще работает система аварийного охлаждения, но она рассчитана только на час. Потом температура резко подскочит, и... В общем, в нашем

распоряжении, — он глянул на часы, — всего тридцать две минуты, плюс не знаю еще сколько.

— А Свифт что же, не подпускает к месту повреждения?

— Да сам-то он преспокойно сидит в бетонной нише и ни с кем не желает разговаривать, но его охраняет свихнувшийся робот, который размахивает плазменным резаком.

— Свифт что же, перепрограммировал его?

— Перепрограммировать робота-ремонтника в боевого робота вряд ли возможно! Так что, похоже, от кабелей высокого напряжения у него что-то там замкнуло в программном блоке. И у нас нет никакого способа обезвредить его, если только попытаться использовать бластер охранника...

— Можно поразить его в участок чуть выше фотоэлементов, где гиросистема, — он должен потерять ориентацию.

— Я знаю, но у робота с этим и так не все в порядке. Если он будет размахивать своим резаком, полностью потеряв ориентацию, — тогда Свифту точно конец!

— Посоветуйте Свифту лечь на пол!

— Вы бы видели, Йенсон, в каком он состоянии... Свифт абсолютно невменяем! Он ни на что не реагирует, просто молчит и смотрит в одну точку. Одна надежда, что Вы сумеете его расшевелить — ведь как-то вы с ним все это время контактировали...

Теперь Йенсон уяснил свою миссию.

Посадив глаер прямо на клумбу возле корпуса, что при иных обстоятельствах грозило бы автоматическим лишением прав вождения, он побежал по дорожке к входу, не обращая внимания на острые камешки, впивающиеся в голые ступни. Непрерывный вой сирены подталкивал в спину и заставлял бежать все быстрее и быстрее.

Серая коробка бетонного бункера возвышалась над деревьями, густо посаженными специально для того, чтобы замуфлировать, скрыть это архитектурное убожество. Бункер, как и две безликих прямоугольных и очень массивных казармы, достался госпиталю в наследство от когда-то существовавшей военно-морской базы Брест.

Сам же блок небольшого ядерного реактора находился глубоко под землей, вернее, под многометровой толщей бетона, и

в свое время служил автономным источником электроэнергии. Когда все военные базы на Земле стали демонтировать, то часть сооружений попытались под что-нибудь приспособить: так, в казармах установили специальное рентгеновское оборудование и лабораторные установки жесткого облучения. А иметь собственный реактор для энергоснабжения госпиталя оказалось очень удобно: никакой зависимости от суточных колебаний энергосистемы, никаких лимитов по использованию электроэнергии. Безопасность эксплуатации энергоблока считалась очень высокой.

Кто же мог предвидеть, что такое, как сегодня, вообще может произойти?..

Йенсон уже видел, что на всей территории госпиталя интенсивно ведется эвакуация: грузовые и пассажирские глаеры взмывали в небо и разлетались в разных направлениях.

Возле варварски изуродованной плазменным резаком двери — входа в бункер — стояли несколько сотрудников госпиталя. Они ожидали прилет глаера со специалистами КоБЗа, которые должны были доставить Ю-частотный излучатель, предназначенный для разрушения биоэлектронных цепей, — только с его помощью можно было обезвредить взбесившегося робота.

Йенсон раздвинул столпившихся сотрудников и зашагал по ярко освещенному коридору, оставляя на белом кафеле позади себя кровавые следы подошв. За годы работы в госпитале он прекрасно изучил конфигурацию и предназначение многочисленных коридоров и коридорчиков.

Вот впереди вход в торец правого бокового коридорчика, в конце которого расположен бытовой склад. Помещение для него выбрано было крайне неудачно, о чем Йенсон говорил уже неоднократно: во-первых, далеко, во-вторых, приходится проходить через несколько секций... Хотя в данном случае всему виной была до сих пор не демонтированная система кодовых замков, оставшаяся еще со старых времен: Сэм, по всей видимости, попытался проникнуть в бытовой склад, не зная кода, — и тут же сработала система межсекционной герметизации.

Возле бокового ответвления трое сотрудников опасливо заглядывали в большую дыру овальной формы, проделан-

ную в толстой герметичной двери явно плазменным резаком. Бледный и весь какой-то поникший инженер-электромеханик Ежи Трацевский сжимал в руке маломощный бластер, против робота практически бесполезный.

Он не очень решительно преградил путь Йенсону и предупредил:

— Дальше нельзя, профессор! А то он начнет орудовать резаком, как против вон того робота...

Йенсон осторожно заглянул в дыру и сразу оценил обстановку: рядом с дверью, поперек узкого коридора, лежал робот, вернее, то, что от него осталось, ибо он был почти перерезан на две части плазменным резаком. А еще дальше, перед затемненной нишей, замер точно такой же кибер, по-человечески подозрительно, как показалось Йенсону, поблескивающий выпуклыми линзами фотоэлементов. Позади него, в бетонной нише, привалившись спиной к серой стене, сидел безучастный ко всему Сэм. Взгляд его был неотрывно устремлен в какую-то неведомую точку на полу.

— Сэм! — громко позвал профессор.

Тот не шелохнулся, зато робот, неестественно дернувшись, словно бы встрепенулся — и угрожающе поднял свой захват с зажатым в нем резаком. Все, кроме Йенсона, отпрянули от проема.

— Сэмюэль Свифт! — повторил Йенсон, внимательно следя за суетливыми и какими-то хаотичными движениями кибера.

«Повреждена система координации, — отметил он, — да еще включилась абсолютная защита от любой внешней агрессии. Хорошо еще, что Свифт находился рядом с роботом до замыкания, поэтому он не воспринимается как проникающая внешняя угроза».

Поразмыслив, профессор пришел к выводу, что Свифт запросто мог бы отключить робота, поскольку сидит за его спиной и не попадает в сферу обзора фотоэлементов.

— Сэмюэль Свифт! — крикнул Йенсон во всю мощь своих легких. — Глядя сейчас на Вас, невозможно поверить, что Вы мужчина, а не исступленная истеричка! Подотрите, наконец, сопли!

Сэм очень медленно поднял глаза и вдруг заговорил довольно твердым и уверенным голосом:

— Через несколько минут меня здесь уже не будет, и, поверьте, никто не сможет мне в этом помешать. Все Вы мне страшно надоели! Знали бы только, как я от вас устал! Я не хочу даже прощаться! Сожалею только о том, что не смог облачиться в свой мундир и Долорес увидит меня в этой нелепой одежде...

Закончив свою небольшую тираду, Сэм замолчал и снова отрешенно уставился в пол.

— Вам, Сэмюэль, знакомо слово «убийца»? — заговорил громко Йенсон, уверенный теперь, что Сэм его хорошо слышит. — Через двадцать минут по Вашей вине произойдет взрыв реактора, будет полностью уничтожен госпиталь, вероятно гибель людей, кроме того, окружающая местность на десятилетия останется источником смертельной радиации...

Свифт словно не слышал, и Йенсон продолжил ещё громче:

— Мы, конечно, принимаем меры, и скоро сюда придут специалисты для уничтожения робота, но времени просто может не хватить. В этом случае погибните и Вы, хотя, как я понимаю, собственная жизнь вам не дорога? Подумайте хотя бы о тех, кто сейчас стоят перед Вами, — ведь мы не уйдем, пока будет оставаться хотя бы единственный шанс! И я уверяю, что если бы у меня была возможность уничтожить робота, хотя бы и вместе с Вами, то я, не задумываясь ни секунды, сделал бы это! Но, к сожалению, кибера в данный момент можете отключить только Вы!

Было заметно, что Свифт колеблется. Наконец он принял решение и встал.

— Вы не обманываете меня, док, насчет взрыва?.. — спросил он неуверенно.

— До взрыва осталось всего восемнадцать минут!

— Я поверю Вам, док, но обещаете ли Вы мне неприкосновенность и свободу в течение ближайшего часа?

— На Вашу свободу, Сэм, никто и не покушается. Даю Вам слово честного человека, что Вас никто не тронет!

— Лично вам я верю, док. Подскажите только, как мне его отключить?

— Там, на спине у кибера, как раз посредине между манипуляторами, есть лючок, — заговорил просунувший голову в отверстие Трацевский. — Просто протяните руку, откройте его и надавите на красную кнопку. Пока он Вас не видит, он для Вас абсолютно безопасен.

Сэм неуверенно приблизился к «пританцовывающему» роботу и протянул руку. Через мгновение фотоэлементы, моргнув, погасли — и манипуляторы с громким лязганьем опустились вниз.

— Всё! — облегченно проговорил Трацевский.

Монтажный робот тут же протиснулся в отверстие и, захватив манипуляторами оплавленные концы самого толстого из кабелей, свел их. Вспыхнули синие огоньки резака и плазменной сварки.

Йенсон в это время подошел к безвольно сидящему Сэму, на которого в ставшем шумным коридоре никто, казалось, не обращал внимания. Даже трое прибывших «кобзовцев» в скафандрах высшей защиты остановились в нескольких шагах и, сняв шлемы, разговаривали о чем-то своем.

Только теперь Йенсон вспомнил о своем внешнем виде: босиком, пуговицы на одежде застегнуты через одну... Ноги грязные и в крови. Они оставляли следы на кафельном полу, и каждый шаг теперь отдавался заметной болью в ступнях.

«Надо побыстрее сделать санобработку, — подумал он устало, — а то завтра ни одну обувь не смогу надеть».

Подумал мимоходом, как бы записывая в память, что еще предстоит сделать в порядке очереди. С другой стороны, даже первоочередные дела разместились как бы ниже грани «срочно — не срочно» — намного важнее для него сейчас было просто поговорить с Сэмом.

— Что же с Вами такое произошло? — спросил он поникшего Свифта.

— Док, я предчувствую, нет, я знаю наверняка, что меня наконец-то вспомнят там, в моем настоящем! Это должно вернуть меня назад!

— Опять эта навязчивая идея! Вы, Сэм, по-моему, только напрасно мучаете себя ею.

— Нет, на сей раз я знаю точно.

— Хорошо, Сэм, мы ещё вернёмся к этому разговору!

— Здесь я больше просто не могу, — устало произнёс Сэм. — Здесь мне хочется сдвинуть руками виски, зажмурить глаза и очутиться на каком-нибудь необитаемом острове или в пустой пещере... Мне уже и самому начинает порой казаться, что я схожу с ума!

— Это самое обычное накопившееся нервное истощение! Я как врач утверждаю, что через какое-то время смогу полностью вылечить Вас.

— Теперь это уже не нужно. Единственное, что Вы для меня можете сделать, док, — верните мою одежду.

— Это можно будет сделать не раньше, чем через полчаса, — вмешался проходивший мимо Трацевский. — Пока проверим систему охлаждения, пока включим нагрузку... А без этого невозможно раскодировать систему герметизации, поскольку все замкнуто на единый пульт.

— Тогда оставьте меня, пожалуйста, одного.

— Пожалуйста, — согласился Йенсон. — Только здесь вы будете мешать рабочим, поэтому пройдите в свою комнату...

— Спасибо, док! Я ведь не сумасшедший, а просто хотел взять со склада свой мундир, — начал вдруг оправдываться Сэм. — Никто не захотел мне помочь, тогда я приказал киберу вскрыть отсек резакром. То, что, прожигая одну из дверей, он зацепил этот важный кабель и при этом свихнулся — просто нелепая случайность...

— Успокойтесь, Сэм, все хорошо — что хорошо кончается! Я, к сожалению, в неважной физической форме, не говоря уже о внешнем виде, поэтому сейчас попрошу кого-нибудь проводить Вас до Вашей комнаты.

Йенсон подождал, пока Сэм с сопровождающим пройдут весь коридор, потом медленно двинулся следом, тихо охая при каждом шаге.

* * *

Быков на место аварии прилетел слишком поздно, чтобы увидеть развязку, но не настолько, чтобы не увидеть послед-

ствий проведенной операции: оба поврежденных робота еще валялись в коридоре, а третий сосредоточенно сваривал многочисленные провода управления и заливал места сварки герметизирующим пластиком. Непосредственные участники событий тоже разошлись.

Когда же Быков поинтересовался, где найти профессора Йенсона, ему сказали, что тот находится сейчас в своем кабинете.

Действительно, Эрик Йенсон преспокойно сидел в кресле, а медицинский робот ловко накладывал на ступню его левой ноги заживляющую повязку, вторая нога была облачена в белый ортопедический бахил.

— Что случилось с Вашими ногами? — обеспокоенно спросил монитор.

— А, ерунда, просто отвык ходить босиком, — Йенсон небрежно махнул рукой. — Хотите мой новый напиток? Вон стоит на столике. Я, знаете ли, не только их составляю, но и проверяю на пациентах и своих знакомых. До сих пор ни один не умер от отравления, правда, никто из них не выражал и бурного восхищения...

«Когда человек занимается не своим делом, ему, должно быть, некогда заниматься своим, — с раздражением подумал Быков, глядя на благодушного профессора. — Там до сих пор суматоха, люди ликвидируют аварию, а он сидит как ни в чем не бывало и попивает свой дурацкий напиток. Доигрался профессор со своими психологическими экспериментами!»

— Может мне кто-нибудь толком объяснить, что произошло в госпитале? — спросил Быков, подавив раздражение.

— Можно сказать, ничего страшного. Просто Сэму пришла в голову идея-фикс облачиться в свой опереточный мундир. Меня в это время рядом не было, а начальник госпиталя ответил на его странную просьбу естественным отказом. Тогда Сэм приказал ремонтному роботу крушить двери. Что в конечном итоге и привело к повреждению кабелей управления реактором... Вот вкратце и все, подробности можете узнать у троих бравых парней из КоБЗа, если они еще здесь.

— Как Вы считаете, профессор, Сэм в своем уме или...

— У него крайне истощена нервная система... — начал Йенсон, но, видимо, подумав, что монитор может неверно понять его уклончивый ответ, заверил: — Я с ним беседовал каждый день, иногда даже по несколько раз, и должен сказать, что речь его связна и мыслит он достаточно здраво. Другое дело, что его рассказ фантастичней любого бреда! Но после серьезных размышлений я пришел к выводу, что так называемый «бред» полностью объясняет все связанные с ним невероятные факты, произошедшие за последние месяцы. Хотите верьте — хотите нет!

— Тогда я подозреваю, что Вы давали мне записи не всех ваших бесед. И сегодняшний разговор с ним, как я понимаю, тоже не записан?

— Конечно, не записан! В конце концов, я не летописец и не следователь, а, в первую очередь, лечащий врач! — всегда сдержанный профессор повысил голос. — У меня, извините за резкость, он не единственный пациент, и, кроме того, у меня есть определенный круг обязанностей! Да и фиксировать каждое сказанное им слово просто не представляется возможным, даже учитывая пожелания КоБЗа, — уже более миролюбиво закончил он.

— Извините, профессор. Я не хотел Вас обидеть. Может, он говорил что-нибудь из ряда вон выходящее во время аварии, например? С кем из персонала я смог бы об этом поговорить?

— Я к вашим услугам, поскольку последние полчаса находился в буквальном смысле подле него. И сейчас, после завершения разговора с Вами, снова буду пытаться с ним поговорить! Мне, знаете ли, очень не нравится то нервное состояние, в котором Сэм в данный момент находится...

— Знаете, профессор, мне бы очень хотелось присутствовать при вашем с ним разговоре. Мне это просто необходимо, иначе я вынужден буду его арестовать, несмотря на все Ваши возражения!

— За что же арестовывать, ведь все благополучно разрешилось? — возразил Йенсон.

— А где гарантия, что нечто подобное не повторится? В конце концов, была угроза жизни сотен людей...

— Ну что мне с Вами делать? — профессор развел руками.
— В таком случае мне бы хотелось, чтобы вы вместе со мной все и проанализировали. Как любил повторять один мой коллега: ум хорошо, а полтора — лучше! Кстати, попробуйте все-таки мой новый напиток...

Быков покосился на нечто ядовито-фиолетовое, налитое в графин, — и отказался.

— Так вот, — продолжил Йенсон, — выкладываю все, что мне за это время удалось выяснить. Потом, надеюсь, вы откровенно поделитесь со мной своими соображениями? Согласны?!

— Обещаю!

— Итак, Свифт утверждает, что он перенесся из прошлого тысячелетия, точнее, из семнадцатого века. То, что он прекрасно знает упомянутое время и говорит на старом добром английском, у меня не вызывает ни малейшего сомнения! Причину своего перемещения он толком объяснить не может, да это и понятно: случись такое с Вами или, не дай Бог, со мной — тоже были бы в полнейшей растерянности...

— Уж это точно! — согласился монитор.

— Далее, уже здесь, в нашем времени, он обнаружил в себе невероятную способность мгновенно перемещаться в пространстве и, возможно, даже во времени. Именно так он сначала попал на Альму, потом на Эшер, потом снова на Землю. Для такого перемещения ему всего-то и нужно, чтобы кто-то представил его во всех деталях в пункте, так сказать, назначения.

— Вы полагаете, что всё так просто?

— Ну, и чтобы он сам в это же время думал о том человеке. Сэм утверждает, что заблаговременно чувствует этот момент перемещения! Достаточно уверенно примерно за полчаса-час. Кстати, он заявил это где-то... — Йенсон глянул на часы, — где-то полчаса тому назад. Но, насколько я информирован, в данный момент он присутствует в своей комнате, так что видите сами...

Профессор развел руками.

— Значит, всё-таки психическое заболевание?! — не то спросил, не то констатировал Быков.

Профессор опять неопределенно развел руками.

— Это Вы осторожничаете или медицина бессильна в данном случае с постановкой диагноза? — задал явно провокационный вопрос монитор.

— Может, Вам как профессионалу что-нибудь подскажет вот эта вещь? — сменил тему Йенсон и, открыв ящик стола, протянул монитору книгу. — Она была найдена в ящике с видеодисками в бывшей комнате космолетчика Валерии Касас.

Быков глянул на обложку: «Жорж Блон. Флибустьерское море. Издана в Париже в 1969 г.».

— В ней сведения о пиратах, — пояснил профессор. — В основном живших в средние века прошлого тысячелетия.

— Есть что-нибудь о Свифте? — заинтересовался монитор.

— Возможно, я не очень внимательно читал, но о нем конкретно ничего не нашел.

— Хорошо, я проанализирую, — пообещал монитор. — А кто нанес ему рану на голове, он так ничего и не говорил?

— Рану ему нанесла пистолетным выстрелом женщина, которую зовут Долорес. Как он сам выразился, «самая прекрасная женщина всех веков». Нет, нет, она осталась там! — уточнил профессор, заметив вопрос в глазах Быкова. — Кстати, Вы, пожалуй, сами сможете с ним побеседовать на эту тему. Только, пожалуйста, недолго и в моем присутствии. А как только подам знак — тут же прекращайте все расспросы и уходите. Согласны?..

Быкову ничего другого не оставалось, как кивнуть головой, после чего они спустились на первый этаж, и Йенсон позвонил в комнату Свифта.

Дверь тут же открылась, словно тот стоял за ней и ждал их прихода. Внешний вид Сэма поразил не только Быкова, но, кажется, и самого профессора. Глаза Свифта горели каким-то огнем, пальцы нервно теребили застёжки светло-голубого госпитального костюма.

— Мне нужен мой мундир... — были первые слова Свифта, обратившего жгучий и вместе с тем как будто бы ничего не видящий взгляд сначала на монитора, потом на профессора. — Она не должна увидеть меня в этой нелепой одежде! Это ужасно, но, похоже, я уже не успею переодеться...

— Как только устранят повреждения, Вам его тут же принесут. Я распорядился, — заверил Йенсон.

— Я наконец-то возвращаюсь назад! Вы мне не верите, док?! Время исправляет свою ошибку! Человек, который хотел меня использовать, — погиб, женщина, которой я был интересен, — тоже. А сегодня едва не погибли Вы, док, потому что хотели мне помочь... Само время словно бы отторгает меня!

Прервав свою сбивчивую тираду, Сэм сел в кресло, потом снова вскочил. Глаза его лихорадочно блестели, взгляд перескакивал с предмета на предмет.

Там, на пляже, он выглядел усталым и безвольным, а сейчас, несмотря на всю его нервозность, перед Быковым находился порывистый и сильный человек. Откуда было монитору знать, что снова отважный капитан корсаров стоял сейчас посреди госпитальной комнаты.

— Понимаете, она наконец вспомнила обо мне! — непонятно к кому обращаясь, снова заговорил Свифт. — Я чувствую это! И я так устал без неё. Если бы Долорес не вспомнила меня, я бы, наверное, скоро умер!

Глаза Сэма торопливо искали что-то на стенах комнаты, словно пытаюсь обнаружить приоткрывающуюся дверь в прошлое.

— Прощайте! — заговорил он торопливо. — Теперь-то, док, и Вы, монитор, убедитесь, что я говорил правду. И я никому в вашем времени не причинил намеренно вреда...

Последние слова были обращены, должно быть, к Быкову.

После чего Сэм сделал несколько торопливых шагов к стене — словно отыскав наконец ту невидимую дверь в прошлое. Хотя взгляд его и был устремлен в стену, но видел он сейчас значительно дальше — через века...

Вдруг фигура Свифта стала быстро терять плотность и утончаться — словно материя перетекала в другое, невидимое пространство. Вот она превратилась в тонкую черточку, вот уже ничто в комнате не напоминает о недавнем присутствии путешественника во времени...

— Вот и все, — тихо сказал Йенсон. — Надеюсь, он вернулся в свое настоящее. Хотя всего несколько минут тому назад я бы в такое не поверил!

— Я и сейчас еще не совсем верю своим глазам...

— И напрасно, — возразил профессор. — Раз мы, двое психически здоровых людей, к тому же скептически настроенных, видели одно и то же — значит это не галлюцинация, а свершившееся событие...

Быков хотел согласиться, но неожиданная мысль, словно яркая вспышка, озарила его сознание.

— А если временная спираль замкнется, и он вернется опять под тот же выстрел? — непонятно кому задал он вопрос.

— По теории вероятности событие не может повториться абсолютно, — ответил профессор, не вполне, впрочем, уверенно. — Во всяком случае, так утверждают оптимисты.

— Ну, это по теории случайностей, а вот теорию времени еще никто не прописал, — возразил монитор. — Кроме того, любая теория живет только до тех пор, пока кто-нибудь ее не опровергнет...

* * *

Свифт очутился в небольшой и светлой комнате-спальне. Долорес сидела всего в нескольких шагах от него, подперев голову рукой и задумчиво глядя в раскрытое окно. Легкий ветерок слабо колыхал тонкую занавеску, шевелил непокорную прядку волос, ниспадавшую на лицо. На темном полированном столике лежала раскрытая книга, но мысли девушки были далеко...

Долорес вспоминала свой недавний сон. Этот сон, с незначительными изменениями, повторялся раз за разом, и в нём почему-то не было её жениха Мигеля, а был английский капитан. Они находились в каюте на галеоне, всегда только вдвоём: она — уверенная в себе и он — смешно коверкающий испанские слова и целиком подвластный ей...

Да, Мигеля она вспоминает всё реже. Хотя они и должны были после путешествия пожениться, к жениху она относилась, скорее, как к брату. Они жили по соседству, вместе росли, и Мигель бывал частым гостем в их доме. А когда у Мигеля умерла мать, то Долорес по-женски жалела его, несмотря на то, что по возрасту была младше на несколько лет. А потом отцы

решили их поженить. И за благословением пришлось плыть через океан, в колонию, где служил отец Мигеля.

А потом, на обратном пути, произошло это...

Капитан Свифт. Теперь почему-то часто вспоминается, как бережно он к ней относился. И то, как он, протестант, предлагал ей, католичке, руку и сердце! Ведь такой брак, по всей видимости, ставил крест на его офицерской карьере? И такую жертву способна оценить любая женщина... Он, может быть, и не очень красив, но — мужественное лицо, военная стать! И глаза... Его горящие каким-то внутренним светом глаза! Этот огонь любви не спутаешь ни с каким другим...

Она смутно помнила, как выстрелила в капитана. А после выстрела потеряла сознание и не могла видеть, куда Свифт исчез. Служанка говорит, что капитан растворился — его, по-видимому, забрал сам дьявол. Служанке сложно верить, потому что эта тёмная женщина просто помешана на нечистой силе. Недаром она заказала серебряные пули для пистолета.

Так куда же Свифт исчез? Выстрелом капитана не утешить, значит, он просто отчаялся и уплыл в свою Англию? Но почему тогда матросы разыскивали его?..

А Сэм в это время думал о том, что с тех пор, как они расстались, Долорес еще больше похорошела. Локоны черных вьющихся волос подчеркивали не просто нежность, а какую-то неестественную белизну её кожи. «Уж не больна ли она?!» — беспокоился капитан.

Девушка так и не замечала его появления, а Сэм не знал, что ему делать дальше. Глупая ситуация: и это неожиданное появление, и его нелепый костюм, и ощущение, будто он подглядывает. Мысли вдруг разом смешались и замесались, словно рой растревоженных пчел. И этот неуправляемый рой снова, как и полчаса тому назад, родил в голове болезненное гуденье.

Сэм вдруг остро пожалел, что с ним нет старика-испанца. Полоумный философ, наверное, смог бы изящно начать разговор или дать какой-нибудь мудрый совет. Тогда, на галеоне, он не раз помогал капитану... Правда, старик как-то сам сказал, что чужие советы подобны горькому лекарству: их очень легко давать, но не очень приятно принимать...

— Долорес... — очень тихо, одними губами прошептал Сэм. Девушка восторженно вскрикнула и внимательно обвела взглядом пространство за окном.

— Долорес, — повторил капитан уже громче. — Какое же это блаженство — всего лишь произносить Ваше имя...

Девушка резко повернулась — и невольно отпрянула к окну, увидев Сэма прямо перед собой.

— Это Вы? — выдохнула она.

— Да, это я. А Вы, Долорес, вспоминали обо мне?.. — спросил капитан с надеждой.

— Да!.. — отозвалась девушка, и было заметно, что она быстро пришла в себя. — Вы так загадочно исчезли, что я ожидала и столь же загадочного появления.

— Значит, Вы всё-таки ждали меня?..

— Знайте же, мой пистолет заряжен специально для Вас серебряной пулей!

— Почему серебряной?

— Вы же дьявол! Иначе Вас не убить! Так говорит Фернанда...

— Уверяю Вас, я не дьявол! Я, скорее, Колумб, волею Провидения тоже открывший новые земли и новых людей.

— Вы говорите непонятно, капитан! И я пока ещё плохо знаю английский язык...

— Что я слышу, Вы изучали мой язык?

— Это не только ваш, но и язык Шекспира.

— Я расскажу Вам многое, Долорес, о чём и не подозревал Шекспир. Уверяю, что мой рассказ будет Вам не менее интересен. Только согласитесь выслушать!

— Ваши речи, должно быть, столь же лживы, как и Ваши поступки. Ваше исчезновение, утверждает Фернанда, это уход нечистой силы...

— Мое исчезновение стало неожиданностью и для меня! — перебил капитан. — И все это время я стремился к Вам, как заплутавший корабль в родную гавань. Но моя судьба волею злого рока стала добычей чужих ветров.

— Но Вы же утверждаете, что устремились к новым землям? И там видели новых людей. Разве такое возможно не по своей воле?

— Возможно! — горячо заговорил капитан. — И такое путешествие можно посчитать за счастье, если бы не постоянно терзавшие меня мысли о Вас, Долорес! Христофор Колумб открыл Америку и стал знаменит. А я открыл нечто большее, чем путь в океане, — это путь во Времени!

— Вы утверждаете невероятное. Но если это даже и так, то ведь Вы там искали не меня, а золото и славу!

— Нет, моё богатство не в золоте, а в полученных знаниях. И повторяю: все это время я просто искал обратный путь, то есть дорогу к Вам, Долорес!

— Всё-таки Вы говорите странные, непонятные речи. Им нельзя верить! И я все это время убеждала себя, что не должна верить ни единому Вашему слову...

— Умоляю, поверьте мне! Эти слова находит не мой разум, а моё умудренное сердце. Оно просто не способно лгать! А еще благословен тот посох, на который я опирался в поисках пути к правде и любви.

— Ваши речи стали коварными. И Вы научились говорить красиво, как поэт...

— У меня были хорошие, мудрые учителя. Но главное я понял только сейчас: настоящее счастье неведомо тем, кто не пережил большого горя.

— Вы сильно изменились... Но хотя и не предъявили ни одного доказательства, что-то убеждает меня, что сейчас Вы не лжете...

— Я не лгу ни единым словом! Правда, единственное мое доказательство — этот нелепый костюм из будущего. И еще все то, что я хотел бы Вам поведать...

— И все-таки это исчезновение... Такое может совершить либо святой, либо дьявол.

— Я ни тот, ни другой. Я просто игрушка Провидения. Хотите я перекрещусь?

Сэм поискал глазами икону и, не найдя ее, вытащил из-под комбинезона свой нательный крест. Несколько раз перекрестился и поднёс крест к губам.

— Теперь верите?..

Всё это время Долорес практически не шелохнулась, но в ее застывшей позе ощущались и скрытое напряжение, и неу-

веренность. Бледность сменил болезненный румянец, и она не сводила настороженного взгляда со Свифта. Вот и сейчас она пристально следила за его правой рукой.

Счастливый уже от того, что Долорес выслушала его и даже отвечает, Сэм сделал невольный шаг к ней. В ответ на это неосторожное движение девушка быстро склонилась к кровати и отбросила в сторону подушку. Через мгновение в руке ее оказался небольшой пистолет.

— После того, как Вы непонятным образом исчезли, я всегда держу под подушкой оружие, — медленно и твердо произнесла она. — Фернанда купила серебряные пули, так что берегитесь...

— Вы можете не опасаться меня, Долорес, — торопливо заговорил Сэм, глядя прямо в глаза девушки, — я никогда и ни при каких обстоятельствах не причиню Вам вреда.

— Жаль, что я тогда промахнулась! — тихо произнесла Долорес, словно не услышав последние слова Сэма.

— Вы, Долорес, не промахнулись. Видите этот шрам на виске — он от Вашей пули. На дьяволе ведь не остается следов, не так ли?..

— Откуда мне знать? Я потеряла сознание и не видела, как Вы исчезли...

— Тогда как Вы можете судить о том, чего не видели?

— Зато Фернанда рассказала мне всё!

— Она ненавидит меня и приняла желаемое за действительное...

— Жаль, что я не убила Вас тогда, — повторила Долорес. — Сейчас мне сделать это почему-то труднее. Но я поклялась памятью Мигеля убить Вас!

— Если Вы уверены, что никогда не сможете меня полюбить, то сделайте это быстрее, — взволнованно проговорил Сэм и сделал еще один шаг к ней.

Долорес в испуге вскинула руку с пистолетом навстречу. Зрачки её глаз расширились — то ли от ненависти, то ли от ужаса. Однако она почему-то медлила, всматриваясь в лицо Сэма, — пока рука ее не задрожала от напряжения.

— Я молю Вас, сделайте это: убейте меня, — повторил Сэм твердо и опустился на колени. — Потому что жить без Вас я все

равно не смогу. Там, в другом мире, я понял, что любовь — это негасимая лампада, горящая не только благодаря чему-то, но и вопреки всему...

Долорес молчала. Лицо её опять побелело, губы перекосила гримаса боли. И ствол пистолета никак не мог остановиться, замереть — а продолжал отыскивать цель на груди капитана.

И тут в ожидании выстрела Сэм нашел наконец нужные слова, которые сделали бы, наверное, честь даже мудрому старику-испанцу:

— Я сделал шаг к Вам через пропасть, рассчитывая на спасение, но если это только полшага — пусть я упаду в нее, и больше Вы меня никогда не увидите. Стреляйте же!..

Даже осознавая, что эти мгновения его жизни — последние, Сэм смотрел не в черное отверстие дула, а в глаза Долорес. Он не испытывал ни страха, ни сожаления, и единственным его желанием было успеть перед смертью прикоснуться губами к ее руке, к плечу или даже к губам. Время словно бы растянулось: он видел в деталях и порывистость её дыхания, и все больше туманящийся взгляд, и пульсирующую под кожей тонкую вену на шее. И слезу, неожиданную и невероятную, очень медленно соскальзывающую вниз по щеке...

Потом время совсем остановилось. Замерло и все внутри Сэма: и сердце, и дыхание, и мысли. Только глаза продолжали отрешенно фиксировать, как неумолимо тонкий палец давит на спуск пистолета...

Он сделал ещё один шаг, чтобы быть ближе к ней. И увидел вдруг, как ослабла внезапно тонкая кисть, а тяжелый пистолет со стуком упал ему под ноги. И он сделал последний разделявший их шаг и опустился перед Долорес на колени. А когда поднял взгляд, увидел в смотрящих вверх его головы глазах девушки смятение и неподдельный ужас.

Сэм резко обернулся — и увидел, что это служанка Фернанда, стоя позади него, поднимает пистолет с пола. В её тяжелом взгляде Свифт не увидел ни капли снисхождения — сейчас на капитана смотрела сама Смерть...

Он вдруг подумал, что это само Время наконец-то свело с ним счёты. Сколько попыток было там, в другом мире, но эта — самая верная. Потому что он сам призвал смерть...

Ствол пистолета смотрел Сэму в переносицу, а он всё не мог решить, с чьим именем на устах должен умереть: создателя или любимой. Но тут вскочившая Долорес резко отвела окрепшей рукой ствол в сторону.

Свифт хорошо разглядел длинный язык пламени, вырвавшийся из ствола, но последовавший звук выстрела показался ему противоестественно тихим и коротким...

* * *

Закончив формальности, Быков собрался уходить. Он уже прощался с профессором Йенсоном — и в этот момент что-то сильно ударило в стену позади. На пол посыпались осколки стеклянного светильника, в комнате запахло кислой гарью. Монитор оглянулся, отыскивая взглядом объект, учинивший эти разрушения — но, на первый взгляд, ничего не изменилось. Только вся комната наполнилась синеватым дымом.

— Что это? — задал вопрос растерянно озирающийся Йенсон.

— Похоже на запах дымного пороха, — принявшись, сказал монитор с уверенностью. — Мы его составляли на лабораторных занятиях, когда я еще был курсантом.

— А вот и то, что разбило мой любимый светильник, — произнес профессор, поднимая с ковра какой-то маленький предмет. — Похоже на серебряную пуговицу.

— Это расплюснутая серебряная пуля, — констатировал Быков, внимательно осмотрев «пуговицу». — Не знаю, что там произошло, но, по-моему, в Сэма стреляли?

— Похоже на то, — согласился Йенсон, с любопытством разглядывая пулю. — Вот только был ли это тот, первый, выстрел или его ждали, чтобы свести счеты? Трудно сказать!..

— Серебряная пуля говорит о том, что к встрече тщательно готовились, — заключил Быков. — Ведь человеку, в отличие от нечистой силы, несвойственно исчезать и возникать ниоткуда...

— Вы думаете, что Свифта посчитали за оборотня?

— Серебряные пули просто так не отливают.

— Вполне вероятно. Вот только остался ли Сэм жив — этого мы уже никогда не узнаем!

— Я бы не стал утверждать это так конкретно, ибо уже ни в чём не уверен, — возразил монитор.

— Возможно... — произнес профессор задумчиво. — Если только ещё раз попытаться отыскать фамилию в старинных архивах. Как-никак он был офицер и дворянин...

— Я поднимал архивы в самом начале расследования — и не нашел никаких упоминаний.

— По-вашему это означает, что Сэм погиб?

— Это ничего не означает! Сами понимаете, профессор, далекий, бескомпьютерный семнадцатый век... Вернее, означает только то, что он не сделал большой карьеры при английском дворе и не прославился в морских сражениях.

— Возможно, он просто-напросто прожил счастливую жизнь обыкновенного человека. В родовом замке, с любящей женой и в окружении детей...

— Вполне возможно...

— Во всяком случае, здесь-то он был несчастен, — задумчиво произнес Йенсон. — Без любви, можно сказать, без прошлого и практически вне нашего времени...

— Тут позвольте с Вами не согласиться, — возразил монитор. — Человек несчастен, когда не имеет цели, — а у Сэма всегда была цель. Просто у него не выдержали нервы... Так я не знаю, как бы повели себя мы, очутившись на его месте!

* * *

«Что-то Сэм сказал такое?.. — снова и снова пытался вспомнить Быков по пути из госпиталя. Но важная мысль, всего лишь раз мелькнувшая в отдаленном сознании, упорно не давалась. — Что-то он сказал очень важное!..»

Отчаявшись поймать эту постоянно ускользающую мысль и зная наверняка, что она обязательно вернется как раз тогда, когда перестанешь о ней думать, монитор включил в аэре автопилот и устало закрыл глаза.

Через какое-то время мысли переключились на предстоящий отпуск и на традиционную встречу одноклассников. Встреча проводилась на Земле каждый год, но он не мог попасть на неё вот уже добрый десяток лет: командировки, срочные

дела. На этот раз вроде бы всё складывалось как нельзя лучше... Будут воспоминания, будет повальное позерство, потому что в глазах одноклассников каждый хочет выглядеть успешней и значимей, чем он есть на самом деле. Это нормально для тех, кто давно не виделись и для кого мнение бывших друзей еще что-то значит.

Раньше Быков знал наверняка, что им будут гордиться и в душе завидовать профессии, которая для остальных одноклассников оказалась недостижимой. Но это было раньше, а теперь он сам будет потихоньку завидовать тем, у кого семья, у кого делают первые успехи дети, у кого семейные радости на первом месте...

«Ах, да, — вспомнил Быков, ибо фраза прозвучала в ушах как запоздавшее эхо. — Сэм сказал буквально так: «Меня отторгает само время»! А вот почему он, Быков, сразу же отметил эту фразу, что в ней такого нашел?

Стоп!.. Может, это как раз и есть подсказка разгадки феномена Свифта? Хотя может ли отторгать время? И, собственно, что же это такое — время?..»

От полученных когда-то в университете знаний в памяти осталось совсем расплывчатое определение времени: то ли форма движения материи в пространстве, то ли некое малоизученное поле. С тех пор промежутки времени ему приходилось измерять лишь традиционно-условно, и, как правило, точкой отсчета являлся он сам. Так сказать, потребительский подход... А ведь исследователи не стояли, наверное, на месте?

Заинтересовавшись, Быков включил энциклопедический справочник аэра и набрал на экране дисплея слово «время». По экрану побежали строчки: «Время — форма последовательной смены явлений и состояний материи. Время и пространство — основные формы существования материи (философск.)». Далее шли такие заумные философские выкладки, что Быков, даже не пытаясь вникать в их смысл, просто пробежал глазами. Иногда глаз выхватывал выделенные шрифтом основные положения или относительно легко воспринимаемые фразы, типа: «Пространство трехмерно, время имеет одно и только одно измерение...»

В этом месте он недоверчиво хмыкнул, — но стал читать дальше.

«Универсальные свойства времени — длительность, неповторяемость, необратимость... Время необратимо, то есть всякий материальный процесс развивается в одном направлении — от прошлого — к будущему...».

«А как же Сэм? — задал себе вопрос Быков. — Мне что же, не верить произошедшему? Тупо считать, что этого не может быть — потому что этого не может быть?! Но ведь было: и перетекание телесной материи куда-то, и пуля из прошлого... Ну, да ладно, что там написано дальше?»

И снова по экрану побежали строчки: «...Наукой доказано, что течение времени и протяженность тел зависят от скорости движения этих тел и что структура или геометрические свойства четырехмерного континуума (пространство-время) изменяется в зависимости от скопления масс вещества и порождаемого ими поля тяготения... Пространство Минковского...».

Быков с сожалением отметил, что в осознании «континуума» он оказался полной бездарью и соотношение «понял — не понял» вряд ли когда-нибудь изменится в его пользу. Ну что ж, не каждому дано! К тому же прочитанная информация почему-то не убеждала.

«Если мы свободно перемещаемся в трех измерениях, — размышлял он, — почему бы не попробовать и в четвертом? Наверное, просто еще не научились?.. Так нельзя же так беспечностно утверждать, что это невозможно! Скорее всего, ученые просто перестраховываются. А как же тогда Сэм?! По крайней мере, только одно можно сказать однозначно: машина времени невозможна в принципе, иначе мир бы заполнили пришельцы из будущего...».

Он набрал в поисковике словосочетание «машина времени» и из безграничного множества выбрал ссылку со сноской «научно-популярная». Первая же строчка его несколько шокировала: «Путешествия во времени не опровергаются общей теорией относительности».

«Ну, вот! Оказывается, не все так просто — надо было в своё время читать популярную литературу!» — поехидничал Быков по поводу своей компетенции и стал читать более внимательно.

«..Она предсказывает, что течение времени замедляется при сильной гравитации. Теоретически, чтобы сделать «машину времени», надо просто подключиться к двум областям, где время течёт с разной скоростью. Одним таким регионом может быть Земля, а другим — место в непосредственной близости, например, от чёрной дыры с её бесконечной силой тяжести. Но можно ли человеку совершить такое путешествие? В принципе, да. Ткань пространства-времени — это очень сложный клубок переходов сквозь пространство и время, так что теоретически через «кротовые норы можно не только преодолевать пространство, но оказаться в будущем, а то и в прошлом. Однако если даже удастся решить алгоритм перемещения во времени, человек вряд ли сможет отправиться в далекое прошлое.

Посмотреть на живых динозавров можно только в том случае, если какие-то инопланетяне оставили на Земле машину времени 65 миллионов лет тому назад. Зато как только появится «машина времени», нас смогут посещать представители будущих цивилизаций. Так что теоретически дверь в другое время остаётся открытой».

Усмехнувшись, Быков выключил программу «поисковика», но мысли, получив определенное направление, бежали, бежали...

«Что там говорилось о единстве времени?.. Ах да, что время-то во вселенной, а значит, и в околоземном пространстве как раз непостоянно! Это мы, люди, все упростили: изобрели хронометры и календари, приспособив их к своему ритму жизни, к смене дня и ночи, к временам года. Но, похоже, очень уж все это было сделано условно...» Недаром, как только Быков попал даже в ближнее внесемелье, внутренний хронометр сразу же давал сбой — и каждый раз он начинал жить в ином, более рациональном ритме. Двадцатичетырехчасовые сутки постепенно превращались почему-то в тридцатishестичасовые, то есть скорость течения внутреннего времени сразу менялась...

Значит, либо эту скорость мы задаем сами, и тогда она для каждого разная, либо мы, люди, можем жить вообще вне вселенского времени? Или четвертый вектор подчиняется каким-то иным, не земным законам?..

Быков почувствовал, что логическая цепочка вот-вот разорвется, и попытался упорядочить мысли:

«..Допустим, что скорость течения времени мы задаем сами, и пусть это будет первой аксиомой!.. Но при этом мы можем изменять её только вокруг себя, не перенося на других людей, находящихся вне определенной зоны! Тогда время — это какой-то вид поля: огромного, просто гигантского...

А если каждый человек в отдельности — просто маленькая ячейка этого непостоянного поля?.. Отсюда и изменяющаяся скорость его течения, и сложность структуры — раз время объединяет индивидуальные поля всех людей... Похоже? Тогда примем это предположение в качестве второй аксиомы!..»

Ощувив вдруг смутное беспокойство, Быков окинул взглядом приборы. Но все было в порядке, просто уставшая нервная система запоздало отреагировала на какую-то уже преодоленную опасность. А мысли, получив толчок в новом направлении, побежали по несколько иному руслу:

«...Биополе Земли и временное поле Земли обязательно должны быть связаны посредством человечества. И находясь в прямой связи с биополем Земли, человек постоянно должен ощущать обратную связь. Не потому ли иногда кажется, что кто-то неведомый диктует нам поступки?

Да, в этом определенно что-то есть! А раз так, может, как раз эта связь и формирует цепь так называемых предвидений в нашей жизни? Невероятным образом оказаться на астероиде во время поисков Стеллы — это, скорее всего, и есть такая, продиктованная извне, «не случайность»? Вот вам, господа учёные, и объяснение источника интуиции!..»

От такой мысли у Быкова даже ладони вспотели, что бывало либо в минуты реальной опасности, либо в минуты прозрения. Правда, он скрывал это от всех — и от друзей, и от врачей, считая признаком некой слабости, несовместимой с профессией монитора. Ну, по крайней мере, профессиональным недостатком...

«..Но при такой всеобщей связи должно было в конце концов установиться некое устойчивое равновесие, — сделал он логический, но невероятный вывод, — в том числе и в общественном устройстве...»

Быков боялся потерять нить рассуждений, потому что возникло чувство, как будто посреди зыбкого болота он нащупал твердую тропинку. Сейчас главное заключалось в том, чтобы как можно дольше не сделать ни одного неверного шага. Один шаг в сторону, одно неверное отступление в размышлениях — и все рассыплется, и назад на эту тропинку уже вряд ли выберешься...

«...Должно установиться равновесие добра и зла... А как же тогда их существующее противоборство?! Из равновесия ведь вытекает, что зло неуничтожимо и, несмотря ни на что, существовало до сих пор, существует и будет всегда существовать?..»

Мысли уже не выстраивались в цепочку — они толпились, тесня друг друга:

«...А что если добро и зло изначально заложены природой или, допустим, Богом в развитие человеческого общества? В самом начале зло тоже способствовало эволюции, но значит ли это, что оно неискоренимо?..»

У Быкова от предчувствия какого-то открытия уже не только ладони вспотели, но даже мурашки по спине побежали. Ибо постоянно сталкиваясь со злом в своей работе, он подсознательно всегда искал ответ на данный вопрос.

«...Нет, мир, конечно же, пусть и медленнее, чем этого хотелось бы, движется в направлении гуманизма и духовности. Постепенно — век от века, год от года — зла все-таки становится меньше. Отсюда, несомненно, вытекает, что сформированный и поддерживаемый человеческой цивилизацией, этот континуум в околоземном пространстве постоянно совершенствуется. Так что же, это третья аксиома? Пожалуй...»

И тут мысли неожиданно снова перескочили на только что завершившееся расследование и на историю Сэмюэля Свифта.

«А ведь на основании третьей моей аксиомы история с его перемещением из прошлого находит вполне разумное объяснение. Получается, что в будущее он попал вовсе не случайно.

Хотя... Хотя в любом поле могут возникать и некие разрывы, случайные вихревые потоки...

Ладно, забудем об этом и будем считать, что не случайно! В своем прошлом он неминуемо умер бы от заражения крови, о

чем как-то сказал профессор Йенсон. Ибо у Свифта намечалась гангрена в области виска, которая в средние века являлась смертным приговором... Далее: потенциальный труп Свифта переносится на пять веков вперед, где его путь пересекается с преступным путем Боба Митчелла...

Если случайность — то очень уж избирательная! Что-то же свело их, таких разных, в одной точке! Если моя аксиома верна, то кто-то из них обязательно должен был погибнуть: если Свифт — то нарушенное временное равновесие восстанавливалось, если Митчелл — то добро одерживало очередную победу, а поле делало еще один шаг к совершенству. Получается, что континуум — это подвластная обществу, самосовершенствующаяся сверхсистема? Что-то уж слишком отдает фантастикой!..»

Быков попытался дать мыслям новый ход, но какая-то яркая догадка, мелькнувшая в предыдущих размышлениях, не давала это сделать.

«...Потом была Альма. Здесь не все ясно и понятно: желательна была смерть самого Свифта или у него было предназначение — спасти остальных? Спасти того же Полонского от «динозавра», об инциденте с которым капитан постеснялся рассказывать...

Получается, что окружающие Свифта люди то ли спасаются от неминуемой смерти, как Полонский, то ли наоборот — неминуемо погибают, как Митчелл. А как же тогда Валерия? Может, просто роковая случайность?..»

Быков понял, что запутался окончательно. Главное, что у него было слишком мало фактов, чтобы утверждать что-то с уверенностью. Он вдруг подумал, что очень хотел бы вернуться в прошлое, когда еще жива была Стелла. Уж он ни за что не оставил бы ее одну и нашел бы способ спасти от гибели!

«Если вдуматься, — устало подумал он, — почему случай со Свифтом следует считать единичным? Время отторгло и меня, хотя не так явно, как Сэма. Да и я, должно быть, тоже не один-единственный в целом свете попал в это чуждое время. Яркие впечатления, страстные желания, высокие

помыслы, любимая женщина — все это и для меня осталось в прошлом. Как за незримой, но явной и абсолютно непроходимой стеной... К сожалению или к счастью, спор со временем удавался, да и то не всегда, лишь Сэмюэлю Свифту!..»

Тут же навалились воспоминания, связанные со Стеллой, и он старательно стал гнать их прочь — потому что подобные мысли вытесняли все остальные и, как правило, приводили к полному внутреннему опустошению и даже к депрессии.

«...Может, Свифт потому и не мог сразу вернуться в прошлое, что слишком задержался здесь и со временем там стерся даже след его? И оборвалась прочная связь с ним — та самая пространственно-временная связь, называемая мудрено «континуумом».

А может, его пребывание в настоящем стало слишком уж опасным для окружающих?! Тогда у разумного поля действительно оставался единственный гарантированный вариант — назад, под роковой выстрел!..

Хотя мягкая расплюснутая пуля должна была застрять в теле! А на виске у него оставался шрам от первого выстрела, и на черепной кости обнаружены, как утверждает Йенсон, следы свинца... Это означает только одно: в него стреляли еще раз и, похоже, промахнулись...

Тут либо явная неувязка или у меня что-то не так с логикой?»

Аэр уже снижался, и Быков невероятным усилием натренированной воли разогнал цеплявшиеся друг за друга мысли, словно разорвал липкую паутину. Во временно образовавшемся мысленном вакууме он заставил себя думать о том, что долгое, но так и не принесшее полной ясности расследование, в общем-то, закончено — осталось лишь написать отчет, состоящий только из ясных и неоспоримых фактов. Всё остальное — все его размышления и допущения — теперь уже не имеют никакого значения.

Потом он стал думать о длинном, за два года, отпуске — и все предшествующие мысли в свете завтрашнего дня стали казаться просто бредовыми, вызванными усталостью и растрепанными нервами. Дотоле казавшаяся стройной и

почти непоколебимой цепочка умозаключений мгновенно рассыпалась.

«Выбрось все из головы, — уговаривал себя Быков, — это просто усталость и нервы. Эко я накрутил: самосовершенствующееся временное поле вокруг Земли! Ведь если время — это материя, то оно должно быть очень сложной материей. Скорее всего, даже живой материей. Всё мыслящее — в природе всегда живое... Правда, человек создал неживых мыслящих роботов!.. Но это, если разобраться, для самой природы уже вторичный продукт. Точно так же природа или планета, что, в сущности, одно и то же, могли создать мыслящего человека — как мобильную частицу себя, как своё главное творение... Вот только могут ли быть мыслящими планеты, звёздные системы, галактики? А почему бы и нет?..»

Быков снова потёр разом вспотевшие ладони.

«Что же тогда Время: самостоятельная материя или продукт деятельности Вселенной? Историки в один голос утверждают, что сама история развития человечества циклична! Эта цикличность должна быть чем-то обусловлена. Возможно, именно воздействием Времени? И таким образом оно проводит свой бесконечный эксперимент с человеком, с человеческой цивилизацией, каждый раз что-то подправляя в нём — как и мы без конца совершенствуем своих роботов... Вероятно, в самом создании человека заложен некий высший смысл, до которого он до сих пор не дорос, не созрел? Ведь какое-то высокое предназначение было заложено в нём природой? Хотя бы как накопитель и хранитель информации. Ведь развитие той же Земли происходит всё быстрее и быстрее, и никто лучше человека не может передавать накопленную информацию из поколения в поколение...»

— Да это, если вдуматься, и есть сам Господь Бог! — неожиданно произнёс Быков вслух и, усмехнувшись произвольной реплике уже про себя, подумал:

«Хорошо ещё, что начальство не может контролировать мысли своих подчиненных, а то весь отдел смеялся бы над монитором Вадимом Быковым... Ну да ладно, хорошие идеи не пропадают впустую: вот выйду в отставку — начну писать

научно-фантастические романы! Сюжеты для двух-трех у меня определенно есть! В них можно менять жизненный сюжет по собственному усмотрению, можно даже вычеркивать целые эпизоды и отдельных действующих лиц — а любимых героев всегда приводить к счастливому завершению начатого. К сожалению, такое чаще всего возможно лишь в фантазиях, но не в жизни...»

СОДЕРЖАНИЕ

Небольшое пояснительное вступление.....	3
Глава 1. Ковбой.....	6
Глава 2. Чрезвычайное происшествие на Эшере.....	36
Глава 3. Пленники Альмы	52
Глава 4. След призрака	76
Глава 5. Флибустьерское море	108
Глава 6. Человек из чужого времени.....	124
Глава 7. Отторжение.....	136

Владимир Борисович **Балашов**

Безбилетник

Фантастическая повесть

Редактор *Е. В. Чезыбаев*

Компьютерная вёрстка *Чезыбаева Д. А.*

Подписано в печать 23.10.2012. Формат 60х90 1/16. Гарнитура Liberation Serif.
Печать цифровая. Бумага офсетная. Печ. л. 10,5. Тираж 300 экз. Заказ № 38.

Государственное бюджетное учреждение Республики Хакасия
«Хакасское книжное издательство»,
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н,
тел. (3902) 24-43-54, 24-30-39

Отпечатано в типографии ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство»,
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173

Владимир Борисович Балашов

родился в 1949 г. Ленинградец, геодезист по профессии, работал в изыскательских экспедициях в Казахстане, на Дальнем Востоке, в Центральной Сибири, в Якутии. С полным правом его можно считать и профессиональным писателем: в СМИ начал публиковаться с 1972 г., а в 1992 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. В 1994 г. на Первом Всероссийском совещании молодых литераторов в Москве, по рекомендациям известных писателей Петра Проскурина и Николая Шундика он был принят в Союз писателей России, причем по рукописи первой книги, что делается только в исключительных случаях. Автор трёх книг повестей и рассказов: «Приди ко мне в туман» (1995), «Скафандр для гения» (2005), «Призрак единственной» (2010). Заслуженный работник культуры Республики Хакасия. За большой личный вклад в развитие журналистики Сибири в 2008 г. ему было присвоено звание Кавалер Золотого почетного знака «Достояние Сибири». В настоящее время завершает работу над историческим романом, живёт в городе Саяногорск.

ISBN: 978-5-7091-0583-6

9 785709 105836